

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

A 471419

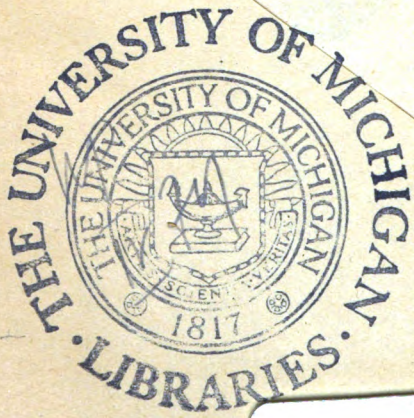
p.24

891.78

R837

1853

ПЕРЕИЗВЕНТАРИРОВАНО

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
С.-Петербургъ. 23 Января 1853 года.

Ценсоръ А. Крыловъ.

P.24

СОЧИНЕНИЯ

Ростопчин, Ф. В.

РАСТОПЧИНА

(ГРАФА ФЕОДОРА ВАСИЛЬЕВИЧА).

ПЕРЕИНВЕНТАРИЗАЦИЯ

БИБЛИОТЕКА
ул. им. К. Маркса
Обводный кан., 114
№ 12627
31482

Переинвентаризация
1950 г.

Издание Александра Смирдина.

~~БИБЛИОТЕКА
ул. им. К. Маркса. Обл. им. д.
Обводный кан., 114
№ 24768~~

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. ДМИТРИЕВА.

1853.

P-24

891,78

R 837

1853

~~NOTEN~~

Цѣна за одинъ томъ одинъ рубль серебромъ.

Stacks
Exchange
Lenin Publ. Lib.

12-15-76

1205936-293

МЫСЛИ ВЪ СЛУХЪ

НА

ВРАЩОМЪ ВРШЛЪЦЪ.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

Ефремовской дворянинъ Сила Андреевичъ Богатыревъ, отставной Подполковникъ, изра-
ненной на войнахъ, три выбора предводитель
дворянской и Кавалеръ Георгіевской и Вла-
димірской, отправился изъ села Зажитова, по
случаю Милиціи въ Тулу для закупки ружей,
и узнавъ о побѣдѣ подъ Прейсишъ-Эйлау про-
ѣхалъ въ Москву, для развѣдыванія о двухъ
сыновьяхъ, братѣ и племянникѣ, кои служатъ
на войнѣ. Отпѣвъ молебень за здравіе Го су-
даря, и отстоявъ набожно обѣдню въ Успен-
скомъ Соборѣ, по выходѣ, въ прекрасный день
сѣлъ на Красномъ Крыльцѣ для отдохновенія,
и преисполненъ бывъ великими произшествіа-
ми, славою Россіи и своими замѣчаніями, по-
ложя локти на колѣна, поддерживая сѣдую
голову руками, сталъ думать въ слухъ — тако:

Господи помилуй! да будетъ ли этому конецъ? долго ли намъ быть обезьянами? Не пора ли опомниться, приняться за умъ, сотворить молитву, и плюнувъ, сказать Французу: згинь ты, дьявольское навожденіе! ступай въ адъ, или въ свояси, все равно, только не будь на Руси.

Прости Господи! ужь ли Богъ Русь на то создалъ, чтобъ она кормила, поила и богатила всю дрянъ заморскую, а ей кормилицѣ и спасибо никто не скажетъ. Ее жь бранять всѣ не на животь, а на смерть. Придетъ Французъ съ вислицы, всѣ его перехватъ, а онъ еще ломается; говоритъ: либо принцъ, либо богачъ, за вѣрность и Вѣру пострадалъ, а онъ собака холопъ, либо кунчишка, либо подъячій, либо попъ разстрига, отъ страха убѣжалъ изъ своей земли. Поманерится недѣли двѣ, да и пустится либо въ торгъ, либо въ воспятанье, а иной и грамотѣ та плохо знаетъ.

Боже мой! да какъ же предки наши жили безъ Французскаго языка; а служили Вѣрой и правдою Государю и Отечеству, не жалѣли крови своей, оставляли дѣтямъ въ наслѣдство имя честное и помнили заповѣди Господни и присягу свою? За то имъ слава и Царство небесное!

Спаси Господи! чему дѣтей нынче учать! выговаривать чисто по Французски, вывертывать ноги и всклокачивать голову. Тотъ и умень и хорошъ, котораго Французъ за своего брата приметъ. Какъ же имъ любить свою землю, когда они и Русской языкъ плохо знаютъ? Какъ имъ стоять за Вѣру, за Царя и за Отечество, когда они закону Божьему не учены и когда Русскихъ считаютъ за медвѣдей? Мозгъ у нихъ въ тупеѣ, сердце въ рукахъ, а душа въ языкѣ; понять не лзя что врутъ и что дѣлають. Всему свое названье: Богъ помочь, *Bon jour*; отецъ, *Monsieur*; старуха мать, *Maman*; холопъ,

Mon ami; Москва, Ridicule; Россия, Fi donc.
Сущіе дѣти и духомъ и тѣломъ, такъ и со-
старѣются.

Господи помилуй! только и видишь, что молодежь одѣтую, обутую по Французски; и словомъ, дѣломъ и помышленіемъ Французскую. Отечество ихъ на Кузнецкомъ мосту, а Царство небесное Парижъ. Родителей не уважаютъ, стариковъ презираютъ, и бывъ ничто, хотятъ быть все. Завелись филантропы и мизантропы. Филантропы любить людей, а разоряютъ мужиковъ; мизантропы отъ общества людей убѣгаютъ въ трактиры. Старухи и молодья сошли съ ума. Все стало каша кашей. Бѣгутъ за мужъ за Французовъ и гнушаются Русскими. Одѣты какъ мать наша Евва въ раю, сущія вывѣски торговой бани, либо мяснаго ряду. Даже и Чухонцы сказываются Лифляндцами, а эти Нѣмцами. Охъ тяжело! дай Боже столѣтъ здравствовать ГОСУДАРЮ Нашему, а

жаль дубины Петра Великаго, взять бы ее хоть на недѣлку изъ кунстъ-камеры, да выбить дурь изъ дураковъ и дурь. Господи помилуй, согрѣшилъ грѣшной.

Прости Господи! все по Французски, все на ихъ манеръ; пора уняться; чего лучше быть Русскимъ, не стыдно нигдѣ показаться, ходи носъ въ верхъ, есть что поразсказать, а слушать иной хоть не радъ да готовъ. Вить что за люди къ намъ ѣздятъ, и кому дѣтей своихъ мы ввѣряемъ! Того и смотримъ, чтобъ хорошо выговаривалъ, а впрочемъ хоть иконы обдери, ей-Богу, стыдъ! Во всѣхъ земляхъ по Французски учатся, но для того, чтобъ умѣть писать, читать, и говорить внятно. Ну! не смѣшно ли нашему дворянину покажется, естли бы Русской языкъ въ такой модѣ былъ въ иныхъ земляхъ, какъ Французской; чтобъ псарь Климка, поварь Абрашка, холопъ Вавилка, прачка Грушка, и непотребная дѣвка Луш-

ка стали воспитывать благородныхъ дѣтей и учить ихъ доброду. А вотъ съ позволенія сказать это то у насъ лѣтъ ужъ тридцать какъ завелось, и по несчастю не выводится. Дожить, ей Богу, до бѣды.

Владыко мой! да чего отцамъ и матерямъ хочется? чего у насъ нѣтъ? все есть, или быть можетъ. ГОСУДАРЬ милосердый, дворянство великодушное, купечество богатое, народъ трудолюбивый. Россія извѣстна лѣтъ съ полтора ста. А какія великія люди въ ней были и есть! Воины: Шуйской, Голицынъ, Меньшиковъ, Шереметевъ, Румянцовъ, Орловъ и Суворовъ; спасители отечества: Пожарской и Мининъ; Москвы: Еропкинъ; главы духовенства: Филаретъ, Ергогенъ, Прокоповичъ и Платонъ; великая женщина дѣлами и умомъ Дашкова; министры: Панинъ, Шаховской, Марковъ; писатели: Ломоносовъ, Сумароковъ, Херасковъ, Державинъ, Карамзинъ, Нелединской, Дмитріевъ и Богдановичъ.

Всѣ они знали и знаютъ Французской языкъ, но никто изъ нихъ не старался знать его лучше Рускова.

Царь небесный! мало этова, вотъ еще вамъ. Слушайте что такое Русь. ГОСУДАРЬ пожелалъ милиціи, и явилась; да какая! не двадцать тысячъ, не пятьдесятъ, не осудите, шесть сотъ двѣнадцать! одѣта, обута, снаряжена и вооружена; а кто начальники? кто чиновники?—Рускіе дворяна, вѣрные слуги Государскія, вѣрныя сыны Отечества, съ грудью гордою, съ рукою сильною. Потѣшили духъ предковъ своихъ, кои служили Вѣрой и правдою подъ Казанью, подъ Полтавой, подъ Каменной Москвой; миліоны посыпались, всѣ вооружилися; и отъ Ледянаго моря до Чернова, отъ сердца и души закричали: всѣ готовы, идемъ и побьемъ!

Господи помилуй! да что за народъ эти Французы! копѣйки не стоитъ! смотрѣть не на что, говорить не о чемъ. Вретъ чепуху,

Соч. Раст.

2

ни стыда, ни совѣсти нѣтъ. Языкомъ пыль пускаетъ, а руками все забираетъ. За котораго не примись, либо философъ, либо Римлянинъ, а все наровить въ карманъ; трусливъ какъ заяцъ, шалостливъ какъ кошка; хоть не много дай воли, тотчасъ и напроказить. Да вотъ то бѣда, что наша молодежь читаетъ Фоблаза, а не Исторію; а то бы увидѣла, что въ Французской всякой головѣ вѣтреная мельница, гошпиталь и сумашедшей домъ. На дѣлахъ они плутишки, а на войнѣ разбойники; два лишь правила у нихъ есть, *все хорошо, лишь бы удалось. Что можно взять, то должно прибрать.* Хоть не много по шерсти поглядятъ, то и бунтъ. Вить что проклятыя надѣлали въ эти двадцать лѣтъ! все истребили, пожгли и раззорили. Сперва стали умствовать, потомъ спорить, браниться, драться; ничего на мѣстѣ не оставили, законъ поправили, начальство уничтожили, храмы осквернили, Царя казнили, да какого Царя!—Отца. Головы рубили, какъ капусту;

всѣ повелѣвали, то тотъ, то другой злодѣй. Думали что это будто равенство и свобода, а никто не смѣлъ рта разинуть, носу показать и судъ былъ хуже Шемякина. Только и было два опредѣленія: либо въ петлю, либо подъ ножъ. Мало показалось своихъ рѣзать, стрѣлять, топить, мучить, жарить и ѣсть, опрокинулись къ сосѣдямъ, и почали грабить и душить Нѣмцовъ и Венгерцовъ, Италіанцовъ и Гишпанцовъ, Голландцовъ и Швейцарцовъ, приговаривая: послѣ спасибо скажете. А тамъ явился Бонапартъ; ушолъ изъ Египта, шикнулъ и все замолчало. Погналъ Сенатъ въ зашей, забралъ все въ руки, запрегъ и военныхъ и свѣтскихъ и духовныхъ и сталъ погонять по всѣмъ по тремъ. Сперва стали роптать, потомъ шептать, тамъ головой качать, а наконецъ кричать: шабашъ республика! давай Бонапарта короновать, а ему-то и на стать. Вотъ онъ и сталъ глава Французская, и опять стало свободно и равно всѣмъ, то есть: плакать и

крехтѣть, а онъ какъ угорѣлая кошка и пошелъ метаться изъ углу въ уголь, и до сихъ поръ въ чаду. Чему дивить: жарко натопили, да скоро закрыли. Революція пожаръ, Французы головешки, а Бонапарте кочерга. Вотъ отъ тово-то и выкинуло изъ трубы. Онъ и пошолъ драть. Италию разграбилъ, двухъ Королей на острова отправилъ, Цесарцовъ обдулъ, Прусаковъ до нага раздѣлъ и разулъ, а все мало! весь міръ захотѣлъ покорить, что за Александръ Македонскій? Мужичишка въ рекруты не годится, ни кожи, ни рожи, ни виденя, разъ ударить, такъ слѣдъ простынетъ и духъ вонь; а онъ таки лезетъ впередъ на Рускихъ. Ну, милости просимъ! Лишь перешелъ за Вислу и стали бубнова Короля катать, подъ Пултускомъ по щекѣ, сталъ покашливать, подъ Эйлау по другой и свѣту Божьева не взвидѣлъ. Думалъ потѣшными своими удивить, а наши армейскія такъ ихъ утѣшили, что только образцовыхъ пустили живыхъ.

• Слава тебѣ, Россійское побѣдоносное Христіанское воинство! Честь ГОСУДАРЮ нашему, и Матушкѣ Россіи! Слава вамъ, герои Россійскія: Толстой, Кожинъ, Голицынъ, Докторовъ, Волконской, Долгорукой! Вѣчная память, юноша храброй Голицынъ! Молодые у тебя научатся, братья тебѣ позавидуютъ, старики вздохнутъ не разъ, раздѣлятъ печаль тяжкую съ отцомъ твоимъ, матерью и не скроютъ отъ нихъ слезы горькія о несчастной судьбѣ твоей. Радуйся Царство Руское! Всемирной врагъ предъ тобою уклоняется, богатырской твоей силою истребляется! Онъ пришолъ, какъ свирепой левъ, хотѣлъ все пожрать, теперь бѣжить, какъ голодной волкъ, только озирается и зубами пощолкиваетъ. Не щади звѣря лютова, тебѣ слава и вѣнецъ, ему срамъ конецъ. Ура Рускіе! вы одни молодцы. Не бѣда предъ вами, Богъ съ вами, Россія съ вами.

21482

~~БИБЛИОТЕКА~~
~~29768~~

БИБЛИОТЕКА
Обводный кан. 114
№ 114

За симъ Сила Андреичъ взвелъ съ восторгомъ глаза къ небу, слезы покатались изъ нихъ на землю, и смѣшались въ ней съ слезами радости и печали пролитыми въ теченіи двухъ вѣковъ на мѣстѣ семъ сынами Отечества; потомъ, онъ всталъ, посмотрѣлъ на Кремль, вынулъ табакерку съ Полтавскою медалью, перекрестился и пошелъ въ Спаськія ворота домой.—Миръ съ тобой Сила Андреичъ — многія тебѣ лѣта здравствовать.

ПИСЬМО

СИЛЫ АНДРЕЕВИЧА БОГАТЫРЕВА,

КЪ ОДНОМУ ПРЯТЕЛЮ ВЪ МОСКВѢ.

Любезной другъ, Кузьма Филатычъ!

Получая отъ скуки Московскія газеты, увидѣлъ, что я напечатанъ и расхваленъ безъ спросу, Господь вѣдаетъ, по какой причинѣ. Не мудрено, что меня кой кто въ Москвѣ знаетъ, потому что многія честныя люди по милости своей не оставляютъ, а какъ подслушали что у меня въ головѣ бродило, то это право диковина. Видно много праздношатающихъ, или уши длиннѣй стариннова стали, или я и заправду таки рѣчи говорилъ. Ну, да что за бѣда, Господи помилуй! я мужикъ старой; кто осудить ему же стыдно будетъ. Бранить не диковина, да было бы за что? А у меня что на умѣ, то и на

языкѣ. Каковъ въ колыбелку, таковъ и въ могилку. Какъ я прочиталъ, что меня хвалятъ, то сказалъ, ба! опять въ честь попалъ. Смотри пожалуй! дай Богъ, чтобъ въ прокъ пошло. Подслушивать охотниковъ много, и слушать таки есть, а слушаться мало. Право такъ! я радъ сидя разговаривать одинъ, пусть говорятъ, что съ ума сошелъ, отъ слова ничево не подѣится, дай Богъ мнѣ доброе здоровье, а имъ типунъ на языкъ. Согрѣшилъ грѣшной! Ну да это бы все и такъ и сякъ, да вотъ что больно. Зачѣмъ перекроили меня, вить я думалъ что хотѣлъ, а другой изволилъ придумать иное. Кто просилъ? Инова всунули, другога вытолкнули, а тамъ оговорка: жеска дискать рѣчь. И вѣдомо такъ, вить правда не пуховикъ. Это нынче изъ нее дѣлаютъ помаду. Про меня грѣхъ сказать, что мягко стелить да жоско спать. И ужъ вышло мнѣ Красное Крыльцо сокомъ! въ кои та вѣки присѣлъ отдохнуть, на немъ потелъ, да и отъ него потею. Го-

споди помилуй, да будетъ ли этому конецъ! а про васъ то слово, я говорилъ дѣло. Пусть мои рѣчи толкують, да своихъ не примѣшивай.

А я мой другъ по отпускѣ сего письма живъ и здоровъ. Ѳздилъ нарочно въ Калугу смотрѣть плѣнныхъ Французовъ. Какъ гусей стадами гонять. Насмѣшили проклятые, оборваны какъ нищія; видно у нихъ комиссариату нѣтъ, и что за мѣлочь! что за худерба! любимъ въ курилку играй. Ну ужъ настоящей народъ заморской. Всѣ обросли бородами, да и не диви, съ каторги! ради что въ полонъ попались. Ужъ тутъ не до цукерброту. Такъ ржаной хлѣбъ уписываютъ, что за ушми пищигъ. А нахальство все есть. Одинъ увидѣлъ меня въ мундирѣ говорить, бовъ журъ капитень! Ужъ я такъ ему спустиль, не захотѣлъ рукъ марать. Богъ и Каина живова оставилъ на свѣтѣ. А милиціонныя наши такъ и валяются со смѣху. Спрашиваютъ, гдѣ остальные? Хотятъ до тѣхъ

добраться. Одинъ крикнулъ Французу на ухо, ура! а онъ и оземь, только ножками подрываеъ. Хорошъ воинъ! да ихъ шапками замѣчуть. Только боюсь, чтобъ плѣнныхъ то не разобрали по домамъ въ учителя. Вотъ ужъ будетъ бѣда. Тогда и я скажу Фидонъ. Прощай другъ сердечной!

Твой доброжелательной,
Сила Богатыревъ.

А сынъ Лёвущка пишетъ, что на третій день послѣ баталіи, опять при ротѣ. Въ этомъ путь будетъ. Его ранили въ руку, да голову порубили; говорить, что кровью было изошелъ — туда ей и дорога — за Отечество.

29 Апрѣля, 1807 года.

Село Зажитово.

В Ъ С Т И,
И Л И
У Б И Т О Й Ж И В О Й
К О М Е Д И Я
В Ъ О Д Н О М Ъ Д Ъ Й С Т В И И.

Соч. Раск.

3

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

СИЛА АНДРЕИЧЪ БОГАТЫРЕВЪ.

НАТАЛЬЯ СЕМЕНОВНА, жена его.

ФОКА ФЕКЛИСТЫЧЪ ГОРЮНОВЪ, дальній родственникъ
и кумъ Богатырева.

МИХАЙЛА ФЕДОРЫЧЪ РАЗВОНОВЪ.

НИКОЛАЙ ИВАНЫЧЪ ПУСТЯКОВЪ.

ШАРЕШЬЯНА БАБРОВНА НАБАТОВА.

} знакомые въ до-
мѣ Богатырева.

ПЕТРЪ АЛЕКСѢИЧЪ ПОВѢДИНЪ, женихъ дочери Бога-
тырева.

КАШПАРЪ БОГДАНЫЧЪ МОРЕНКОЦФЪ, докторъ.

ЕВГРАФЪ ГАРДЕНИЧЪ ПЕГАСОВСКІЙ, стихотворецъ.

ГАНЦЕЛУТЪ и два слуги безъ рѣчей.

Дѣйствіе въ Москвѣ, въ домъ Богатырева.

==

*Театръ представляет гостиную комнату, чисто при-
бранную. Напередѣ столъ и нѣсколько креселъ.*

ЯВЛЕНІЕ I.

БОГАТЫРЕВЪ И ГОРЮНОВЪ.

БОГАТЫРЕВЪ.

И! да полно, братецъ! ужъ ты на меня то-
ску нагналъ. Охъ! да охъ! всё крехтишь да
стонешь.—Дай мнѣ и себѣ покой. Опомнись,
другъ сердечной! Что тебѣ за вздоръ въ го-
лову лезеть? ты дворянинъ, мужикъ здоро-
вой, а все охаешь, какъ будто у тебя колотье
въ боку.

ГОРЮНОВЪ.

Нѣтъ съ, я, благодаря Бога! здоровъ; а
чтобъ спокойну быть, то воля ваша, Сила
Андрейчъ, это не натурально.

БОГАТЫРЕВЪ.

Да вѣдь я не люблю съ тобою объ этомъ разговаривать. Тебѣ что ни говори, а ты свое несешь. Не хотя разсердишься, право такъ. Ну что за бѣда война? развѣ это первая? Для другихъ она страшна, а намъ дудки.

ГОРЮНОВЪ.

Да какъ по чужой-та дудкѣ запляшешь, да еще и въ присядку....

БОГАТЫРЕВЪ.

Пустое, кумъ! Вѣдь ты былъ въ Петербургѣ въ арсеналѣ? Ну, какой краской стѣны выкрашены, скажи?

ГОРЮНОВЪ.

Стѣны? *(задумавшись)* Дай Богъ память! да стѣнъ не видно; всѣ знаменами завѣшаны.

БОГАТЫРЕВЪ.

Ну, вотъ тебѣ и лекарство отъ страха! Эти знамена чужія, взяты на войнѣ, и послѣ каждой государство и слава наша увеличивались. Зависть и злоба противъ Россіи всѣхъ вооружали; а Рускіе ихъ били, гнали и слѣдъ заматали.

ГОРЮНОВЪ.

Не ужъ ли, батюшка, знаменами?

БОГАТЫРЕВЪ.

Фу, какой дуракъ! (*ему*) да—да, знаменами.

ГОРЮНОВЪ.

Конечно съ! кто противъ этого споригъ? Россія—она всё Россія, откуда не зайдѣ. И заправду, Сила Андреичъ! намъ нечего бояться; скажите по совѣсти, какъ съ?

БОГАТЫРЕВЪ.

Ну права, кумъ! ты меня осердишь. Развѣ

я боюсь говорить правду? я другаго языка не знаю. Да посмотри ты, упрямое животное! что была Россія прежде и что она теперь? И Днестръ у насъ течеть, и Черное море у насъ, и Балтійское, и Польша, и Крымъ, и Лифляндія, и Эстляндія, и Финляндія, и Курляндія, все въ нашей межѣ. О матушка Россія! проволокли цѣпь дѣгушки твои богатырскими руками; отмежевались живымъ урочищемъ; поставили, вмѣсто столбовъ, памятники побѣдъ, вмѣсто межника, могилы враговъ твоихъ. Сто лѣтъ не была нога ихъ на твоей землѣ, а теперь и воронъ костей не занесеть.

ГОРЮНОВЪ.

Не ужъ ли, батюшка! отъ сосѣдей спору не выходило?

БОГАТЫРЕВЪ.

Былъ, да не приняли.

ГОРЮНОВЪ.

А! то есть, по просту, отводъ дѣлали силкою. Теперь понимаю. Ну коли аказія пропущена, такъ этому дѣлу и быть. Ужь это пойдетъ въ благопріобрѣтенное.

БОГАТЫРЕВЪ.

И въ наслѣдственное на вѣки вѣковъ.

ГОРЮНОВЪ.

Все это такъ, конечно такъ—и иначе быть не можетъ. Да вѣдь и непріятель-то не дюжинной—вѣдь что за армія! со всего свѣту собрана, сущія ерошки: чего хочешь, того просишь; небось миліоновъ десять коли не болѣ; и всѣ, сказываютъ, въ кучкѣ, такъ и идутъ, куда глаза глядятъ. Хоть бы на нихъ куречья слѣпота нашла.

БОГАТЫРЕВЪ.

А ты откуда эту дрянъ берешь? Французовъ

осталось тысячъ съ восемьдесятъ, да всякихъ другихъ съ пятьдесятъ. Вотъ тебѣ и вся сказка тутъ!

ГОРЮНОВЪ.

Помилуйте, Сила Андреичъ! да вѣдь это у нихъ поголовщина: старой да малой остал-ся; а во Франціи народа несметна сила. Ну, да чего лучше? Вѣдь мы далеко кажется отъ нихъ живемъ, ну далеко; а куда ни загля-ни, и въ домахъ-то, и въ лавкахъ, и на улицѣ: и учатъ, и говорятъ, и ходятъ и ле-таютъ, кто?—Мусьи да Мадамы. Ну, а вѣдь это еще одни благородные.

БОГАТЫРЕВЪ.

Какіе благородные! Вольно намъ принимать ихъ за равныхъ, отдавать дѣтей, деньги, ду-шу и радоваться, что къ намъ пожаловали. Ихъ, я думаю, на одномъ Кузнецкомъ мосту цѣлый департаментъ.

ГОРЮНОВЪ.

Ахъ, Мати Божія! вѣрно уголовной; чтобъ не пѣть кукареку.

БОГАТЫРЕВЪ.

Ты ничего не понимаешь: у нихъ, по нашему, губернія называется департаментъ.

ГОРЮНОВЪ.

И знать не хочу; у нихъ на одномъ часу пять Пятницъ; что ни день, то новое; а мнѣ хочется, чтобъ Башкиры и Калмыки поскорѣй подошли. Тутъ-то заварять кашу; все побѣжить и не остановится. Плохо Французамъ будетъ— то ужъ плохо.

БОГАТЫРЕВЪ.

Да кудажь ты думаешь ихъ загонять?

ГОРЮНОВЪ.

Какъ куда! въ море, точно въ море. — Что

тутъ дѣлать? въ Америку развѣ плыть? Вотъ и концы въ воду.—А! забылъ вамъ сказать: я видѣлъ плѣнныхъ Офицеровъ; ну, ничего—люди какъ люди.

БОГАТЫРЕВЪ.

Да вѣдь они не трехъ пядей во лбу, такіежъ какъ и въ магазинвахъ. Француза всегда узнаешь: сухъ, блѣденъ, малъ, говоритъ спѣшитъ и назадъ оглядывается.

ГОРЮНОВЪ.

Охъ, ужъ мнѣ эти Французы! проворны, то ужъ проворны; какъ бѣсъ вертится. *Каманъ ву портеву? Форъ бьень деларжанъ, сешарманъ:* вотъ и весь тутъ языкъ! Нечего грѣха таить: не люблю я ихъ, да и боюсь—точно боюсь.

БОГАТЫРЕВЪ.

Ну, братецъ! оставь меня въ покоѣ, что

тебѣ за удовольствіе меня сердить? Ну бойся ихъ, будь одинъ на Руси: ты жъ ни на кого и не походишь. — Радъ я, что у тебя нѣтъ дѣтей и что ты въ родѣ своемъ послѣдній.

ГОРЮНОВЪ.

Ну вотъ, Сила Андреичъ! вы тотчасъ и осерчаете. Я съ глупости сказалъ, то есть, по дружбѣ; а вы на меня и звалили бѣду. Съ вами тотчасъ въ лабетъ: долго ли въ публику выпустить.

БОГАТЫРЕВЪ:

Я сору изъ избы не выношу; а ты право слишкомъ гадокъ, и не могу понять, что ты за урокъ: стыдъ въ тебѣ есть, а Русскаго духу нѣтъ.

==

ЯВЛЕНІЕ II.

БОГАТЫРЕВЪ, ГОРЮНОВЪ, БОГАТЫРЕВА.

БОГАТЫРЕВА *(Горюнову)*.

Здраствуйте, Фока Феклистычъ! *(мужу, поцѣловавъ его въ щоку)*. Каковъ ты, мой другъ? былъ ли у тебя Кашпаръ Богданычъ?

БОГАТЫРЕВЪ.

Нѣтъ еще; у меня голова совсѣмъ почти не болитъ и я былъ спокоенъ, да вотъ дражайшій кумъ посѣтилъ. Онъ не можетъ утерпѣть, чтобъ не врать, а я ему не мѣшать.

БОГАТЫРЕВА.

Охота вамъ обѣимъ; ты хочешь, чтобъ всѣ думали какъ ты, а онъ, чтобъ никто не думалъ.

ГОРЮНОВЪ.

Живой живое и думаетъ. Прежде я гова-

риваль; много знай, да не плошай; а нынче говорю про себя; много знать, дурно спать.

БОГАТЫРЕВЪ.

Да у тебя сонъ и пушкой не отобьешь. Это твое дѣло пить, ѣсть, спать и бояться. Взгляни, на кого хочешь; у инова братъ, сынъ, родня на войнѣ, а всѣ радуются побѣдамъ; молятся Богу за здравіе Государя и за побѣдоносное воинство. Посмотри въ церкви, не по прежнему, ужъ точно всѣ въ храмъ Божиемъ, а не въ собраніи; гдѣ всѣ веселятся, всѣ радуются; удовольствіе сильнѣе безпокойства, и если и ждуть мира, то для чего? старики и старухи, чтобъ обнимать отличившихся; дѣвушки, чтобъ итти за нихъ замужъ; а молодые, чтобъ брать ихъ въ примѣръ.

ГОРЮНОВЪ.

Ну конечно робѣть не отъ чего; чтожъ въ самомъ дѣлѣ? а я, признаюсь, люблю миръ.

БОГАТЫРЕВЪ.

А всё лезишь на брань. Вѣдь это счастье, что тебя знаютъ за пустаго человѣка, а то бы ты много сбиль съ пути: разумѣется, съ такою же головою, какъ твоя.

ГОРЮНОВЪ (*Богатыревой*).

Вотъ, Наталья Семеновна, каково мнѣ житье! кому отъ чужихъ, а мнѣ отъ своихъ. Тамъ Французы, тутъ сожитель вашъ, въ деревнѣ попалъ было въ Милицію.

БОГАТЫРЕВА.

Да вамъ шестьдесятъ лѣтъ, не выбрали бы: напрасно вы боялись.

ГОРЮНОВЪ.

У страха глаза велики, а у баловъ нѣтъ. Упрячуть въ избирательной, тутъ и сиди.

БОГАТЫРЕВЪ.

Ну вотъ не правду ли я говорилъ, что онъ одинъ эдакой уродъ въ Россіи? Всѣ рвались и шли въ Милицію. Всѣ стали одного чину, однихъ лѣтъ; здоровы, свободны и готовы исполнять волю Государеву и служить еще Отечеству; а онъ всё одинъ, да одинъ; слава Богу, что не два! .

БОГАТЫРЕВА.

Какова, мой другъ! Сонюшка?

БОГАТЫРЕВЪ.

Я съ полчаса у ней былъ. Жару нѣтъ и она покойна сидя, стала читать книжку; но ей выѣзжать еще дни три нельзя.

БОГАТЫРЕВА.

Да я и рада, чтобъ она дома сидѣла; а то услышитъ что нибудь о женихѣ, такъ опять будетъ исторія. Вранью нѣтъ конца.

Дай Богъ, чтобъ отъ него поскорѣй было письмо!

ГОРЮНОВЪ *(Богатыревой)*.

А вы, матушка! ничего не изволили слышать новинькаго?

БОГАТЫРЕВА.

Все тѣ же вѣсти, только съ прибавленіями.

БОГАТЫРЕВЪ.

Это обыкновенно: половина города за тѣмъ въ немъ и живетъ, чтобъ вѣстями питаться, и есть люди ненасытные. Вѣстямъ есть фабрики, конторы и, смотря по людямъ, курсъ вѣстовой бываетъ ниже и выше, а въ иныхъ домахъ, какъ на Кяхтѣ, дѣлаютъ вѣстямъ промѣнъ и спѣшатъ ихъ съ рукъ сжить съ барышкомъ. При всякомъ извѣстіи о сраженіи и пустятся по городу, какъ почталіоны въ почтовой день, и примутся, какъ имъ угодно, производить въ чины, въ Кавалеры,

въ Герои, въ трусы; отправлять на тотъ свѣтъ живыхъ; возвращать оттуда мертвыхъ; и на другой день множество каретъ, нагруженныхъ вѣстями, ложью и сплетнями, сначутъ радовать и печалить. Я это вижу, сидя подь окномъ. И какъ сломается карета, то ужъ никто не остановится прибрать цѣховаго вѣстовщика или вѣстовщицу, а всякой самъ спѣшитъ и боится, чтобъ его не обогнали, какъ курьера съ радостнымъ извѣстіемъ. Часто рассказы этихъ публичныхъ вѣстовыхъ на нѣскольکو времени направляють мнѣніе и самой публики, которая почтенна, да цемножко легковѣрна. Но какова ни есть, а нѣскольکو ея поколѣній составляютъ потомство.

БОГАТЫРЕВА.

Вотъ ты, мой другъ! принялся сердиться на людей. Какъ ихъ исправить насильно? иной такъ родился, иной привыкъ, другой любопытень. Ты знаешь.—

БОГАТЫРЕВЪ.

Знаю, матушка! охъ, знаю.—Ну, да если многіе любятъ дурное; я не люблю. Я чувствую, что я смѣшонъ; но по-крайней-мѣрѣ не вѣстовщикъ. Ну, чтожь дѣлать? мнѣ хочется хорошаго; я люблю все Русское, и если бы не былъ Русской, то желалъ бы быть Русскимъ; ибо я ничего лучше и славнѣй не знаю. Это брилліантъ между камнями, левъ между звѣрьми, орелъ между птицами.

ГОРЮНОВЪ.

То ужъ это въ самомъ дѣлѣ правда; и мнѣ въ иную пору любо быть Русакомъ.

БОГАТЫРЕВЪ.

Какой ты Русакъ? ты прибылой зайчишка, не смѣешь изъ опушки показаться.

ГОРЮНОВЪ.

Пошла опять травля.

БОГАТЫРЕВА.

Полно, другъ мой! не сердись пожалуста; вонъ къ тебѣ кто-то приѣхалъ! Я пойду къ дочери; не хочешь ли чаю?

БОГАТЫРЕВЪ.

Нѣтъ, еще рано; мнѣ и безъ горячаго жарко.

ГОРЮНОВЪ.

А меня такъ морозъ по кожѣ подираетъ. Коли да не будетъ миру, то для меня и Петровки будутъ Филиповки.

=

ЯВЛЕНІЕ III.

БОГАТЫРЕВЪ, ГОРЮНОВЪ И ПУСТЯКОВЪ.

ПУСТЯКОВЪ.

Здравствуйте, Сила Андрянчъ, что ваша

голова? Вѣдь вы это простудились на молебнѣ? Я вамъ тутъ же говорилъ, чтобъ береглись. Вы же такъ были разтроганы.

БОГАТЫРЕВЪ.

Надо мною радость и печаль одно имѣють дѣйствіе. Я плачу и молюсь Богу. Да кто же тутъ и не благодарилъ Его отъ чистаго сердца? Я служилъ самъ и заслужилъ имя честное; люблю честныхъ людей и почтенныхъ. А кто же больше достоинъ почтенія, какъ защитники славнаго Отечества нашего? Счастливы тѣ, кои ему служатъ. Какая жатва для Героевъ! каковъ поле для мужества! а жнецы у насъ славные.

ПУСТЯКОВЪ.

Мы это видимъ по успѣхамъ; этого и ожидать надобно было, при томъ награжденія.—

БОГАТЫРЕВЪ.

Они должны быть знакомъ достоинства

и храбрости, а отнюдь не предметъ службы вѣрнаго сына Отечества. Лучшая награда для достойнаго есть мнѣніе общее. Памятники оглашаютъ подвиги на одномъ мѣстѣ, а гласъ народный вездѣ.

ПУСТЯКОВЪ.

Сказываютъ, есть у насъ и раненые.

БОГАТЫРЕВЪ.

Иначе быть не можетъ.

ПУСТЯКОВЪ.

Вы не имѣли давно писемъ отъ Петра Алексѣевича?

БОГАТЫРЕВЪ.

Больше двухъ мѣсяцовъ.—Да не случилось ли чего съ нимъ? ради Бога, скажите, что, онъ раненъ? или убитъ?

ПУСТЯКОВЪ.

Пожалуста, Сила Андреичъ! не пугайтесь. Онъ раненъ, и легко, въ ногу.

БОГАТЫРЕВЪ (*перекрестясь*).

Велика милость Господня! рана молодому Офицеру прикраса. Да точно ли такъ, скажите? почему вы знаете?

ПУСТЯКОВЪ.

Я сейчасъ читалъ письмо у дяди Князь Никанора Ивановича отъ сына его, и онъ имянно пишетъ, что Петръ Алексѣичъ раненъ въ ногу, но легко.

БОГАТЫРЕВЪ.

Дай Богъ, чтобъ поскорѣй выздоровѣлъ и могъ служить опять. Ему хотѣлось быть ранену.

ГОРЮНОВЪ.

Хорошаго захотѣлъ. Поди спрашивай ума:

мало одной раны; пойдетъ за другою, какъ въ лѣсѣ по грибы. Теперь-то бы и въ отставку. Въ другой разъ въ тожь мѣсто попадетъ пуля, такъ не залечишь.

БОГАТЫРЕВЪ.

И, полно, кумъ! Самъ не знаешь, про что говоришь, охота вѣдь тебѣ. Я былъ пять разъ раненъ, да вотъ видишь не умеръ. А жаль если сведеть ногу: молодець-то какой!

ГОРЮНОВЪ.

Ну а какъ кость перебитая, что тутъ дѣлать? вотъ казусъ!

БОГАТЫРЕВЪ.

Да тамъ есть искусные лекаря, стануть лезить, и долго можетъ быть. Ну, а если вылечить мользя, чтожь дѣлать?—Отпилать ногу.

ГОРЮНОВЪ (*сидясь на креслы*).

Спаси, Господи, люди твоя! Пилить у жи-

ваго человѣка ногу! что это, береза? аль осина, аль швырковыя дрова? (*Обтираясь платкомъ*). Фу, батюшки! холодной потъ прошибъ.

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢЖЕ И РАЗВОЗОВЪ.

РАЗВОЗОВЪ (*входя скоро*).

Побѣда, побѣда! поздравляю, Сила Андрейчъ! позвольте себя обнять. (*Обнимаетъ Богатырева*).

БОГАТЫРЕВЪ.

Обнимай, братецъ! обнимай; жаль, что я старикъ, а не красная дѣвушка (*перекрестясь*). А! пошла потѣха! разъ за разомъ, духу не дадутъ перевести. Спасибо, сударь! спасибо (*обнимаетъ Пустякова*), что старика

потѣшилъ. Расскажи же, мой другъ сердечной! какъ это дѣло было?

ГОРЮНОВЪ.

Хорошее дѣло. Нечего сказать, есть чему радоваться: людей бьютъ, какъ мухъ хлопками. Бѣда, ей Богу бѣда! Охъ! охъ!

ПУСТЯКОВЪ (Развозову).

А позвольте спросить, откуда это извѣстiе? и когда получено?

РАЗВОЗОВЪ.

Не болѣе, какъ съ часъ, къ Военному Губернатору прiѣхалъ курьеръ отъ Военнаго Министра. А я слышалъ отъ Якова Дмитрича Вѣрнаго, который, встрѣтясь со мною на Мясницкой, остановилъ и прочиталъ записку, полученную имъ прямо изъ канцелярiи Областнаго, черезъ полчаса и я получу съ нее списокъ.

БОГАТЫРЕВЪ.

Чего вѣрнѣй? Вотъ этимъ-то однимъ извѣстіямъ и вѣрить должно: это не съ нашихъ фабрикъ. Ну, рассказывай пожалуйста! у тебя рѣчь перебили.

РАЗВОЗОВЪ.

Нашъ корпусъ въ пяти тысячахъ напалъ на Французской осьми-тысячной, которой окопавшись, стоялъ въ укрѣпленьи и взялъ его штурмомъ. Половина непріятелей положена, другая въ плѣну, три Генерала, знамены и пушки...

БОГАТЫРЕВЪ.

Ай наши! друзья сердечные! Вы одни молодцы. Грудью и въ штыки: вотъ и тактика! Кричи: ура! и пой: *Тебя Бога хвалимъ!*

ПУСТЯКОВЪ.

Завтра вѣрно еще молебень. Какъ я радъ,

что побѣда! тутъ весь городъ будетъ; я чрезвычайно люблю большіе сѣзды.

ГОРЮНОВЪ (*въ сторону*).

Ну, ужъ тутъ вѣрно нашему жениху дали карачунъ. Лиха бѣда до начину: разъ подстрѣлили, а въ другой доканаютъ, такъ ужъ не отстанутъ. Вотъ-те бабушка, и Юрьевъ день!

БОГАТЫРЕВЪ (*Развозову*).

Скажите пожалуйста, что вы слышали про моего будущаго зятя?

РАЗВОЗОВЪ.

Про Петра Алексѣича Побѣдина? въ запискѣ о послѣднемъ дѣлѣ ни о комъ ничего не сказано, а подъ Прейсишъ-Эйлау, вы, я думаю знаете...

ПУСТЯКОВЪ.

Что онъ раненъ въ ногу, я ужъ сказалъ Силѣ Андреичу.

РАЗВОЗОВЪ.

Вы меня извините, онъ раненъ въ правую руку. Я читалъ самъ письмо Генерала, у котораго онъ находился въ дивизіи, и отдавая справедливость его храбрости и дарованіямъ, онъ жалѣеть, что по случаю раны, служба лишится на нѣсколько времени такого отличнаго Штабъ-Офицера. Я васъ могу увѣрить, что это правда; я самъ читалъ, и онъ дѣйствительно раненъ въ руку, а не въ ногу.

ПУСТЯКОВЪ.

Не знаю, что вы читали, а я у дяди, Князь Никанора Ивановича, не далъ, какъ нынче утромъ, держалъ въ своихъ рукахъ и читалъ письмо, гдѣ его сынъ увѣдомляетъ этими словами: «Петръ Алексѣевичъ Побѣдинъ раненъ въ ногу и легко», и я точно, слово въ слово, такъ и Силъ Андреичу пересказалъ, и всѣмъ, кого видѣлъ.

ГОРЮНОВЪ.

Вотъ-те на! изъ двухъ коробовъ разнымъ вѣсти. Ранка-та съ барышкомъ выходитъ. Хорошъ женишокъ безъ руки и безъ ноги. Софьѣ Силовнѣ не безъ хлопотъ-то будетъ. Вотъ-те и побѣда!

РАЗВОЗОВЪ.

Мнѣ кажется; лучше вѣрить Генералу, чѣмъ вашему братцу: одинъ писалъ видѣнное, а другой пересказанное, а можетъ быть и выдуманное.

ПУСТЯКОВЪ.

Если выдуманно, что раненъ въ ногу, то для чего жь не ранить его и въ руку? это всё будетъ равно. Объ раины ложь, и мы съ вами квитъ: членъ за членъ.

БОГАТЫРЕВЪ.

А я, милостивые государи! думаю, что онъ.

и совсѣмъ можетъ быть не раненъ, такъ какъ это съ другими случилось, то есть: милость городская. Трудно ждать конца безпокойству; но мы всю жизнь безпрестанно чего-нибудь ждемъ и, по щастію, не знаемъ, что насъ ждетъ.

=

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢЖЕ И МОРЕНКОФЪ.

МОРЕНКОФЪ.

Страфствуйде, Зиль Антреишъ! Што патушка? микстуръ мой стѣлалъ звой тѣла?

БОГАТЫРЕВЪ.

Да мнѣ, Кашпаръ Богданычъ! стало лучше, я и не принималъ; вонъ вся склянка цѣлая стоитъ на окнѣ. Вѣдь ты знаешь, что я до лекарствъ не охотникъ. Какова дочь?

МОРИНКОПЪ.

Снай, снай, я фсе снай: фи не лупить кю-
шать лекарствъ; а я фсе толженъ тафать,
эта мой тѣла. Ну, а Зофъ Зилавна гарастъ
лутши. Теперь паясь не ната: и ясыкъ-та
луше, и гласи караши; немношка тѣтъ
ната. Я фелель пульонъ съ зыпленка стѣ-
леть, а зафтра мошна палавинъ катлетъ да-
вай. Бакой и дерпень, фотъ двѣ слафони ле-
карствъ!

РАЗВОЗОВЪ.

А чѣмъ занемогла Софья Силовна?

МОРИНКОПЪ.

Ну, эте пилъ принципіумъ маленька ка-
ряшка, фотъ какъ гафарисъ, нервосной и гни-
лой-та, и пятнушкъ пилъ на губа. Но фсе те-
берь фъ парятка, фсе кодитъ звой маршъ,
и фъ катансъ. Желафекъ паисъ палезнь, а
палѣзнь паисъ Докторъ.

БОГАТЫРЕВЪ.

А смерть никово.

МОРЕНКОПФЪ.

**Ну, эта тругой тѣло: змерть имѣитъ соой
практикъ.**

РАЗВОЗОВЪ.

Вольную.

ПУСТИКОВЪ.

И обширную.

БОГАТЫРЕВЪ.

**И никто ее, кажется, не приглашаетъ, а
каждаго одолжитъ визитомъ разъ въ жизни.**

ГЮРЮНОВЪ.

**А что всего лучше, даромъ. Трудится сѣр-
дечная дѣзъ человѣколюбія, и спасибо ей ни-**

кто не скажетъ. Ни дня, ни ночи нѣтъ покою; косить да косить. Ужъ мастерица фуражъ заготовлять, то ужъ мастерица!

БОГАТЫРЕВЪ (*Горюнову*).

Поди-ка братъ, Фока Феклистычъ! скажи женѣ, пожалуйста ди-скать къ намъ: новая побѣда.

МОРЕНКОФЪ.

Та я ей фсе сказалъ, ана снаетъ фсе акуратна. Фотъ апъ раначка Петре Алексѣишъ ей ешо скасать толшна. Кагта уснаитъ Зофи Зилавна, то не карашо. Ана ешо злаба; пакой тать ната. А тамъ палушитъ пизьмо, и фсе путишъ Ганцъ Алерлибсть. Нихтъ варъ, Зиль Антреишъ, мой патушка? (*смѣется*). Э! э! э!

БОГАТЫРЕВЪ.

Точно такъ, Кашпаръ Богданычъ! Скажи, отъ кого ты слышалъ, что Петръ Алексѣичъ ранецъ?

МОРЕНКОФЪ.

Какъ гафаритесь, слухъ земля полнитесь. Мой практикъ пальшой; пальны, злафапогы! многа. Ну, атна гафари, другой гафари; я и снай, што такой фсе гафари. Бегрѣ Алексѣишь злавна фектоваль, и Франсусъ патариль ему ранка на голофа, но не очень пальшой: атинъ шрамъ путить.

ГОРЮНОВЪ.

Что эта за рана часъ отъ часу вверхъ лезить.

ПУСТЯКОВЪ (*Развозову*).

Это походить на вашу руку.

РАЗВОЗОВЪ (*Пустякову*).

А мнѣ кажется на вашу ногу.

БОГАТЫРЕВЪ.

А я всё при своемъ мнѣніи, что онъ не

раненъ. Вотъ три* разныя раны на одномъ часу!

МОРЕНКОФЪ.

Ну канешна, тафолна и отной въ галава. А тошна онъ таки пылъ раненъ; я снай эта ганць позитифъ: мене гафариль мой трукъ, аптекаръ Диссантеріусъ; онъ палушилъ пизьмо отъ госпотинь Корнетъ Цауберфельдъ.

ГОРЮНОВЪ.

Да если эдакъ его разохотятъ, что по три раны на одномъ часу, такъ и ма шотахъ не выложишь, не довольно что на аспидной доскѣ, сколько въ годъ разъ будетъ раненъ.—Куда, подумаешь, живущъ человѣкъ! сильное животное!

ПУСТЯКОВЪ (Развозову).

А вы ничего не слышали о последнемъ дѣлѣ? нѣтъ ли какихъ подробностей?

РАЗВОЗОВЪ.

И быть еще не можетъ. Первое извѣстiе получено лишь нынче утромъ. Даже и не сказано, кто командовалъ нашимъ корпусомъ.

МОРЕНКОФЪ.

Ихъ бите умъ фергебунгъ. Нѣмецкихъ Енераль пылъ три штукъ, и все мой семлякъ.

ПУСТЯКОВЪ.

Да войска-та по крайней мѣрѣ были Рускiя.

МОРЕНКОФЪ.

Ну та мощна и эта скасать, а кагтапъ Енераль тутъ не пылъ, такъ турна 'пы пыла. Пальшой манефръ стѣлалъ атинъ калонъ, тругой баталiонъ Гаре, а ешо атинъ ампискать, ну такъ и папилъ Французъ звой тактикъ.

БОГАТЫРЕВЪ.

Да мы управляемся одни чуть ли не лучше, чѣмъ съ товарищами. Это видно и теперь, и прежде *непобѣдимой Суворовъ* это доказалъ; у него побѣда и слава на безсмысленныхъ были ординарцахъ.

ПУСТЯКОВЪ.

И все бывали на посылкахъ.

ГОРЮНОВЪ.

А теперь вѣрно ужъ вышли въ чины. Гдѣ они, батюшка? не бось въ арміи? Дай Богъ имъ здоровья!

БОГАТЫРЕВЪ.

Нѣтъ, Каишпаръ Богданычъ! про лекарства съ тобой спорить не стану; я въ этомъ толку не знаю: пиши что хочешь, а я принимать не буду; а за войско постою грудью.

Чуть ли-та ваши Нѣмецкіе мастера не попали въ ученики.

РАЗВОЗОВЪ.

Браво, Сила Андреичъ!

ПУСТЯКОВЪ.

Ужъ онъ не выдастъ своихъ: никому не спустить.

ГОРЮНОВЪ.

А за меня не бось не вступится, даромъ что свой.

МОРЕНКОФЪ.

Ну есть Руска пасловись: фѣкъ жифъ, фѣкъ ушись. Эта канешна, наши Енераль, ана и старъ и толста; а тѣло звой снать ошень крѣпка.—Одинъ, тругой и праиграть паталь, ну васистасъ? Каки пѣда? тругой кампанъ путить. Фасметъ звой реваншъ, а песь тактикъ Енераль злова злова какъ Докторъ песь Латинскій ясыкъ.

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТЪЖЕ И НАБАТОВА.

БОГАТЫРЕВЪ.

Маремьяна Бобровна, добро пожаловать! гдѣ мать моя пропадала? али прихварнула?

НАБАТОВА.

Таки и нездорова была; да дѣла ужъ такъ много было, что замучилась: два приданья дѣлала, племянника отпустила въ армію, собирала ружья да пистолеты на Милицію, дядю похоронила и, благодаря Бога, сестру съ мужемъ помирила, кой-какъ уладила — много ужъ на свою душу грѣха приняла. Ну мочи нѣтъ, съ ногъ сбили. Если бы не порошки Кашпара Багданыча, то бы схлебнуть горячку. Гдѣ Наталья Семеновна? а Софья Силловна, что ей, есть ли лучше? Бѣдняшка, я ее, какъ душу, люблю.

БОГАТЫРЕВЪ.

Жена тотчасъ придетъ, а дочь не много слаба. Расскажи же, что новинькаго? Ты, какъ почтовой чемоданъ, изо всѣхъ мѣстъ привозишь извѣстія, а отходишь и приходишь утромъ и вечеромъ всякой день.

НАБАТОВА.

Благодаря Бога, у меня знакомыхъ много; меня всѣ любятъ и никто отъ меня ничего не тавтъ. Лестно заслужить такую довѣренность, да, правду сказать, трудно сохранить и репутацію; чужой секретъ не всякому ввѣрить можно, а я отъ добраго сердца рада со всякимъ душу раздѣлить. Представь же, каково мое положеніе?

БОГАТЫРЕВЪ.

Ну, что Маремьяна Бобровна! вѣдь мы давно другъ друга знаемъ: душу-то не знаю дѣлишь ли ты; а секретъ коли нечаянно по-

падетъ въ руки, то ужъ тотчасъ на волю отпустишь; ты все берешь отъ Публики изъ прокату.

НАБАТОВА.

Полно, полно проповѣди-то сказывать. Знаете, Кашпаръ Богданычъ! я сей часъ отъ бѣдной Припадковой; кажется, ей не вставать, моей милой! Дурна она мнѣ показалась; что вы думаете?

ЖОРЕНКОФЪ.

Ну, карошева тутъ мала, я пылъ въ конзултаций. Фогъ у ней *primo*, пылъ интижегтя, *secundo*, маленькій утаршикъ — апок-лепсія, а тамъ злабость, шаръ да шаръ. Фчера пылъ калодной потъ; ну и ясыкъ не кочить гафарить, и гласа сматрить, и онъ ничефо не слышитъ.

РАЗВОЗОВЪ.

Чегожъ тутъ ожидать инаго, какъ смерти?

ПУСТЯКОВЪ.

И желать ее надобно. Какое жалкое состояніе!

БОГАТЫРЕВЪ.

А лучше бы натурѣ дать волю.

НАБАТОВА.

Возможно ли? она такихъ проказъ надѣлаетъ, что и жизни радъ не будешь.

МОРЕНКОФЪ.

Ну натуральна; ей грѣбка мужтукъ тершать ната. Ана все кочить и все прозить. У ней атно въ голофа: Фортъ! фортъ! (Смѣется). Э! э! э!

РАЗВОЗОВЪ (*Набатовой*).

А кто ее лечить?

НАБАТОВА.

Вильма Вильмычь Либертотъ. Онъ конеч-

но человекъ практикованной; но мнѣ что-то не нравится: отвѣту отъ него не добьешься, лекарства не перемѣняетъ и слишкомъ охотникъ, съ позволенія сказать, до рвотнаго, какъ-будто ему въ душѣ нужда.

ШОРЕНКОФЪ.

Ну, фить ми рфотной таемъ не для свой забава, а штопъ ачистить натуръ. Палѣснь злова злова какъ форъ, прикотить всека всячинъ зебѣ фсять; а какъ я дамъ атъ темпо полутше рфотной, злабительной, и фазму фсю крофъ у пальнова, ну што палѣснь тутъ фъ корпусъ найтетъ? такъ и пайтетъ въ тругой мѣста, какъ ей уготна, котъ въ пальшой фаротъ, котъ въ калитка.

НАБАТОВА.

Я въ вашей Медицинѣ толку не знаю, а могу рекомендовать ваши порошки отъ мигрены и капли отъ рюматисма—безподобныя! А право этой бѣдной Припадковой не вста-

вать. Я оставила тамъ человѣка, чтобъ узнать, какъ скоро скончается; тотчасъ по скачу.

БОГАТЫРЕВЪ.

За чѣмъ не лёгкая несётъ? что, ты гробовой мастеръ; или дьячокъ, Псалтырь читать?

НАБАТОВА.

Нѣтъ, мнѣ жаль дѣтей. Меня мать просила ихъ не покинуть. А муженёкъ ее между нами сказать, не умрётъ съ печали; ужъ я видѣла его маневры: лбомъ объ стѣну бьётся, а глазами заглядываетъ въ дѣвичью.

ГОРЮНОВЪ.

Да онъ и самъ, можетъ статья, не помнить, что дѣлаетъ: хочетъ въ горѣ душу отвести. Тошно, горько, а кусъ проглотишь.

НАБАТОВА.

Ужъ онъ аппетита не потеряетъ, за это я

побожусь: много кой-что я про него знаю. Да и она мудреная женщина; ни о чемъ не думала, и ничего не любила, дочерямъ дала волю и....

БОГАТЫРЕВЪ.

Маремьяна Бобровна, опомнись, сударыня! Долго ли свѣтъ весь бранить? Вѣдь дѣвушка она невѣста, за что ее губить? Доброму туго вѣрять, а дурному съ радостію.

НАБАТОВА.

И, голубчикъ! не безпокойся. Вѣдь за ней полторы тысячи душъ, да и браллианты матушка всѣ пожаловала: она вѣдь была фаворитка; про неё что хочешь говори, всѣ пойдеть между ушей. Смотри, чтобъ еще въ плѣрозахъ не обвинчалась, вѣдь онѣ напивныя.

РАЗВОЗОВЪ (Набатовой).

Вы изволите знать о новой побѣдѣ, что мы разбили восемь тысячъ Французовъ и взяли въ полонъ трехъ Генераловъ?

НАБАТОВА.

Какъ не знать! Только ихъ было восемнадцать тысячъ, а нашихъ пять сотъ человѣкъ.

ПУСТЯКОВЪ.

Да я записку читалъ.

НАБАТОВА.

А я реляцію.

РАЗВОЗОВЪ.

Да ей, кажется, быть еще нѣкогда.

НАБАТОВА.

Однакожь она здѣсь, ее прислали прямо изъ арміи со штафетой и держать подъ слухомъ. А еще вы ничего не знаете?

БОГАТЫРЕВЪ.

Развѣ есть другое какое извѣстіе?

НАВАТОВА.

Сей часъ получили, что нашъ корпусъ ночевалъ подлѣ лѣсу, а Французовъ тысячь съ двадцать, заблудившись, прошли въ лѣсъ. Наши ихъ пропустили, поутру послали сказать, чтобъ сдались; они не хотѣли пардону, надѣялись, что ихъ много, и хотѣли было идти на нашихъ штурмомъ. Но нашъ Генераль тотчасъ зажогъ лѣсъ и всѣхъ этихъ двадцать тысячь перевязали и людей и лошадей, какъ воровъ, и отправили на фурахъ въ какое-то мѣсто.

БОГАТЫРЕВЪ.

Если это и было, такъ что-нибудь да не такъ, воля твоя, Маремьяна Бобровна!

РАЗВОЗОВЪ.

Лѣсъ сырой, такъ скоро зажечь!

ПУСТЯКОВЪ.

Да гдѣ столько фуръ взять? и чѣмъ вязать?

НАБАТОВА.

Ахъ, батюшка! а платки, а подвязки-то? Въ эдакой аказіи всё пригодится. Я первая крестъ съ шеи отдамъ. Вы не извольте вѣрить, а я читала реляцію. Тутъ и пушки взяты новыя, что присланы изъ Парижа: сказываютъ, такія длинныя, что за двадцать верстъ бьютъ, во что ни попало. Какъ бишь Генерала-то Французскаго зовутъ? Мартира—Мартиръ—Мортивръ.

БОГАТЫРЕВЪ.

Да всё равно; они всё на одинъ покрой. Я только одного и помню Моро, отъ того что на Кузнецкомъ мосту есть Мадамъ Моро.

НАБАТОВА (*Богатыреву*).

А вы знаете, что вашъ Петръ Алексѣевичъ раненъ?

БОГАТЫРЕВЪ.

Знаю.

НАБАТОВА.

Удивительно, что вы такъ спокойны!

БОГАТЫРЕВЪ.

Чтожъ дѣлать, воля Божія? а я признаться, сомнѣваюсь, что онъ раненъ: иной говоритъ въ ногу, другой въ руку, третій въ голову....

НАБАТОВА.

А я четвертая скажу, что въ грудь.

ГОРЮНОВЪ.

Ну, поздравляю! живаго мѣста не осталось; точно битое мясо.

БОГАТЫРЕВЪ.

Станемъ молиться Богу и ждать извѣстія, Извините, что я васъ оставлю на полчаса время. Схожу къ дочери, да пошлю къ вамъ свою Наталью Семеновну; она вѣрно

не знаетъ, что вы здѣсь, а мнѣ жъ отправить Бурмистра изъ Саратовскихъ деревень: пріѣхалъ по Милиціи.

=

Я В Л Е Н І Е У И.

ПУСТЯКОВЪ, РАЗВОЗОВЪ, ГОРЮНОВЪ, МОРЕНКОПФЪ И НАБАТОВА.

НАБАТОВА (*Моренкопфу*).

Онъ совсѣмъ не догадывается; его ранами-то съ пути збили; да вы ему, Кампаръ Богданычъ! не давали чувствовать....

МОРЕНКОПФЪ.

Ну, какой тутъ шувства! я гафарилъ, онъ раненъ въ голофа и змотрѣлъ на нефо, и таки самъ шалку мину стѣлалъ: и онъ эта фитиль, ну и не панимаеть, чтоощъ мене тѣлать? я сфой тѣла стѣлалъ.

НАБАТОВА.

Гдѣжъ лекарь? послали ли за нимъ? время терять нечего; мнѣжъ хочется заѣхать къ Робертсону, а оттуда въ собраніе. Лишь онъ придетъ, я ему и объявлю; тутъ я думаю лекарю много дѣла будетъ: всему дому пускать кровь. Велите пожалуста все приготовить.

МОРЕНКОФЪ.

Тутъ ушь все гатофъ; и чашка, и укусъ, и шотка въ руки, все стоитъ въ пуфетъ, а лекарь зидитъ въ мой каретъ на тварѣ.

НАБАТОВА.

За чѣмъ же? его бы позвать сюда.

МОРЕНКОФЪ.

И! не ната; теберъ не ошень коладно, только 17 градъ на термометръ. Молоди луди палавать нената. Эте мой регуль. Онъ зынъ мой старинни Кенигзберски тругъ, злафни Штабъ-Лекаръ господинъ Ганцъ Блутъ.

РАЗВОЗОВЪ *(Набатовой)*.

Развѣ вы знаете?—позвольте—я въ такомъ
безпокойствѣ!...

НАБАТОВА.

Вѣдь это не секретъ. Подождите не мно-
го, какъ Сила Андреичъ придѣтъ; я скажу
ему при васъ.

РАЗВОЗОВЪ *(думая)*.

Чтобы это такое могло быть? — и съ
кѣмъ?...

ПУСТЯКОВЪ *(думая)*.

Не могу отгадать—Сила Андреичъ—Док-
торъ—кровь—кто нибудь умеръ—чтобы это,
такое?...

ГОРЮНОВЪ *(чесетъ голову)*.

Экую задачу задала!—Ахъ, батюшки! въ
Милицію чтоль выбрали? аль Французъ де-
ревню выжегъ?—Нѣтъ съ, не могу угадать;
одинъ бы добрался, а при людяхъ я вѣдь
дуракъ дуракомъ.

МОРЕНКОФЪ.

Да, да! эта за осемъ нофой рапортъ. Ушь штука злафнай!

НАБАТОВА.

Послушайте, дайте честное слово, что никто не выйдегь изъ этой комнаты и не скажетъ прежде меня Силѣ Андреичу, такъ я вамъ скажу.

ВМѢСТѢ.

{ Развозовъ — Я могу васъ увѣрить.
{ Пустьяковъ — Даю честное слово.
{ Горюновъ — Хоть по щекамъ.

МОРЕНКОФЪ.

Ну фотъ и присяга на зекретъ.

НАБАТОВА.

Извольтежъ знать, что Петръ Алексѣичъ Побѣдинъ, будущій зять Силы Андреича, храброй-то воинъ....

ВМѢСТѢ } РАЗВОЗОВЪ — Нусъ?
 } ПУСТЯКОВЪ — Чтожь?
 } ГОРЮНОВЪ — Ушолъ?

НАБАТОВА.

Да, ушолъ, на тотъ свѣтъ—умеръ; убить
точно.

ВМѢСТѢ } РАЗВОЗОВЪ — Ахъ, Боже мой!
 } ПУСТЯКОВЪ — Представьте!
 } ГОРЮНОВЪ (*свищетъ*) Фю! Фю! Фю!

НАБАТОВА.

Я получила сей часъ письмо, гдѣ мнѣ
покойниковъ братъ объявляя о кончинѣ, про-
ситъ принять на себя эту непріятную ком-
миссію, объявить роднѣ и Силѣ Андреичу.
Какъ не грусно и не тяжело, а этотъ долгъ
по дружбѣ и по любви исполню конечно; за
тѣмъ и пріѣхала.

ПУСТЯКОВЪ.

Это вамъ, сударыня? дѣлаетъ честь.

РАЗВОЗОВЪ.

Ахъ, жаль Силы Андрейча! Почтенный старикъ! тяжело ему будетъ.

ГОРЮНОВЪ.

Вотъ-те разъ: не было печали, черти накачали.

ПУСТЯКОВЪ.

Стало, онъ, спустя нѣсколько времени, отъ ранъ умеръ.

РАЗВОЗОВЪ.

Не погодить ли, Маремьяна Бабровна? Дождаться приказа въ газетахъ, были примѣры....

НАБАТОВА.

Ахъ, батюшка! да чего ждатель? что тутъ за примѣры? у меня письмо въ карманѣ. Теперь вы, узнавъ отъ меня, по всему городу покойника повезёте. Я васъ имѣю честь знать; да я не совѣмъ таки пошлая дура:

не такъ скоро облабечусь. Теперь того и смотри, что завернетъ какой нибудь бѣсъ, скажетъ Силѣ Андреичу и лишитъ меня удовольствія исполнить комиссію покойнаго Петра Алексѣича.

ПУСТЯКОВЪ.

Стало, онъ въ памяти умеръ?

НАБАТОВА.

Въ совершенной; цѣлое утро писалъ и завѣщаніе сдѣлалъ. Братъ душеприкащикъ. Но эти всѣ бумаги у него; онъ ждетъ вѣрной аказіи ихъ переслать. А что онъ умеръ, такъ умеръ; это такъ вѣрно, какъ я жива.

ПУСТЯКОВЪ *(Развозову)*.

Изволите видѣть, мое извѣстіе вѣрнѣй; онъ точно былъ раненъ въ ногу и умеръ отъ антонова огня.

РАЗВОЗОВЪ.

Да и отъ руки я надѣюсь умереть можно;

особливо если сдѣлали операцію; тутъ всегда тотъ же вашъ антоновъ огонь придетъ.

МОРЕНКОПЪ.

Фуи! не такъ эте насыфаете, атинъ злова са тругой. Апераций и ампутацій зафсемъ иной. Апераций мошна тѣлатъ ношикомъ и ношницъ, а ампутацій билкай; эта большой роснисъ.

НАБАТОВА.

Онъ былъ и не въ руку, и не въ ногу раненъ, а вотъ какъ. Баталія ужъ совсѣмъ кончилась, а ему захотѣлось взять еще самую-то большую пушку; онъ и бросился и только что ея схватить, а она и выстрѣлила двумя ядрами: одно попало въ голову, а другое въ грудь, и оба на вылетъ.

ГОРЮНОВЪ.

Кажется, обѣ раны смертельныя; тутъ и лечить нечего. Я видалъ ядры-то на литейномъ дворѣ: иной съ Астраханской арбузъ,

какъ шолкнетъ, такъ не устоишь на ногахъ; тутъ нада ужъ голова, да и голова.

МОРЕНКОПФЪ.

Ну фотъ а галафъ-та и гафарить нечева: ушь эта атье; а грудь иногда мошно папрѣпавать лешить.

ГОРЮНОВЪ.

А какъ бы это? Да вѣдь ядро-то не бось пронесло, какъ слуховое окно, покорно прошу, что тутъ дѣлать? Впрочемъ вѣдь я этѣ говорю такъ, къ рѣчи пришло. Вы этѣ дѣло лучше насъ знаете; такія ль вы чудеса дѣлаете? а всё съ рукъ сходить. А я такъ знаете чему радъ? что ядро-то на вылетѣ. Ну если бы въ груди остановилось, что дѣлать? Вотъ тутъ-та бы тяжко ему жить. Покорно прошу съ пудовой - та гирькой гулять. — Это точно щастіе, поздравить надо. Сердечушко! какъ голову - та оторвало, ужъ онъ другой-та раны не видалъ, развѣ издали посмотрѣлъ.

МОРЕНКОФЪ.

Фотъ у фасъ какой имагинація и фасъ галафа протить, какъ маладой пифа.

РАЗВОЗОВЪ.

Какъ ничего предвидѣть нельзя. Если бы можно было знать такой конецъ, то не было бы сговору и слезъ.

ПУСТЯКОВЪ.

А Софья Сидовна и теперь уже больна, отъ одного безпокойства; чтожь будетъ, когда она узнаетъ, что предметъ ея щастія убить?—Я боюсь, чтобъ эта смерть не произвела другихъ смертей.

МОРЕНКОФЪ.

Эта пи не турна пыла. Матушка змерть ана стара. Ей мошна и атставку тать зъ безсіонъ, а фотъ тети пудутъ папрафорней.

ЦАБАТОВА.

Я давно живу на свѣтѣ, а еще не видала,

чтобъ кто съ печали умеръ. Она какъ-то скорѣй черной фланели носится. А если, что и случится, такъ отъ того, что меня не послушали; я ни-вѣсть, какъ просила Силу Андреича и Наталью Семеновну, чтобъ повременили сговоромъ. Положить бы межъ собой на словъ, или отложить до замиренья. Ну, да вѣдь Силу Андреича не переупрямишь; онъ на своемъ поставитъ. Наталья Семеновна — то изъ его воли не выходитъ: чего мужъ захочетъ, на всё согласна. А про дѣвочку я ни слова не говорю; въ ея лѣта только и на умъ какъ нибудь да за-мужъ и въ дамы.

ГОРЮНОВЪ.

Словно какъ въ доведи, чтобъ братъ взадъ и впередъ. Ходу-то прибавится.

РАЗВОЗОВЪ.

Въ лѣта Софьи Силавны и съ ея достоинствами не трудно, вмѣсто одного жениха, найти тысячу.

ПУСТЯКОВЪ.

Я тогожь мнѣнія, добродѣтель и красота ея всѣмъ извѣстны.

НАБАТОВА.

Что до добродѣтели касается, то объ ней мало думаютъ. Какъ то до нее мало охотниковъ! видно изъ моды вышла. И ужъ это дурной знакъ, когда стануть говорить, что дѣвушка-невѣста имѣеть доброе сердце, добрую душу. Я напередъ знаю, что это значить: либо дурочка, либо скверная личемъ.

ПУСТЯКОВЪ.

Про Софью Силовну никто этого не скажетъ, потому что она умна, прекрасна, и получила въ наслѣдство отъ почтенныхъ своихъ родителей всѣ тѣ качества, кои приобрѣтаютъ почтеніе, любовь и дружбу.

НАБАТОВА.

Это всё такъ, я съ вами согласна; но
Соч. Раст.

красота въ дѣвукѣ первая рекомендація въ Публикѣ и билетъ *д'антре* въ сердцѣ. А наша Софья Силовна отъ печали, или ужъ такъ эпоха ея пришла, но какъ-то позавяла; а вотъ теперь еще и извѣстіе - то красоты, кажется, не прибавитъ. Она вѣрно зачахнетъ; и ей замужемъ не бывать, помните мое слово.

ГОРЮНОВЪ:

То ужъ конечно; этотъ товаръ продать лицомъ.

НАБАТОВА.

И поскорѣй; до мятова чтой-то охотниковъ мало. Тѣ дѣвушки, которыя были сговорены, и на волѣ, какъ-то если не удастся въ первой разъ, то послѣ остаются при родителей и при терпѣннѣ.

ПУСТЯКОВЪ.

И тѣмъ больше жаль, что покойной Петръ Алексѣичъ былъ предостойной молодой челоуѣкъ; и жена его вѣрно бы съ нимъ была

щастлива. Онъ былъ мнѣ хорошій пріятель,
и я могу за него побожиться.

РАЗВОЗОВЪ.

Какая потеря и для Силы Андреича! Онъ
былъ точно по его мысли и по сердцу: мо-
лодецъ, дворянинъ, отличной храбрости и
почиталъ его, какъ роднаго отца.

ГОРЮНОВЪ.

Да и состояніе хоть куда. Епифанская—то
деревня, батюшка, добрая кормилица! Что
одной пеньки продавалъ! Такъ стыдно ска-
зать.

НАБАТОВА.

Вы его, можетъ быть, короче меня знали;
а я, судя просто, ничего завиднаго въ этомъ
женихѣ не находила. Немудрено, что Софья
Силовна въ него влюбилась, этого отецъ и
мать желали; натурально, что и она сама
захотѣла. Для молодиченькой и живой дѣвоч-
ки замужество; масленица, молодой чело-

ВѢКЪ: Ниленберская кукла, а женихъ: скляночка съ духами.

ГОРЮНОВЪ *(смѣясь)*.

Точно такъ, ей Богу! понюхиваетъ, да попрыскиваетъ.

НАБАТОВА.

Что это до сихъ поръ нейдетъ Сила Андрейчъ?.. А, да вотъ Пегасовскій! Какой несной дуракъ!

=

Я В Л Е Н І Е VІІІ.

ТѢЖЕ И ПЕГАСОВСКІЙ.

ПЕГАСОВСКІЙ.

Имю честь свидѣтельствовать мое нижайшее почитаніе всимъ Чинамъ сего почтеннаго Сословія.

НАБАТОВА.

Гдѣ былъ, Эвграфъ Гарденчъ? Я и не приѣтила, какъ ты отъ меня ушелъ.

ПЕГАСОВСКИЙ.

Для нуждъ своихъ ходилъ, сударыня! поднесъ одному покровителю стихи на день его тезоименитства; потомъ вручилъ супругѣ надгробную Титулярнаго Совѣтника Тита Клементьевича Полугарова; да снялъ подрядомъ переводъ Французской книги.

НАБАТОВА.

Стало, Титъ Клементьевичъ умеръ? Какой былъ разбойникъ, удивительной!

ПЕГАСОВСКИЙ.

Прошу меня извинить, онъ еще диханія не перевелъ; но хоть и живъ, а мертвецъ не погребенной. Супруга его, барыня предобродѣтельная, по хозяйственной части любитъ заранѣ и во время заготовлять все потребное для дома; и для сего и эпитафію еще третьяго дня заказать соблаговолила. Послѣ кончины ей! не взялъ бы менѣе двадцати рублей, а теперъ по условію и пятью доволенъ битъ долженъ.

НАБАТОВА.

Ну, полно Эвграфъ Гарденчъ! тебѣ жить право не дурно: вездѣ принимаютъ, вездѣ подарки.

ПЕГАСОВСКІЙ.

Да змилуйтесь, Маремьяна Бабровна! я же часто питаюсь грѣшниками и укрѣпляюсь горилкой; а это же постыдная амвросія и нектаръ. Въ иномъ домѣ и пригласятъ ко столу, но проклятiя хлопцы все меня обносятъ, и я блюдамъ дилаю инспекторскіей смотрѣ; а обонянiемъ сытъ не будешь. Стихи мало заказываютъ и дурно платятъ; прежде бывало вирной доходъ отъ кондиторовъ: писалъ стишки для билетовъ; но и сіе изъ моды вышло.

НАБАТОВА.

Это жаль, а дарованiя много. У насъ такихъ стихотворцовъ право мало, и въ одну минуту, что угодно? трагедіюль, пѣсенку, или исторiю? тотчасъ поспѣетъ. (*Пегасовско-*

му). Успѣлъ ли ты заняться? — Помнишь о чемъ говорили.

ПЕГАСОВСКІЙ.

Я все исполнилъ.—Готово, и вотъ (*показывая на свой карманъ*) тутъ...

РАЗВОЗОВЪ.

Что это такое?

ПЕГАСОВСКІЙ.

Ода на смерть Высокоблагороднаго Петра Алексѣича Побѣдина.

ПУСТЯКОВЪ (*съ сердцемъ*).

Вотъ хорошо! да вы почему это знаете? отъ кого?

НАБАТОВА.

Я вамъ скажу: онъ зашелъ ко мнѣ передъ обѣдомъ; я собиралась ѣхать сюда, и мнѣ пришло въ голову, что стихи жалкія на смерть Петра Алексѣича могутъ занять Си-

лу Андрейча, а притомъ и Евграфу Гарденчу кой-что перевалится.

(Пегасовскій кланлется).

РАЗВОЗОВЪ *(Набатовой).*

Какъ же вы насъ увѣряли, что никому не сказывали.

ПУСТЯКОВЪ.

А выходитъ, что эта смерть ходитъ по городу.

ГОРЮНОВЪ.

И за чѣмъ насъ заарестовали? ни дай, ни вынеси: тотчасъ попадешь въ бѣду, право такъ!

НАБАТОВА.

Да кому узнать, и съ кѣмъ онъ знакомъ? Сдѣлайте для меня удовольствіе, побудьте здѣсь—одолжите, я васъ прошу.

РАЗВОЗОВЪ.

Я остаюся въ уваженіи къ Силѣ Андрейчу.

ПУСТЯКОВЪ.

Теперь надобно ждать, чѣмъ это все кончится.

ГОРЮНОВЪ.

А для меня все равно; здѣсь тепленько, я радъ съ людьми; не люблю одинъ дома сидѣть. Вотъ ужъ мнѣ тяжело, мать!

НАБАТОВА *(Пегасовскому).*

Не помнишь ли надгробной, Тита Клементыча Полугарова?

ПЕГАСОВСКІЙ.

Какъ же не помнить своихъ сочиненій? мои дѣти всегда при мнѣ. Извольте слушать.

(Вынимаетъ изъ кармана много бумагъ и отыскиваетъ одну).

Она будетъ написана золотыми буквами, на мовзолеѣ, которой также заказанъ весь изъ мрамора. Гробъ представлять будетъ куфу. На одномъ днѣ означено сорокъ, то есть,

лѣта усопшаго. На немъ сидятъ Геній премудрости, держащій портретъ покойника въ видѣ стакана, и Фортуна, коя для утоленія печали играетъ на бадалайкѣ, любимомъ инструментѣ господина Полугарова; а рука его изъ гроба тянетъ изъ-подъ Фортуны рогъ изобилія. Какая прекрасная аллегорія! самая деликатная и вся изъ Митологій.

(Читаетъ).

Эпитафія, то есть, надгробная.

Фортуна, Бахусъ и Меркурій,
Здѣсь возлюбленный вашъ сынъ зарытъ.
Курится, какъ гора Везувій,
Какъ спиртъ, вино, пѣвится, шипитъ.
Крючкомъ онъ нажилъ миллионы,
Падѣвнейшій былъ отъ Короны,
Хотя въ чинахъ, въ безчестьѣ билъ челомъ
И родъ весь свой оставилъ подъ гербомъ.

РАЗВОЗОВЪ.

Очень, очень хороша! особливо конецъ;
эпитафія, и мажорлей, и человекъ все въ родъ
намъ родѣ.

НЕГАСОВСКИЙ.

Въ Поэзии первой предметъ гармонія, и должно по Грамматикѣ согласить и родъ, и число, и падежъ:

БУСТАКОВЪ.

Въ эпитафii вся жизньъ заключена; жаль только, что сорокъ лѣтъ продолжалась.

НАБАТОВА (*Негасовскому*).

А оду совсѣмъ кончилъ?

НЕГАСОВСКИЙ.

Строфъ съ двадцать готови, да еще бы надобно крохи пошлифовать.

НАБАТОВА.

Ну да ты поди въ другую комнату, да и поправь.

НЕГАСОВСКИЙ.

Позвольте прочитатъ самъ господамъ и

узнать мнѣніе такихъ почтенныхъ слушателей; рукоплесканія суть пища и сытому и голодному таланту.

ЖОРЕНКОФЪ.

Эта пища шелутка не папортить.

НАБАТОВА.

Ну, читай поскорѣй, пока Сила Андреичъ не пришодъ.

ПЕГАСОВСКІЙ.

Покорно прошу, внимлите. Тутъ есть много непротивнаго, новаго и приличнаго къ столь страшному концу сего младаго Ироя.

(Читаетъ).

Престаньте дни, часы, о время! течь;
Громъ, окіанъ, вѣтры не шумите.
Стой, злобна смерть! атласъ спусти свѣтъ съ
плечь.

Вопль, плачь, тоска, вздохи, вы теките!
Гекла! Этна! закрой свою трубу;
Явись солнце и освѣщай судьбу
Великаго Героя Росскихъ силъ!
Съ мѣдной грудью, съ корпусомъ металънымъ

Сражался онъ съ варваромъ коварнымъ.

Вопить ура! но—Буфъ! ударъ сразилъ.

ГОРЮНОВЪ.

Стишки хоть куда. Всяко дѣло мастера
боится.—А ужъ пуще всего этотъ буфъ, ну
точно пушка; аль-но я вздрогнулъ?

ПЕГАСОВСКІЙ.

Это честь моей одѣ; и сей буфъ новое укра-
шеніе Подражательной Поэзіи.

(Продолжаетъ читать).

Закрывъ уста, безжизненъ ты прилегъ,
И чуть, и чуть вздымается ребро.
Голодный Галлъ, обращенъ тобой въ бѣгъ.
Ктожь далъ ударъ?—Чугунное ядро.
О фурія! пушка! дочь ада!
Духъ тартара! ахъ! твои суть чада
И атропосъ.....

НАБАТОВА.

Поди, поди вонъ; я слышу голосъ Силы
Андреича. *(Пегасовскій выходитъ).*

==

ЯВЛЕНІЕ IX.

БОГАТЫРЕВЪ, НАБАТОВА, РАЗВОЗОВЪ, ПУСТЯКОВЪ, ГОРЮНОВЪ, МОРЕНКОФЪ.

БОГАТЫРЕВЪ.

Извините, что я къ вамъ долго не являлся? заговорился съ бурмистромъ; а Наталья Семеновна моя заснула, сидя у дочери. Она бѣдняшка двѣ noci не ложилась, насило ходить.

НАБАТОВА.

Да; ей теперь здоровье нужно.

БОГАТЫРЕВЪ.

Послушайка, Маремьяна Бобровна, что ты дивилась тому, что я спокоенъ? Мнѣ показалось будто ты поморщилась. Почудилось мнѣ это, или что есть въ самомъ дѣлѣ?

НАБАТОВА.

Вѣдь вы знаете, что Петръ Алексѣичъ раненъ?

БОГАТЫРЕВЪ.

Сказываютъ такъ, да все разное и увѣрительнаго ничего нѣтъ: должно ждать подтвержденія.

НАБАТОВА.

Охъ, Сила Андреичъ! дурныя вѣсти вѣдь скоро доходятъ.

РАЗВОЗОВЪ.

Вы столько имѣете твердости..., вы на опытѣ это доказали....

ПУСТЯКОВЪ.

Вамъ же не въ первой разъ, оплакивать потери....

НАБАТОВА.

Снесите съ терпѣнiемъ этотъ ударъ. Богъ милостивъ! ну, чтожь дѣлать?

БОГАТЫРЕВЪ.

Да что вы меня терзаете, я готовъ на все (*Горюнову*). А ты о чемъ плачешь?

ГОРЮНОВЪ *(рыдал).*

Да мнѣ васъ жаль—и его жаль. Хорошо бы и вамъ тутъ же заплакать, авось либо легче будетъ.

НАБАТОВА.

Батюшка, Сила Андрейчъ, какъ мнѣ вамъ сказать? Ей Богу! не знаю.

БОГАТЫРЕВЪ *(съ нетерпѣливъ).*

Скорѣй и короче.

МОРЕНКОФЪ.

О та што фи мушить этать добрій старикъ? ну гафарите, ахъ! Поже мой!—мейнъ Готъ! мейнъ Готъ!

НАБАТОВА *(Богатыреву).*

Ну, знайте, ужъ если вамъ такъ хочется, что вашего Петра Алексѣича нѣтъ на свѣтѣ.

БОГАТЫРЕВЪ.

Нѣтъ на свѣтѣ!—Его?—ахъ, бѣдная Со-нюшка!—что онъ умеръ? или убитъ?

НАБАТОВА.

Убить, въ послѣднемъ дѣлѣ; онъ хотѣлъ
взять батарею....

БОГАТЫРЕВЪ.

Ну!...

НАБАТОВА.

Бросился на пушки одинъ....

БОГАТЫРЕВЪ.

Ну!...

НАБАТОВА.

И двумя ядрами убить.

БОГАТЫРЕВЪ (*перекрестясь*).

Стало, и не страдалъ, и не успѣлъ подумать ни о сокровищѣ, коимъ Богъ хотѣлъ его наградить, ни обо мнѣ, вѣрномъ своемъ другѣ; но нѣтъ, онъ думалъ прежде и зналъ, что счастье моего дома, отъ его судьбы зависѣло.

РАЗВОЗОВЪ

Какое несчастіе, что онъ не могъ укротить своей запальчивости!

БОГАТЫРЕВЪ.

Не можно: онъ былъ молодъ, и весь благородной; храбрость Руская разсудка не слушаетъ; она побѣждаетъ, или погибаетъ.

РАЗСУДКОВЪ.

Онъ довольно доказалъ прежде, что онъ храбръ и могъ бы не подвергать себя лишней опасности.

БОГАТЫРЕВЪ.

Если бы онъ не былъ храбръ, то бы я его не выбралъ въ свои зятя; не думалъ бы найти въ немъ сыновъ убитыхъ, замѣнить ихъ, осушить иногда горькія слезы щастіемъ дочери. Но напрасно я думалъ утолить скорбь мою. Надежда мелкнула въ глазахъ моихъ и исчезла навсегда. Несчастной ста-

рикъ! какой ждешь тебя конецъ? Кто закроетъ глаза твои? Кого ты по себѣ служить Государю оставишь? Имѣлъ двухъ сыновъ, и нѣтъ ихъ; сыскалъ третьяго, погибъ и онъ. О Россія! дражайшее Отечество! вся кровь моя пролита за тебя.

РАЗВОНОВЪ.

О почтенный мужъ!

ПУСТЯКОВЪ.

О примѣрный сынъ Отечества!

НАБАТОВА.

Истинно благородной человѣкъ!

МОРЕНКОФЪ.

Злачный экземпль, молоты люди!

ГОРЮНОВЪ.

То ужъ патриотъ. нечего сказать, не бось не унываетъ.

НАБАТОВА.

Укротите вашу печаль, подумайте о себѣ; что вамъ себя морить безвременною смертію? у васъ еще есть Софья Силовна.

БОГАТЫРЕВЪ.

Охъ, матушка! сердце кровью обливается! Она одна теперь на свѣтѣ, и въ осьмнадцать лѣтъ смерть отравила ядомъ жизнь ея.

НАБАТОВА.

Надѣяться надобно, что время....

БОГАТЫРЕВЪ.

Время ослабѣваетъ печаль, а скорбь души часть отъ часу глубже вырѣзываетъ, и эти слѣды одна лишь смерть заравниваетъ. Такъ и быть! доживать и доплакивать. Господи, да буди святая воля твоя! Сила Андрейчъ, крѣпись и мужайся! ты человѣкъ и Христіанинъ.

РАЗВОЗОВЪ (*отъ сторону*).

Онъ у меня раздираетъ душу.

ПУСТЯКОВЪ (*съ сторону*).

Теперь смерть объявлена, мнѣ здѣсь дѣлать нечего: поѣду домой, перемѣню лошадей и пушусь по городу объявлять это несчастіе. (*Уходитъ*).

— — —
Я В Л Е Н І Е X.

**БОГАТЫРЕВЪ, НАБАТОВА, РАЗВОЗОВЪ, МОРЕН-
КОНФЪ, ГОРЮНОВЪ И БОГАТЫРЕВА.**

БОГАТЫРЕВА (*входя скоро къ мужу*).

Что такое сдѣлалось! что съ тобой, Сила Андрейчъ? ты плачешь! (*Всльмъ*) Да что такое?

БОГАТЫРЕВЪ.

Поди ко мнѣ, другъ мой! плачь и рыдай со мной. Мы не всѣ еще съ тобой слезы пролили. Послушай, плачь по Петрѣ Алексѣичѣ.

БОГАТЫРЕВА.

Ахъ!—Софьюшка—о другъ мой!...

*(Падаеть въ кресла безъ чувства, вст
бросаются къ ней).*

БОГАТЫРЕВЪ *(держа руки у жены),*

(Моренкофу) Помогите ради Бога; мои
глаза кромѣ смерти ничего не видятъ.

МОРЕНКОФЪ *(щупая пульсъ у Бо-
гатыревой).*

Ну, эта малиньки опморокъ — фотъ и
пульсъ та прикодить въ своей моціонъ. Эта
перви обмарокъ, тругой-та палекше пудить.
Ната натуръ дать фоли; ана звой тѣла знаетъ
тѣлатъ; старинни Профессоръ.

РАЗВОЗОВЪ.

Я надорвусь отъ жалости; отъ роду эда-
кой картины не видалъ, Боже мой!

ГОРЮНОВЪ.

И мнѣ въ самомъ дѣлѣ жадко станвится;
чтожъ? вѣдь и я человекъ такой же.

НАБАТОВА *(Моренкоффу)*.

Да ну, Кашпаръ Богданычъ! что тутъ нульсь щупать? пускай кровь пожалуста поскорѣй.

МОРЕНКОФЪ.

Ташась, ташась, *приципитандо бибимусъ сангвине фужибатъ*. Эта Цицеронъ лубима пасловись.

(Отворяетъ дверь и чтой — то приказываетъ).

НАБАТОВА *(въ сторону)*.

Я ни чему не рада. Жаль, что не отложила до завтра; вездѣ опоздаю: ужъ девять часовъ.

ГОРЮНОВЪ.

Экъ какъ насъ всѣхъ перевернуло — и вдругъ еще — смотри пожалуй. — Ба! ба! да за чтожь мы одни принялись плакать? а люди и въ усъ себѣ не дуютъ. Пойду-ка я имъ объявлю эту радость; авось и они заплачуть. Куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ склещной. *(Уходитъ)*.

НАБАТОВА.

Опомнитесь, Наталья Семеновна! Приди, матушка, въ себя; ну чтожъ дѣлать? такое опредѣленіе. — Что мы можемъ противъ воли Божіей? посѣтилъ еще домъ вашъ печалію. Чтожъ, его не подымите, а себя въ гробъ положите.

БОГАТЫРЕВА.

Ахъ, лучше бы мнѣ умереть! — ахъ лучше....

БОГАТЫРЕВЪ.

Другъ мой, съ кѣмъ же я останусь? — Намъ остается просить одной у Бога милости: чтобъ умереть вмѣстѣ.

БОГАТЫРЕВА.

Дай Богъ!

НАБАТОВА.

У васъ еще Софья Силовна, и ее утѣшить надобно. Мало ли чего въ свѣтѣ бываетъ?

бѣда ходить не по лѣсу, а по людямъ. Ну, Богъ милость свою надъ вами явитъ. Какъ быть! живи не какъ хочется, а какъ Богъ велитъ. Вотъ вы матушка оправьтесь, поѣдемъ къ Троицѣ, въ Ростовъ, къ Пафнутію Боровскому; а лѣтомъ, если живы да здоровы будемъ, махнемъ въ Кіевъ: я вездѣ съ вами, ни на минуту васъ однѣхъ не покину.

(Входятъ четыре человека. одинъ съ чашками, другой съ салфеткой, третій съ половой щоткой, четвертой съ склянкой, Ганцблутъ).

БОГАТЫРЕВЪ *(Моренкопфу).*

Вы хотите ей пускать кровь? но пожалуйста оставьте до завтра. Намъ еще много горя будетъ утѣшать бѣдную дочь, она ничего не знаетъ.

МОРЕНКОПФЪ.

Ну, да завтра ешо мошна чашка тва пустить; а теперъ пацольшѣ — уфидимъ — уфи-

димъ. Зперва Натальи Земеновна, а тамъ и
фасъ, патушка! клейнъ писхенъ; фи не лу-
пить, я снаю; но теперь попался фъ мой
руки; я партонъ не снай: фикторія, одерь
тотъ. Э! э! э!

БОГАТЫРЕВЪ.

Я и сыновья мои для того не пускали
крови, что берегли ее, и думали, что дво-
рянинъ долженъ ее проливать только за Оте-
чество и за Государя. Но; *(вздохнувъ)* сы-
новей нѣтъ на свѣтѣ, а я тяжкое бремя на
земли, и если вы находите нужнымъ, то дѣ-
лайте, что вамъ угодно.

РАЗВОЗОВЪ.

Всякое его слово печатается на моемъ
сердцѣ.

МОРЕНКОФЪ.

А фотъ зперва ми папроуемъ Натали Зе-
меновна; у ней злафна шиль, какъ захарна
веревка, и битъ полошить не ната.

БОГАТЫРЕВА (*мужу*).

Чтожь тебѣ на это смотрѣть? ты бы пошелъ къ Сонюшкѣ. Я боюсь, чтобъ ей кто не сказалъ—О Боже! укрѣпи ее!

(Пока Ганцблутъ и люди подходятъ и готовятъ все потребное для кровопусканія).

БОГАТЫРЕВЪ.

Какой несчастной день въ моей жизни! старость, печаль и горькія воспоминанья будутъ одни наши собесѣдники; ужъ я не буду ждать ни радостныхъ извѣстій, ни поздравленій, ни восхитительныхъ свиданій: сыновей, и зятя нѣтъ въ арміи. Здѣсь я ихъ благословлялъ, отсюда отпускалъ на службу, на этомъ мѣстѣ вручилъ зятю шпагу пожалованную Государемъ ПЕТРОМЪ ВЕЛИКИМЪ отцу моему за храбрость; съ ней служили я и сыновья мои, и она въ рукахъ Богатыревыхъ обогрѣлась кровію неприятельской. Я обнялъ жениха моей доче-

ри, и не чувствовалъ, что въ послѣдній разъ; онъ оросилъ грудь мою и руки слезами, и вышелъ въ эти двери, чтобъ никогда не возвращаться....

(Въ сію самую минуту двери открываются Побѣдинъ вбѣгаетъ и бросается на шею къ Богатыреву).

Ахъ, что это? — Боже милосердый!

==

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТЪЖЕ И ПОВѢДИНЪ.

ПОВѢДИНЪ.

Батюшка, батюшка, какое благополучіе!

БОГАТЫРЕВА *(бросаясь къ нему на шею).*

Это онъ! это онъ! и ты живъ!

ПОБЪДИНЪ (*цѣлуя у ней руки*).

Да, матушка! это сынъ вашъ, это я. Но что такое сдѣлалось? на всѣхъ я вижу страхъ. Кому хотѣли кровь пускать? Боже мой! гдѣ Софья Силовна?

НАБАТОВА.

Что это за чудо? это мертвецъ, или — нѣтъ, не повѣрю — привидѣнiе; точно привидѣнiе.

РАЗВОЗОВЪ.

Я глазамъ своимъ не вѣрю; и убить и живъ!

МОРЕНКОФЪ.

Ай! ай! ай! Ну! ну! ну! Дасистъ дерътейфель!

БОГАТЫРЕВЪ (*Шобьдину*).

Выслушай, дивись и радуйся: отъ тебя съ мѣсяцъ писемъ не было, дочь отъ безпокойства занемогла, но теперь ей лучше.

ПОБѢДИНЪ.

Ахъ, какое несчастіе!

БОГАТЫРЕВЪ.

Ничего, мой другъ! ничего; она совсѣмъ почти здорова, ну стану ль я тебя обманывать? Мы измучились, смотря на нее и не зная, что съ тобою дѣлается. Сего дня послѣ обѣда—вотъ Михайла Федорычъ, Николай Иванычъ Пустяковъ и Кашпаръ Богданчычъ сообщили мнѣ, что ты раненъ: иной говорилъ въ руку, другой въ ногу, третій въ голову, такъ что я сталъ и сомнѣваться въ ранѣ, но вотъ дорогая кумушка (*показывающая на Набатову*). Подвижная эта смерть посетила и отравила было насъ на тотъ свѣтъ.

ПОБѢДИНЪ.

Какъ это?

БОГАТЫРЕВА (*мужу*).

Другъ мой! теперь намъ радоваться надобно, а не сердиться; Богъ ей судья! прости ее.

БОГАТЫРЕВЪ.

Хорошо, матушка! это не уйдетъ; да позволю мнѣ досказать. Вотъ эта сударушка и одолжила меня извѣстіемъ, что ты убитъ, и чертъ знаетъ, какую сплела исторію! что ты бросился брать пушку, и ядромъ ударило въ голову....

РАЗВОЗОВЪ.

А другимъ въ грудь.

БОГАТЫРЕВЪ.

Ну вотъ слышишь, одного мало; по я не понимаю теперь и самъ, какъ ей новѣрилъ, и какъ не умеръ на мѣстѣ. Наталья Семеновна упала въ обморокъ; ей было хотѣли пустить кровь, и Богъ одинъ знаетъ, чтобъ изъ этого вышло.

ПОБѢДИНЪ.

Гдѣ же Софья Силовна? Позвольте батюшка....

БОГАТЫРЕВЪ.

По щастію она не выходитъ и ничего не знаетъ, даже и того, что ты будто раненъ.

ПОБЪДИНЪ.

Да я и въ самомъ дѣлѣ раненъ (*показываетъ на руку*) подъ Прейсише-Эйлаву; но я могъ въ третій день быть съ баталіономъ опять въ дѣлѣ. (*Богатыревъ цѣлуетъ у него руку*). Помилуйте, батюшка!

БОГАТЫРЕВЪ.

Позволь. — Всякая рана, полученная за Отечество есть печать его.

БОГАТЫРЕВА (*Побѣдину*).

Да что ты, мой милой, до излеченія чтоль отпущенъ и на долго ли съ нами?

ПОБЪДИНЪ.

Матушка, я здоровъ; слѣдственно поспѣшу въ армію. Я былъ отправленъ къ Госу-

дарю съ извѣстіемъ о послѣдней побѣдѣ; на другой день моего пріѣзда въ Петербургъ я испросилъ позволеніе ѣхать черезъ Москву и пробыть здѣсь три дни. Теперь поздравьте меня: Государь изволилъ меня пожаловать въ Подполковники и, что всего драгоценнѣй, изволилъ обо мнѣ разговаривать съ похвалою.

РАЗВОЗОВЪ.

Имѣю честь поздравить; пріятно видѣть достоинство съ наградой.

МОРЕНКОФЪ.

Гратилуръ. Фотъ теберъ и зъ палкомъ скоро будить, а тамъ малинкій корпусъ — ну и *маршъ маршъ!* эте злафна.

НАБАТОВА.

А я ужъ ни за что на свѣтѣ не поздравлю, ... во время пріѣхалъ. Вотъ говорятъ, что Французы мастера стрѣлять — пустое; не попали.

БОГАТЫРЕВЪ.

Велика милость Государева! дай Богъ ему много лѣтъ здравствовать; а зять пусть служить. Такъ ли, другъ сердечной? Ступай до бѣлаго знамя. Лишь бы смерть не вручила косы Маремьянѣ Бабровнѣ; а то она тотчасъ тебя подкосить. Берегись!

НАБАТОВА.

Вотъ хороша отъ васъ признательность. Я отъ добраго сердца хотѣла васъ любя сберечь, успокоить и объявить по деликатнѣй; а на по вѣрку яжъ виновата. Покорно благодарю; впередъ наука. Попала въ бѣду отъ того, что ко мнѣ написали; я повѣрила; а Петръ Алексѣичъ изволилъ вдругъ явиться.

БОГАТЫРЕВЪ.

И, что всего мудренѣй, живой.

НАБАТОВА.

Можетъ быть; а я не могу этому вѣрить, какъ хотите.

БОГАТЫРЕВЪ.

Да взгляни, матушка! вонъ онъ и говорить, и ходить, и насъ обнимаетъ, и вотъ и я его обнимаю. *(Обнимаетъ Побыдина)*. Ну ужъ одолжила; благодаренъ за милость.

НАБАТОВА *(съ сторону)*.

Пренесносной старикъ! *(Богатыреву)* Я вамъ все то же, да то же говорить буду: мнѣ написали, и я свой долгъ въ этомъ случаѣ выполнила; а вы извольте это принимать, какъ вамъ угодно — и гнѣваться — мнѣ все равно; вы меня ничемъ попрекнуть не можете.

БОГАТЫРЕВЪ.

Фу, самосбродная! Да кто тебя просилъ спѣшить? Кто къ тебѣ писалъ? ну, скажи!

РАЗВОЗОВЪ.

Маремьяна Бабровна получила изъ арміи письмо, отъ брата Петра Алексѣича.

НАБАТОВА (*съ сердцемя*).

Конечно отъ него, и изъ арміи; что за секретъ?

ПОБЪДИНЪ.

Вотъ теперь, сударыня, позвольте и мнѣ увѣриться, что я ни гдѣ убитъ не былъ. Во первыхъ, братъ мой, не имѣя чести быть съ вами знакомъ, не можетъ писать къ вамъ писемъ, а во вторыхъ его въ арміи совсѣмъ и не было. Онъ еще въ Августѣ посланъ былъ въ Вѣну, и на канунъ моего приѣзда въ Петербургъ, приѣхалъ самъ туда.

РАЗВОЗОВЪ (*Побѣдину*).

Позвольте спросить, какой корпусъ двадцати — тысячной взяли въ полоцъ, зажегши лѣсъ.

ПОБЪДИНЪ.

Я отъ васъ въ первой о семъ слышу.

РАЗВОЗОВЪ.

А Маремьяна Бабровна и о семъ утвердительно объявила.

НАБАТОВА.

Ну, теперь всѣ на меня поднялись; а и вы сударь, (*Развозову*) охотники вѣсти развозить; если и ваши повѣрять, то, думаю, много развѣ на душѣ только отыщешь.

ЖОРЕНКОЦФЪ.

Ну полна, патушка, што фи петнай дама за свѣтъ гоните? тайте ей бакой: ушъ таки ей заталъ штрапацъ.

ПОБѢДИНЪ (*Богатыреву*).

Я отъ нетерпѣнія внѣ себя; сдѣлайте милость, батюшка, позвольте мнѣ видѣть Софью Силовну.

БОГАТЫРЕВА.

Я, мой другъ, пойду съ нимъ и не вдругъ его покажу, чтобъ радость не обратилась во вредъ.

БОГАТЫРЕВЪ.

Хорошо, матушка, я тотчасъ къ вамъ приду самъ.

(Богатырева и Побѣдинъ уходятъ).

РАЗВОЗОВЪ (*въ сторону*).

А я поспѣшу разгласить по городу смерть и явленіе, коимъ всѣ обязаны будутъ Маремьянѣ Бабровнѣ; и такъ ее отдѣлаю, что мѣсяца три никто ей вѣрить не будетъ.

МОРЕНКОФЪ.

Ну! ну! Прашайте, патушка. Я зафтра фамъ стѣлаю малинки физитъ. Фотъ Зилъ Антреичъ пылъ дишперать, а теперь *Ганцъ луститъ* — атье — атье. Брафо! брафо!...

(Уходитъ).

=

ЯВЛЕНІЕ XII.

БОГАТЫРЕВЪ И НАБАТОВА.

БОГАТЫРЕВЪ.

Ну, вотъ смотри, сударыня! радуйся на дѣла мерзкаго твоего языка.

НАВАТОВА.

Чтожь, мнѣ молчать прикажете? Мнѣ говорить еще не запрещено.

БОГАТЫРЕВЪ.

Да слушать-та бы тебя никому не надобно. Стыдно, сударыня! стыдно; что тебѣ за охота лгать и пугать? Вѣдь ты-было меня совсѣмъ на тотъ свѣтъ отправила; а я хоть и старъ, да не даромъ хлѣбъ ѣмъ: могу и доброму научить; а ты за чѣмъ живешь на свѣтѣ?—такъ!

НАВАТОВА.

Да и большая часть такъ живетъ; однакожь, Сила Андреичъ! меня не меньше васъ знаютъ въ публикѣ, и я въ лучшіе дома вѣзжа.

БОГАТЫРЕВЪ.

Будто это-то? Публика собраніе людей а люди съѣзжаются, чтобъ видѣться, играть, зѣвать и время убивать, то есть: себя.

НАБАТОВА.

Ну, да если въ публику всякой можетъ ѣздить, то по крайней мѣрѣ въ домахъ людей лучше сартируютъ. Да для васъ ничего святаго нѣтъ, и вы все браните, и хотите свѣтъ передѣлать по своему; а кабы вы послушали, что про васъ говорятъ....

БОГАТЫРЕВЪ.

Да чего слушать; я знаю — но мнѣ, что за нужда. Вотъ я бы сей-часъ правую руку далъ отрубить, чтобъ у насъ одумались. Молодые, Богъ съ ними, перебѣются; а кто ихъ развратилъ?—Старые. Ну, да вотъ ты первая; что ты дѣлаешь цѣлой день?—Лжожь, врѣшь, и дурной примѣръ даёшь; злословишь, путаешься не въ свои дѣла, таскаешься по магазейнамъ, мѣняешь съ Бухарцами шали, а съ старухами сплетни, и, какъ гончая собака, гонишь и по зрячему, и по горячему.

НАБАТОВА.

Покорно благодарю за портретъ и за сра-

вненіе; чтожъ мнѣ въ телогрею прикажите одѣться?

БОГАТЫРЕВЪ.

Правды никто не любитъ слушать, а говорить всякой собирается. Я ужъ давно ее проповѣдываю, да выходитъ гласъ въ пустынь. Ну, взгляни ты на себя, какъ ты одѣта? тебѣ давно за пятьдесятъ лѣтъ, вѣдь смѣхъ и грѣхъ! На что ты походишь? съ рукъ на прачку, съ головы на Голландскаго шкипера. Одѣвала бы по старинѣ грѣшное тѣло, по теплѣй, вѣдь въ тебя, не бось, вѣтеръ дуетъ со всѣхъ сторонъ, какъ въ старыя опущенныя палаты; что ты за мокрая Венера изъ пѣны морской явилась? Ну, смотри! какъ зима тебя прихватить, сведѣтъ руки и ноги; вотъ и выйдетъ тюника сокомъ.

НАВАТОВА.

Не слушаю и не послушаю, не боюсь ридикуля, не хочу быть одѣта шутихой; я хочу жить въ свое удовольствіе.

БОГАТЫРЕВЪ.

Да кто мѣшаетъ? нусть надъ вами смѣются. Да за что вы губите молоденькихъ дѣвушекъ вашимъ безобразнымъ одѣяніемъ? Эта мерзкая мода обливаешь любовь и уваженіе холодною водою и, вмѣсто того, чтобъ привлекать, гонить прочь, и жениховъ ловятъ, какъ бѣглыхъ. Въ старину, и не очень давно, у иной дѣвушки въ мѣсяцъ не увидишь руки безъ перчатки; а нынче воображенью и догадкѣ дѣла вѣтъ. Да прежде сего одѣвались, а нынѣ раздѣваются. Иная ѣдетъ на балъ, какъ модель для живописцевъ; другая изъ отцовскаго дома, какъ изъ Кунстъ-Камеры: на рукѣ мѣшокъ съ бѣльемъ, всё сквазить, всё летить; разъ взглянулъ, точно какъ отъ купели принималъ.

НАБАТОВА.

Да матерей-та за чѣмъ тутъ припутали? какъ будто онѣ виноваты, что дѣти рѣзвятся. Кто молодъ не былъ? Мать вѣдь не сол-

дать; что, ей на часахъ развѣ стоять и всѣхъ окликать?

БОГАТЫРЕВЪ.

Мать есть примѣръ, покровъ и наставникъ для дочери. А дочь благовоспитанная есть лучшее украшеніе матери. Но нынѣ, по нещастію, что нынче дѣлаютъ? притравливаютъ ихъ къ пороку и, теряя свое право, теряютъ и дочерей. Дочь съ матерью, точно какъ съ мадамой: обѣ на легкѣ, подъ краской. Дочь мигаетъ, мать моргаетъ; одна танцуетъ, другая валцируетъ; одна ищетъ женишка, другая пастушка; одна съ ума сходитъ, другая въ себя не приходитъ. — Господи помилуй, да будетъ ли этому конецъ!

НАБАТОВА.

Ну, какъ изволили пуститься, Сила Андреичъ! Bravo! Жаль, что у меня память слаба и что я забыла записную книжку; а то бы могла вамъ показать услугу: публика вамъ должна быть благодарна.

БОГАТЫРЕВЪ.

И конечно, и навѣрно: въ публикѣ много

и много есть почтенныхъ людей, матерей и отцовъ, кои одного со мною мнѣнія; имъ-то я себя и отдаю на судъ. Отъ безразсуднаго пристрастія и ослѣпленія къ иностраннымъ мы обращаемся изъ людей въ обезьяны, изъ господъ въ слуги, изъ Русскихъ въ ничто. Этотъ развратъ есть болѣзнь завозная, прилипчивая, и иныхъ у насъ обезобразила такъ, что и узнать нельзя. А что я говорю, это правда и для ушей, и для глазъ, и для души; въ семьѣ не безъ уroda; да на чтожъ самому себя изуродовать и сдѣлаться гадкимъ спискомъ мерзкаго подлинника?

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ТЪЖЕ И ПОВѢДИНЪ.

ПОВѢДИНЪ (*Богатыреву*).

Батюшка! я къ вамъ пришелъ съ просьбою отъ Софьи Силовны: пожалуйте къ ней, и

забудьте всѣ огорченія, видя насъ вмѣстѣ. Она желаетъ васъ имѣть свидѣтелемъ нашего благополучія.

БОГАТЫРЕВЪ.

Тотчасъ, мой другъ! дай мнѣ окончить разговоръ съ Маремьяной Бабровной.—Я говорю правду, ей одной предоставлено право избличать порокъ, исправлять развращенныхъ и показывать истинной путь къ добродѣтели.

ЯВЛЕНІЕ XII.

ТЪЖЕ И ГОРЮНОВЪ.

ГОРЮНОВЪ *(не видя Побѣдина)*.

Ну, Сила Андреичъ, что я надѣлалъ! ужъ скажете спасибо! у меня и въ передней, и въ людской, и на конюшнѣ всѣ люди, какъ коровы ревуть. Я вѣдь сказалъ, что Петръ

Алексѣичъ убить (*увидя Побыдина*). Ай! ай!
съ нами Богъ! — Батюшки! — батюшки!...

БОГАТЫРЕВЪ.

Молчи, молчи! что ты это? — Опомнись,
эдакой трусь! Посмотри, вотъ тебѣ Петръ
Алексѣичъ здоровой, и хотя раненой; но
живой.

ГОРЮНОВЪ.

Охъ!—чтожъ? я радъ—права радъ, а во-
ля ваша со мной эта дурная шутка — ахъ,
чудеса! подумаешь... Да какъ это случилось?
Стало всё неправда.

ПОБЪДИНЪ.

Отъ васъ зависить вѣрять, что я убить
не былъ.

ГОРЮНОВЪ.

Да буди по слову вашему опять живы,
все таки лучше; а вѣдь ужъ, какъ было васъ
уходили, батюшка Петръ Алексѣичъ, въ мел-
кія пирожныя части! Живаго мѣста не оста-

вили, право такъ! Смотри пожалуй! чего не подумаютъ? Ахъ, мошенники!

НАБАТОВА.

И ты, Фока Феклистычъ, съ глупа тудажъ. Сила Андреичъ, тотъ ужъ волю взялъ, а ты, мой голубчикъ! не очень пускайся — съ тобою я скоро раздѣлаюсь.

БОГАТЫРЕВЪ.

Раздѣлайся лучше прежде со всѣми тѣми, кого ты обидѣла, оболгала и привела въ отчаяніе; да погоди, матушка, я тебя выведу на чистую воду.

НАБАТОВА.

Что вы на меня такъ разозлились? что я вамъ на посмѣяніе чтоль досталась? — Ну, извольте рассказывать — ну, рассказывайте! и я вѣдь не замолкну. Посмотримъ, кто кого уходитъ. Господи! что за важность! великая диковина Сила Андреичъ! великая бѣда, что женихъ дочери былъ убитъ! Я хоть

и вдова, а за себя постою; какъ вамъ меня ругать? я благородная, я дворянка, я Генеральская дочь! —

БОГАТЫРЕВЪ.

Ты сплетчица, разнощица, и ты за тѣмъ только и ѣздишь по домамъ, чтобъ наполнять ихъ ложью, ссѣрами и злословіемъ. Языкъ твой жало, слова иголки, умъ зажигательное стекло. Для тебя, ничего святаго, нѣтъ на свѣтѣ; и если я тебя терпѣлъ у себя въ домѣ, то это для того, чтобъ показывать дочери порокъ во всей его мерзости.

НАБАТОВА.

Ахъ, батюшка, ты съ ума сошелъ! что ты вздумалъ меня показывать, какъ Американку, или невидимку? Нѣтъ, сударь! послѣ этого я и сама къ тебѣ не поѣду, ни подъ какимъ видомъ, ни за что на свѣтѣ, хоть на колѣняхъ стой!

БОГАТЫРЕВЪ.

Какъ! мнѣ становиться передъ тобой на

колѣни? да я для тебя и колпака не сниму. Вонъ, сударыня, вонъ изъ моего дома, чтобъ нога твоя здѣсь не была. Я ѣду сей же часъ просить всѣхъ знакомыхъ, чтобъ тебя и на дворъ не пускали; тебя надо заявить, въ газетахъ припечатать, привязать на шею почтовой колокольчикъ, чтобъ всѣ отъ тебя держали права.

НАБАТОВА.

Пустяки, пустяки! заврался, голубчикъ! съ ума сошелъ; а я таки вездѣ ѣздить буду, говорить, кричать, тебя ругать и выведу изъ тебя комедию — точно выведу.

(Уходитъ).

БОГАТЫРЕВЪ.

Лучше трагедию; ты будешь пятымъ дѣйствіемъ и всѣхъ отправишь на тотъ свѣтъ.

ГОРЮНОВЪ.

Прощайте, Сила Андреичъ! поѣхать и мнѣ домой; чтой-то не по себѣ, крѣпко я напугался, теперь того и смотри, что и меня

уморять на досугѣ, а тамъ увѣрай пожалуй
что не правда, меняжъ брапить стануть.

(Уходитъ).

=

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

БОГАТЫРЕВЪ И ПОБѢДИНЪ.

БОГАТЫРЕВЪ.

Ахъ, другъ мой! какъ ты во время при-
ѣхалъ! чтобы съ нами было? Видишь плоды
праздности и злословія!

ПОБѢДИНЪ.

Вижу, и долженъ желать, чтобъ они ни-
когда не касались до благополучія, кое ме-
ня ожидаетъ.

БОГАТЫРЕВЪ.

Дай Богъ! отличайся и сплетай вѣнокъ
лавровой, и бракъ возложитъ на него вѣ-
нецъ: живи и умирай съ честью неразлучно.

НИСЬМО ВЪНИКОВА

къ

СИЛЪ АНДРЪЕВИЧУ БОГАТЫРЕВУ.

Спѣшу тебя извѣстить, любезный другъ! Сила Андрѣвичъ, что ты попалъ еще разъ не въ печать, а въ комедію: и выведенъ уже не на Красное крыльцо, а на театръ. Не знаю, какой-то потаенный писецъ помѣстилъ тебя въ одномъ дѣйстви въ числѣ актеровъ, кои смѣха ради играли комедію. Но ты не сердись, ты и на театрѣ тоже говорилъ, что и на Красномъ крыльцѣ, и я иногда воображалъ, что ты въ моихъ глазахъ. Досталось и модамъ, и мадамамъ, и сплѣтнямъ, и зараженнымъ заморскими проказами. Но объ Россіи ты говорилъ, какъ законный ея сынъ и нѣжный любовникъ, и хотя господа актеры изъ кожи лѣзли и галерейные засѣдатели много били въ ладоши, однакожь правду сказать: ложная и кресельная публика не совѣмъ благосклонно тебя приняла и заключила, что въ тебѣ много соли и ты пересолилъ. За картину моднаго одѣянія сердятся натуральныя дамы, за надгробную Полугарова ему подобные, за Моренкопфа

нѣкоторые практикованные доктора, и если бы тебѣ случилось въ то самое время быть въ Москвѣ, то бы не совѣтовалъ казаться ни въ магазины, ни быть больнымъ, ни брать винной поставки. А какъ будто нарочно послѣ этой комедіи на другой день, публика уморила на два часа одного живаго, докторъ другаго навсегда рвотнымъ, Кузнецкія мадамы выкраили еще больше передки и спинки; Рускіе филантропы собирали деньги для иностранца, коего приказано выслать за границу; и одна старая барыня, для очищенія совѣсти, рѣшилась выйти за-мужъ за Нѣмецкаго трубочиста. Ну, пожалуста послушай! перестань проповѣдывать истинну; ты ею дразнишь людей и надорвешься надъ порокомъ. Оставь старину въ Кремлѣ и на Спаскомъ мосту въ картинкахъ. Прощай, другъ сердечной! я живу по прежнему за дѣломъ, но слышу, что всѣмъ очень весело, хотя рѣдко живое лицо увидишь; у молодыхъ отъ вертѣнья, у среднихъ отъ бессонницы, а у старыхъ отъ сидѣнья. Дай Богъ имъ здоровья и скорѣй великаго поста.

Февраля 10 дня, 1808 года.

ОТВѢТЪ .

СИЛЫ АНДРѢИЧА БОГАТЫРЕВА

УСТИНУ УЛЪЯНОВИЧУ ВЪНИКОВУ.

Ну, братъ Устинъ Ульяновичъ! одолжилъ ты меня письмецомъ. Въ такой сперва жаръ кинуло, что я кислыхъ щей и банбарисной воды стакановъ съ десять выпилъ, и разсердился-было крѣпко; но послѣ походилъ, подумалъ, соснулъ на лежанкѣ и всталъ какъ встрепаной, будто ни въ чемъ не бывалъ, не довольно того что въ комедіи.

Вотъ, братецъ, какъ трудно уйти отъ напраслины! Шепталъ, записали; молчалъ, росписали. Сперва вывели на площадь, а теперь на театръ. Благодарю однакожь за присылку комедіи. Читалъ и перечитывалъ; нахожу, что и тутъ я нѣсколько на себя похожу. Хорошъ докторъ; вѣрно у него дома два каменныхъ есть и за здравіе его молятъ столяры. Пегасовскій право не такъ дурень; а бѣда его та, что онъ своимъ сти-

хамъ цѣны не ставить, а беретъ, кто изъ милости что пожалуетъ. Развозовъ и Пустяковъ сущіе тираны лошадей и челоуѣческихъ ушей. Маремьянъ Бобровнъ по дюжинѣ есть въ каждомъ кварталѣ. Но вотъ дурно то, что меня заставили говорить о пожертвованіяхъ и о службѣ моей; что кумъ мой Горюновъ и Набатова слишкомъ вольно говорятъ, и я никогда бы самъ не сказалъ, что онъ такой одинъ въ Россіи, потому что на мою долю я съ десятокъ подобныхъ знаю; а я не со всемъ свѣтомъ знакомъ. Мнѣ, ей Богу! не досадно, что покойная публика не очень ласково меня приняла. Нынѣ проповѣди не въ модѣ, а говори о погодѣ. Меня на вѣку ужъ много разъ сквозь строй языками гоняли, а загонять не могутъ. Живъ по милости Божіей. Да яжъ не хочу быть въ числѣ тѣхъ людей, коихъ всѣ любятъ. Они или ничто, или все; а я по своей натурѣ иныхъ почитаю, иныхъ уважаю, другихъ презираю, и ничего не скрываю. Не совѣтую тебѣ совѣтовать мнѣ перемѣнить-

ся. Я не червякъ, бабочкой быть не могу; а нынѣ хотя вѣкъ и баснословной, но и самъ чортъ не превратитъ меня изъ Рускаго въ иноземца. Ну, что за бѣда? побранять да перестануть; а я опять за перо. Бумага у насъ своя, сажи много, гусей многое множество, а странностей своихъ и иностранныхъ тьма. Я доволенъ, что въ Москвѣ веселятся; да не люблю, что не во время начинаютъ. Изъ сего и выходитъ, что вечеромъ зѣваютъ, ночью приѣзжаютъ, днемъ страдаютъ, и солнце за мѣсяцъ принимаютъ. Прощай, братъ Устинъ Ульяновичъ! сосѣди пристають, чтобъ я закупился сахаромъ, чаемъ да кофею; а я не слушаю: пусть наши купцы берутъ барыши; полно имъ быть батраками у Англичанъ; пора и этому первой гильдіи народу уняться, подѣлиться всемірной данью и допустить другихъ къ торгу безъ плакатныхъ ихъ пашпортовъ. Кто имъ соленую воду отдалъ? вѣдь она сама въ крѣпость итти не можетъ. Когда мало будетъ сахару, ну, меньше клади, зубы бу-

дутъ здоровѣй, (и мы будемъ по зубастей); а не то, такъ есть у насъ медъ, шалфей и ячмень: можно и это пить, если кто безъ горячаго жить не можетъ. Вѣдь старики наши табаку не нюхали и не курили, кофію и чаю не пили; бульону не хлебали, въ платки не плевали, микстуръ не принимали, по Французски не болтали, въ шарады не играли; а долѣ живали, крѣпче спали, лучше дѣло свое знали и по Христіянски умирали. Вотъ я опять осерчалъ, и опять мнѣ достанется, потащатъ въ судъ и разорятъ безчестіями. Пойду спать, авось—либо умолкну. Языкъ мой, врагъ мой; увижу дурное, кричу: разбой! Однакожъ все это ничего не значить, и я, какъ большая часть живыхъ людей, говорю вздоръ, дѣлаю вздоръ, смотрю на вздоръ и сержусь за вздоръ. А умирая, скажу я послѣднюю матку правду:

Суета суетъ.

Прости, мой свѣтъ!

Марта 16 дня, 1808 года.

ПИСЬМА
ГРАФА
ОЕОДОРА ВАСИЛЬЕВИЧА РАСТОПЧИНА.
къ
ГРАФУ АЛЕКСАНДРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ
СУВОРОВУ-РЫМНИКСКОМУ.

Digitized by Google

I.

СІЯТЕЛЬНѢЙШІЙ ГРАФЪ!

Милостивый Государь!

При отправленіи Графа Аркадія Александровича въ число тѣмъ свидѣтелей, ожидающихъ отъ васъ побѣдъ, почитаю долгомъ донести вамъ видѣнное мною. Имѣю самъ дѣтей, и желалъ бы весьма, дабы съ лѣтами найти могъ въ нихъ подобныя сына вашего чувства и вѣру. Когда при многолѣтніи въ концѣ молебна провозгласилъ діаконъ: и *Высокочеловѣческому Фельдмаршалу Графу Суворову-Рымникскому многія лѣта....*

Сынъ вашъ въ слезахъ, преисполненный радостію и въ восхищеніи, бросился къ Государю и поцѣловалъ въ руку. Хотѣлъ что-то говорить, но слезы и радость помѣшали.

Сіе похвальное для него и лестное для васъ выраженіе чувствъ, столь пріятно было Государю, что Онъ изволилъ передъ всѣми похвалить сыновнюю его любовь, и въ кабинетѣ, когда позволено ему было ѣхать къ вамъ, то сказалъ при мнѣ, и я о семъ для того къ Вашему Сіятельству пишу, что молодой Графъ можетъ быть не вслушался. Вотъ Государевы слова:

Похваляю привязанность къ отцу. Пользжай и учись у него. Лучше примѣра тебѣ дать, и въ лучшія руки отдать — не могу!

Примите чистосердечное поздравленіе о первомъ успѣхѣ вашихъ дѣйствій противъ враговъ благоденствія міра, я истинно есмь Россіянинъ, приверженный къ Особѣ Государя, моего благодетеля, и горжусь подвигами Героя моего отечества. Благодать Господняя съ христолюбивымъ воинствомъ да пребудетъ на вѣки; и да *расточатся врази его!*

Г. Θ. Р.

15 Мая
1799 года.
Павлово.

II.

ОІЯТЕЛЬНѢЙШІЙ ГРАФЪ!

Милостивый Государь!

Примите поздравленія, отъ глубины сердца моего происходящія; они преисполнены удивленіемъ къ великимъ дѣламъ вашимъ и молитвами ко Всевышнему о сохраненіи васъ самихъ и здравія вашего, столь для спокойствія міра, славы Россіи и чести Государя драгоцѣннаго. — Честные и вѣрные сыны отечества составляютъ хоръ воспѣвающей побѣды ваши, ↔ а злодѣи ваши и тварь пресмыкающаяся грызетъ землю и боится блеску вашей славы.

Г. О. Р.

15 Мая
1799 года,
Павловскѣ.

III.

ОІЯТЕЛЬНѢЙШІЙ ГРАФЪ!

Милостивый Государь!

Примите поздравленіе и мое: — Герои любятъ истину; а я поминутно ее въ устахъ имѣю, говоря всѣмъ и вездѣ, что вами сла-

вится Россія и избавляется Европа; а я горжусь тѣмъ, что въ одной землѣ съ вами родился, и столько-же ее люблю какъ и васъ.

Простите мнѣ сіе слово. Перо мое пишетъ къ вамъ и объ васъ безъ ума, но со всѣмъ сердцемъ и душою.

Г. Θ. Р.

7 Юня
1799 года.
Павловскъ.

IV.

ВОИНЪ НЕПОБѢДИМЫЙ!

Спѣшу увѣдомить васъ, сколь Государь обрадованъ побѣдами вашими! — Какъ мы всѣ честные люди въ углу церкви молимъ Господа о сохраненіи Россійскаго Героя на славу отечества и жизнь безконечную! — Чрезъ три дни поспѣетъ портретъ Государевъ большой и похожій и украситъ грудь вашу! — Не успѣю послать списка награжденіямъ исполнителямъ воли вашей; а *Багратиону* триста душъ. Его обнимаю, а вашу *цѣлую руку*. Жена родила дочь *Софью* и васъ обнимаетъ.

Г. Θ. Р.

11 Юля
1799 года.
Петергофъ.

V.

СИЯТЕЛЬНѢЙШІЙ КНЯЗЬ !

Милостивый Государь !

Сколь извѣстіе новой побѣды обрадовало сердце преданнаго вамъ челоуѣка, столь письмо ваше наполнило его горестію.—О всѣхъ предыдущихъ до сего *Рескрипта*, Ваше Сіятельство изволите уже теперь знать: мнѣніе Государя и Его предположенія. Онъ намѣренъ спасти Европу: все равно отъ кого (*) — — —

Но дабы предупредить въ семъ, должно перемѣнить образъ настоящаго правленія во Франціи — — — Если-бъ Государь оставилъ теперь союзныя Державы, то онѣ принуждены-бы нашлись заключить *сепаратный миръ*, на которой Франція охотно согласится, оставя Австріи волю забрать въ Италиі все что она заблагоразсудитъ, за тѣмъ чтобъ

(*) Здѣсь, и во всѣхъ другихъ мѣстахъ поставленные *тире*, находятся въ рукописи, сообщенной Издателью Телеграфа. и. т

чрезъ нѣсколько лѣтъ опять начать свои завоеванія; и въ то время ничто не спасетъ Австрійскую Монархію, Италію и Нѣмецкую землю отъ неизбѣжной ихъ гибели. — Но куда дѣнутся плоды великихъ дѣлъ война? Званіе народное на помощь Государя нашего и духъ бодрости, оживотворившій тѣ земли, кои вы избавили отъ ига Французскаго? Но если, увѣнчавъ спасительное дѣло сіе, возстановленъ будетъ престолъ Царя во Франціи, тогда Европа будетъ спасена; — и спасена безкорыстіемъ и твердостію Росскаго Императора, и — великими дѣлами Князя Италійскаго.

Оканчиваю тѣмъ, что молю васъ со слезами и на колѣняхъ у ногъ вашихъ: останьтесь и побѣждайте. Повтореніе просьбы вашей идти въ отставку нанесетъ страшныя слѣдствія для общаго дѣла — — — — —

Англія ничего не жалѣетъ, и уповательно что экспедиція Голландская возымѣетъ совершенный успѣхъ. Соединенные флоты мѣшать не могутъ, бывъ заперты въ *Бремско* портъ. Вотъ все, что сердце и душа моя

мыслятъ; онѣ открыты передъ вами. Любите во мнѣ предавнаго вамъ человѣка, и желающаго единственно славы Государя и благоденствія Россіи.

Г. Р.

25 Августа 1799.

Гатчино.

P. S. Сообщенныя Вашимъ Сіятельствомъ письма *N. N.* возвращаю, и весьма радъ, что вы оныя не очень уважили. *Г.* Полковникъ Кушниковъ получилъ бриліантовый Орденъ Святой Анны на шею, и при томъ Государь изволилъ возложить на него и Командорскій Іоанна Іерусалимскаго. Онъ здѣсь обѣдаетъ и ужинаетъ съ Государемъ, и отдыхаетъ; приѣхалъ въ 17 дней отъ васъ. Для любопытства посылаю къ вамъ послѣднее письмо Кобенцеля и пр....

VI.

СИЯТЕЛЬНѢЙШІЙ КНЯЗЬ !

Письма ваши вчера больноі получилъ въ

доставѣ. Нынче еще и горестно; и болѣе
болець. — — — — —
Жаль Сардинскаго Короля и можетъ быть
Неапольскаго. Но что же дѣлать? — — —
Прощайте: не все еще пропало. Вы тамъ!
слава и честь вамъ; смерть и презрѣніе ма-
лодушнымъ.

16 Сентября.
1799 года.
Гатчино.

VII.

СИЯТЕЛЬНИЙ ГРАФЪ!

Милостивый Государь!

Отправленіе двухъ послѣднихъ курьеровъ
во время моей болѣзни, воспрепятствовало
миѣ писать пространно къ Вашему Сія-
тельству. Но теперь могу удовлетворить мо-
ему желанію и увѣдомить васъ о многомъ.

Изъ Рескриптовъ Государя изволите уви-
дѣть, что не смотря на презрѣнное Его же-
ланіе предупѣть въ предпріятомъ подвигѣ
Его Императорское Величество помышляетъ

и о будущемъ, которое не обѣщаетъ намъ большаго спокойствія, коль скоро Республѣна Французская останется на свѣтѣ таковою, какъ она есть, иначе же ей и быть не возможно. Признаюсь, что я съ большимъ огорченіемъ вижу опасное положеніе *Корсакова* въ Швейцаріи; и если *Массена* не дождавшись вашего прихода разобьетъ *Готца*, то нашимъ войскамъ трудно будетъ сохранить ихъ *позицію*. Безпокойство мое на сей счетъ не прежде кончится, какъ по приходѣ вашемъ. Мы все увѣрены, что Россійское войско съ вами непобѣдимо; и вы много людей найдете близъ Государя, кои васъ любятъ и боготворятъ, потому, что есть люди, кои живутъ для славы Государя и Россіи. А кто же съ начала бытія ея, болѣе васъ ее прославлялъ? на что мнѣ о семъ говорить? — Я не *Государь*, не *Исторія*, не *Европа*. О еслибъ вы могли произвести во Франціи возмущеніе въ пользу Короля, войдя во *Франки-Номте!* Вы бы раздѣлили ее на двое. — Тогда и Короля *Людвина XVIII* къ вамъ отправимъ. Искать славы сего подвига можно во всякъ случаѣхъ; т. е. и при началѣ цар-

ствованія и при междуусобной войнѣ, полагать можно слѣдовательно на нѣсколько лѣтъ Францію вовсе недѣйствительною. И тогда не теряя времени, принятыя довершать остальное.... Какъ сіе легко при означенномъ положеніи вещей, столь трудно будетъ, если Кабинетъ Вѣнскій заключитъ миръ и союзъ съ безбожнымъ Французскимъ правленіемъ.

Графъ Разумовскій писалъ нѣсколько времени тому назадъ, что онъ желалъ-бы повидаться съ отцомъ своимъ: Государь теперь его изволилъ уволить на шесть мѣсяцовъ; и по полученіи отпуска Тайный Совѣтникъ *Колычевъ* имѣетъ вступить въ отправленіе должности при Дворѣ Вѣнскомъ и пр. — — — — —

Въ Голландіи народъ весьма хорошо расположенъ. Приходъ нашихъ войскъ вѣрно обратитъ его на изгнаніе Французовъ — —

Прилагаю еще при семъ новые знаки въ пользу служащихъ подъ вашимъ непобѣдимымъ начальствомъ. Жена васъ покорнѣйше благодаритъ за лимоны. Все, что идетъ отъ васъ, имѣетъ особливую цѣну въ глазахъ

тѣхъ, кои видятъ въ Князѣ Италійскомъ Героя ихъ отечества. Прощайте, и вѣрьте моей преданности, доколь живъ вашъ

Растолчинъ.

25 Сентября
1799 года.
Гатчино.

VIII.

СИТЕЛЬНОЙШИЙ КНЯЗЬ!

Милостивый Государь!

Да спасеть Господь Богъ васъ за спасеніе славы Государя и Россійскаго войска. Я такъ много терпѣлъ въ это время, что теперь боленъ и съ трудомъ могъ читать реляцію вашу, но ни кому не хотѣлъ уступить (*). Государь васъ произвелъ въ *Генералиссимусы* и мнѣ изволилъ сказать: *это много для другаго, а ему мало; ему быть*

(*) Длинная реляція о побѣдахъ въ Швейцаріи, которая читана была въ придворной церкви при молебствіи благодарномъ.

Александръ! — Что скажутъ злодѣи ваши и злодѣи героизма? — Казнецъ языкъ ихъ молчаніемъ. Я все велѣлъ напечатать и реляцію и Рескриптъ; пусть всѣ читаютъ и поютъ *хвалу Богу*, и молятъ его за здравіе ваше: вы новою и невиданною еще до сихъ поръ славою покрыли оружіе Россійское; и пр. —

— — — — — Сдѣлайте милость извольте прислать разсметъ примѣрный деньгамъ, дабы заблаговременно оныя къ вамъ доставить можно было — — — — — Что можно послать, то отправляется съ Княземъ Щербатовымъ, а бриліантовые вещи послѣ пошлются; не успѣваютъ работать. Фуксъ былъ уже пожалованъ въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники и Кавалеромъ Св. Анны 2-го класса, теперь же вы ему пожалуйте *Маврикія*. Трефуртъ получилъ 2-го класса Анну; унтеръ - офицеры всѣ произведены въ Офицеры — — — — —

При семъ прилагаю списокъ награжденіямъ тѣмъ, кои были помѣщены въ реляціи, а тотъ не успѣли списать. Эрцгерцогъ Іосифъ не позже 15-го будущаго мѣсяца влѣтъ въ Вѣну. Эрцгерцогиню пойдутъ провожать Гра-

финя Паленъ и Яковъ Сиверсъ. Мессинъ по
просьбѣ отставленъ, а на мѣсто его въ Лит-
ву Кутузовъ; онъ будетъ назадъ, а войска-
ми зимою въ Англии командовать будетъ
Графъ Воронцовъ. Прощайте, весь и по смерти
вашь

Графъ Федоръ Растончинъ.

29 Сентября 1799.

Гатчино.

IX.

СЯТЕЛЪВѢЙШІЙ КНЯЗЬ !

Милостивый Государь !

Ничего не имѣю достойнаго примѣчанія
къ сообщенію вамъ. Я бы давно совсѣмъ
выздоровѣлъ безъ этой несчастной Голланд-
ской Исторіи. — — — Уповательно, что Ку-
тузовъ лучше сдѣлаетъ; онъ же Руской. —
Но въ Голландіи отпоръ будетъ силенъ, Фран-
цузы многолюдны — — — — Мореау вѣр-
но отрядить часть своего войска на подкрѣп-
леніе Le Brune и пр. — — — Авосьлибо вы

заполоните Францію ею самою: тогда всѣ
вамъ запоютъ: *помилуй и спаси!* Но видно
Богу не угодно и не пришелъ часъ воли
Его!

Вамъ преданный

Гр. Растопчинъ.

2-го Октября 1799.

Гатчино.

РАСТОПЧИНСКІЯ АФИШКИ.(*)

(*) Въ Истор. Стат. и Геогр. Журналѣ 1812 года. Августъ. Афишки сіи названы: *Дружескими посланіями отъ Главнокомандующаго въ Москвѣ къ жителямъ ея.*

I (*).

Какъ! Къ намъ? Милости просимъ, хоть на святкахъ, хоть на масляницу; да и тутъ жгутами дѣвки такъ припопонять, что спина вздуется горой: Полно демономъ-то наряжаться: Молитву сотворимъ, такъ до пѣтуховъ згинешь! Сиди-ка дома да играй въ жмурки, либо въ гулючки. Полно тебѣ фиглярить: вить солдаты-та твои карлики, да щегольки; ни тулупа, ни рукавиць, ни ма-

(*) 1-го іюля 1812 года, явилась первая печатная афишка съ изображеніемъ вверху: питейнаго дома, цѣловальника и Московскаго мѣщанина Карнюшки Чихирина, *который, бывъ въ ратникахъ и выпивъ лишній кружокъ на Тычкѣ, услышалъ, будто Бонапартъ хочетъ идти въ Москву, разсердился, разругалъ скверными словами всѣхъ Французовъ, вышелъ изъ питейнаго дома и заговорилъ, подвѣ орломъ, собравшемуся народу:*

лахая, ни онучь не надѣнуть. Ну, гдѣ имъ Русское житье-бытье вынести? Отъ капусты раздуются, отъ каши перелопаются, отъ щей задохнутся, а которые въ зиму-та и останутся, такъ крещенскіе морозы поморятъ, будутъ у воротъ замерзать, на дворѣ околѣвать, въ сѣняхъ зазябать, въ избѣ задыкаться, на печи обжигаться. Да что и говорить! *Повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову положить.* Карлѣ-та Шведской, пожилистѣй тебя былъ, да и чистой Царской крови, да уходился подъ Полтавой, ушелъ безъ возврату. Да и при тебѣ будущихъ-та мало будетъ. Побойчей Французовъ твоихъ были: Поляки, Татары и Шведы, да и тѣхъ наши такъ отпотчивали, что и посу пору кругъ Москвы курганы, какъ грибы, а подъ грибами-та ихъ кости. Ну и твоей силѣ быть въ могилѣ. Да знаешь-ли, что такое наша Матушка Москва? Вить это не городъ, а Царство. У тебя дома-та слѣпой, да храмой, старухи да ребятишки остались, а на Нѣмцахъ не выѣдишь: они тебя смаху осѣдлаютъ. А на Руси што, знаешь-ли ты, забубенная голова? Выведено 600,000, да забритыхъ

300,000, да старыхъ рекрутъ 200,000. А всю молодцы: одному Богу вѣруютъ, одному Царю служатъ, однимъ крестомъ молятся, все братья родные. Да коли понадобится, скажи намъ Батюшка Александръ Павловичъ: *Сила Христіанская* выходи, и высыпитъ безконечная и свѣту Божьева не увидишь! Ну, переднихъ бей пожалуй, тебѣ это по сердцу, за то остальные-та тебя доканаютъ на вѣки вѣковъ. Ну, какъ же тебѣ къ намъ забраться? Не токмо што Ивана Великова, да и Поклонной во сиѣ не увидишь. Бѣлорусцевъ возьмемъ, да тебя въ Польшѣ и погребемъ. Ну, поминай какъ звали! Посему и прочее разумѣвай, не наступай, не начинай, а на право кругомъ домой ступай и знай изъ роду въ родъ каковъ Русской народъ.—Потомъ Чихиринъ пошелъ бодро и зипѣлъ: *Во поле береза стояла, а народъ, смотря на него, говорилъ: отъ куда берется? А что говоритъ дѣло, то ужъ дѣло!*

ОТЪ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО ВЪ МОСКВѢ.

I.

Слава Богу! все у насъ въ Москвѣ хорошо и спокойно. Хлѣбъ не дорожаетъ и мясо дешевле. Одного всѣмъ хочется, чтобъ злодѣя побить, и то будетъ. Станемъ Богу молиться, да воиновъ снаряжать, да въ армію ихъ отправлять. А за насъ предъ Богомъ заступники: Божія Матерь и Московскіе Чудотворцы, предъ свѣтомъ милосердый Государь нашъ Александръ Павловичъ, а предъ супостаты Христілюбивое воинство; а чтобъ скорѣе дѣло рѣшить, Государю угодить, Россію одолжить и Наполеону насолить, то должно имѣть послушаніе, усердіе и вѣру къ словамъ Начальниковъ, и они рады съ вами

и жить и умереть. Когда дѣло дѣлать, я съ вами; на войну идти предъ вами; а отдыхать за вами. Не бойтесь ничего, — наша туча, да мы ее отдуемъ; все перемелется, мука будетъ, а берегитесь одного: пьяницъ, да дураковъ: они распустятъ уши, шатаются, да и другимъ въ уши въ расплохъ надуваютъ. Иной вздумаетъ, что Наполеонъ за добромъ идетъ; а его дѣло кожу драть: общаетъ все, а выйдетъ ничего. Солдатамъ сулить Фельдмаршалство, нищимъ золотыя горы, народу свободу; а всѣхъ ловить за виски, да въ тиски, и пошлетъ на смерть: убьютъ либо тамъ, либо тутъ. И для сего, и прошу, если кто изъ нашихъ, или изъ чужихъ станетъ его выхвалять и сулить и то и другое, то какой бы онъ ни былъ, за хохоль, да на съѣзжую: тотъ, кто возьметъ, тому честь, слава и награда; а кого возьмутъ, съ тѣмъ я раздѣляюсь, хоть пяти пядей будь во лбу; мнѣ на то и власть дана, и Государь изволилъ приказать беречь матушку Москву; а комужъ беречь мать, какъ же дѣткамъ! Бѣи Богу, братцы, Государь на васъ, какъ на Кремль, надѣется, а я за васъ присягнуть

готовъ. Не введите въ слово! А я вѣрной слуга Царской, Русской баринъ и православной Христианинъ.

Вотъ моя и молитва:

«Господи Царю Небесный! продли дни благочестиваго земнаго Царя нашего! продли благодать Твою на православную Россію, продли мужество Христолюбиваго воинства, продли вѣрность и любовь къ Отечеству Православнаго Русскаго народа! направь стопы воиновъ на гибель враговъ, просвѣти и укрѣпи ихъ силою Животворящаго Креста, чело ихъ охраняюща, и симъ знаменіемъ побѣдиша».

II.

18 Августа.

По полученнымъ мною извѣстіямъ авангардъ стоитъ 13 верстъ передъ Вязьмой. Главная квартира въ Вязьмѣ. Непріятель стоитъ на одномъ мѣстѣ. Отрядовъ отъ него нѣтъ, Корпусъ Генерала Милорадовича весь на походѣ. Авангардъ его, изъ 8,000 чел. составленный, пошелъ сегодня изъ Можайска къ

Гжати, подъ командою Генерала Маіора Вадковскаго. Прочія войска сего корпуса идутъ изъ Боровска и Вереи. Ополченіе Тверское готово, и 13,000 чел. съ кавалеріею подъ командою Генер. Маіора Тыртова идутъ въ Клинь; Свѣтлѣйшій Князь Кутузовъ прибылъ вчера въ Вязьму.

Графъ Витгенштейнъ занялъ Полоцкъ и дѣйствуетъ далѣе; весь край очищенъ отъ проказы, и Французовъ нѣтъ.

III.

Я сей часъ получилъ чрезъ курьера отъ Военнаго Министра извѣстіе, что непріятель стоитъ въ томъ же мѣстѣ.

Нашъ авангардъ въ Умольнѣ, 30 верстъ отъ Дорогобужа къ Смоленску. Главная квартира обѣихъ армій въ Дорогобужѣ. Непріятель отъ генеральнаго сраженія уклоняется. Къ намъ отъ него Нѣмцы бѣгутъ сотнями и объявляютъ, что соотчичи ихъ въ первомъ сраженіи перейдутъ къ намъ.

Курьеръ, пріѣхавшій ко мнѣ, встрѣтилъ у Вязьмы Лейбъ-драгунскаго Полковника Ал-

брехта, посланнаго отъ Генераль-Лейтенанта Графа Витгенштейна къ Военному Министру съ извѣстіемъ, что онъ въ 15 верстахъ отъ Полоцка напалъ на Фельдмаршала Удино; дрался съ нимъ два дни, разбилъ совершенно его армію, взялъ въ плѣнъ 3,000 человекъ, убитыхъ до шести, пушекъ досталось отъ непріятеля 15. Въ первый день Фельдмаршалъ Удино смертельно раненъ, а второю арміею командовалъ Генераль Сентъ-Сиръ. Наши войска въ Полоцкѣ.

IV.

Многіе изъ жителей желаютъ вооружиться, а оружія тысячъ на десять есть въ Арсеналѣ, которое куплено и дешево на Макарьевской ярмаркѣ; всякое утро желающіе могутъ покупать въ Арсеналѣ ружья, пистолеты и сабли; цѣны тутъ означены; за это миѣ скажутъ спасибо, а осердятся одни изъ ружейнаго ряда; но воля ихъ, Богъ ихъ проститъ!

V.

«Здѣсь миѣ поручено отъ Государя было

сдѣлать большой шаръ, на которомъ 50 челов. полетятъ, куда захотятъ и по вѣтру и противъ вѣтра; а что отъ него будетъ, узнаете и порадуетесь. Если погода будетъ хороша: то завтра, или послѣ завтра ко мнѣ будетъ маленькой шаръ для пробы. Я вамъ заявляю, чтобъ вы, увидя его, не подумали, что это отъ злодѣя, а онъ сдѣланъ къ его вреду и погибели».

«Генераль Платовъ, по приказанію Государя, и думая, что Е. И. В. уже въ Москвѣ, приѣхалъ сюда прямо ко мнѣ и ѣдетъ послѣ обѣда обратно въ армію и поспѣетъ къ баталіи, чтобъ тамъ пѣть благодарственный молебень и Тебе Бога хвалимъ».

VI.

«Здѣсь есть слухъ и есть люди, кои ему вѣрують и повторяють, что я запретилъ выѣздъ изъ города. Если бы это было такъ: тогда на заставахъ были бы караулы, и по нѣскольку тысячъ каретъ, колясокъ и повозокъ во все стороны не выѣзжали. А я радъ, что барыни и купеческія жены ѣдутъ въ»

Москвы для своего спокойствія. Меньше страха, меньше новостей; но нельзя похвалить и мужей, и братьевъ, и родню, которые при женщинахъ въ будущихъ отправились, безъ возврату. Если по ихъ есть опасность, то не пристойно; а если нѣтъ ея, то стыдно. Я жизнью отвѣчаю, что злодѣй въ Москвѣ не будетъ, и вотъ почему: въ арміяхъ 130 тысячъ войска славнаго, 1,800 пушекъ и Свѣтлѣйшій Князь Кутузовъ, истинно Государевъ избранный Воевода Русскихъ силъ и надо всѣми начальникомъ; у него сзади непріятеля Генералы Тормасовъ и Чичаговъ, вмѣстѣ 85 тысячъ славнаго войска; Генераль Милорадовичъ изъ Калуги пришелъ въ Можайскъ съ 36 тысячами пѣхоты, 3,800 кавалеріи и 84 пушками пѣшей и конной артиллеріи. Графъ Марковъ чрезъ три дни придетъ въ Можайскъ съ 24 тысячами нашей военной силы, а остальные 7 тысячъ въ слѣдъ за нимъ. Въ Москвѣ, въ Клину, въ Завидовѣ, въ Подольскѣ 14 тысячъ пѣхоты. А если мало этого для гибели злодѣя, тогда ужъ я скажу: ну Дружина Московская! пойдѣмъ и мы! И выведемъ сто тысячъ молодцовъ, возь-

момъ Иверскую Божию Матерь, да 150 пушекъ и кончимъ дѣло всѣ вмѣстѣ. У непріятеля же своихъ и сволочи 150,000 человекъ: кормятся пареною рожью и лошадинымъ мясомъ. Вотъ, что я думаю и вамъ объявляю, чтобъ иные радовались, а другіе успокоились, а больше еще тѣмъ, что и Государь Императоръ на дняхъ изволить прибыть въ вѣрную свою Столицу. Прочитайте; понять можно все, а толковать ничего.

1812, Авг. 26. (17).

VII.

26 Августа.

«Курьеръ, отправленный вчера въ десять часовъ вечера изъ арміи, принесъ извѣстіе, что кромѣ перестрѣлки егерей, ничего не произошло во весь день».

«Въ субботу Французовъ хорошо попарили; видно отдыхаютъ! У Князя Багратіона на лѣвомъ флангѣ передъ одною батареею сочтено больше 2,000 убитыхъ».

VIII.

«Вчерашній день, 26-го, было весьма жар-

кое и кровопролитное сраженіе; съ помощію Божіею Русское войско не уступило въ немъ ни шагу, хотъ непріятель съ отчаяніемъ дѣйствовалъ противъ него. Завтра надѣюсь я (Кн. Кутузовъ), возлагая мое упованіе на Бога и на Московскую святыню, съ новыми силами съ нимъ сразиться.—Потеря непріятели неизчетная; онъ отдалъ въ приказѣ, чтобъ въ плѣнъ не брать (да и брать не кого), и что Французамъ должно побѣдить или погибнуть. Когда сегодня съ помощію Божіею, онъ отраженъ еще разъ будетъ: то и злодѣй и злодѣи его погибнуть отъ голода, огня и меча. Я посылаю въ армію 4,000 чел. здѣшнихъ новыхъ солдатъ, на 250 пушекъ, снаряды и провіанта. Православные! будьте спокойны, кровь нашихъ проливается за спасеніе Отечества; наша готова, и если придетъ время: то мы подкрѣпимъ войска; Богъ укрѣпитъ силы наши, и злодѣй положитъ кости свои въ землѣ Русской».

IX.

30 Августа

Свѣтлѣйшій Князь, чтобъ скорѣй соеди-

ниться съ войсками, которыя идутъ къ нему, перешелъ Можайскъ и сталъ на крѣпкомъ мѣстѣ, гдѣ непріятель не вдругъ на него пойдетъ. Къ нему идутъ отсюда 48 пушекъ съ снарядами. А Свѣтлѣйшій говоритъ: что Москву до послѣдней капли крови защищать будетъ, и готовъ хоть въ улицахъ драться. Вы, братцы, не смотрите на то, что присутственныя мѣста закрыли; дѣла прибираться надобно; а мы, своимъ судомъ съ злодѣемъ разберемся. Когда до чего дойдетъ, мнѣ надобно молодцевъ и городскихъ и деревенскихъ; я кличь кликну дни за два; а теперь не надо; я и молчу! Хорошо съ топоромъ, не дурно съ рогатиной; а всего лучше вилы тройчатки; Французъ не тяжеле снопа ржаного. Завтра послѣ обѣда я поднимаю Иверскую Богоматерь въ госпиталь къ раненымъ: тамъ воду освятимъ, они скорѣе выздоровѣютъ, и я теперь здоровъ; у меня болѣлъ глазъ, а теперь смотрю въ оба!

Х.

«Главная квартира между Гжати и Можайска. Нашъ авангардъ подъ Гжатию; мѣсто

нашими войсками занимаемое, есть прекрѣпкое, и тутъ Свѣтлѣйшій Князь намѣренъ дать баталію; теперь мы равны съ непріателемъ числомъ войскъ. Черезъ два дни, у насъ еще прибудеть 20,000; но наши войска Русскія, единого закона, единого Царя, защищаютъ Церковь Божію, дома, женъ, дѣтей и погосты, гдѣ лежатъ отцы наши. Непріатели же дерутся за хлѣбъ, умираютъ на разбоѣ; если они разъ проиграютъ баталію, то всѣ разбредутся, и поминай, какъ звали.

«Вы знаете, что я знаю все, что въ Москвѣ дѣлается: а что было вчера, не хорошо, и побранить есть за что; два Нѣмца пришли деньги мѣнять, а народъ ихъ катать; одинъ чуть ли не умеръ. Вздумали, что будто шпіоны, а для этого допросить должно; это мое дѣло. А вы знаете, что я не спущу и своему брату Русскому, и что за диковина ста человѣкамъ прибить костянаго Француза, или въ парикѣ окурнаго Нѣмца! Охота руки марать! и кто на это пускается, тотъ при случаѣ за себя не постоитъ. Когда думаете, что шпіонъ, ну! веди ко мнѣ, а не бей и не дѣлай нареканія

Русскимъ; войски-та Французскія должно закопать, а не шушерамъ глаза подбивать. Сюда раненыхъ привезено; они лежатъ въ Головинскомъ дворцѣ, я ихъ осмотрѣлъ, напоилъ, накормилъ и спать положилъ. Вить они за васъ дрались, не оставьте ихъ; поспѣтите и поговорите. Вы и колодниковъ кормите, а ето Государевы вѣрныя слуги и наши друзья—какъ имъ не помочь!»

XI.

Августа 31.

«Я завтра рано ѣду къ Свѣтлѣйшему Князю, чтобы съ нимъ переговорить, дѣйствовать и помогать войскамъ истреблять злодѣевъ, станемъ и мы изъ нихъ духъ изкоренять и етихъ гостей къ чорту отправлять; я приѣду назадъ къ обѣду и примемся за дѣло, отдѣлаемъ, додѣлаемъ и злодѣевъ отдѣлаемъ».

31 Августа, 1812.

Суббота.

XII.

«Братцы! сила наша многочисленна и го-

дова положить животъ, защищая Отечество. Не впустимъ злодѣя въ Москву; но 'должно пособить, и намъ свое дѣло сдѣлать. Грѣхъ тяжкой слонхъ выдавать. Москва наша матѣ; она васъ поила, кормила и богатила. Я васъ призываю именемъ Божіей Матери на защиту храмовъ Господнихъ, Москвы, земли Русской. Вооружитесь; кто чѣмъ можетъ, и конные и пѣшіе; возьмите только на три дни хлѣба; идите со крестомъ; возьмите хоругви изъ церквей и съ симъ знаменіемъ собирайтесь тотчасъ на Трехъ Горахъ. Я буду съ вами и вмѣстѣ изстребимъ злодѣя. Слава въ вышнихъ, кто не отстанетъ! вѣчная память, кто мертвой ляжетъ! горе на Страшномъ судѣ, кто отговариваться станетъ!»

ХІІІ.

Крестьяне, жители Московской губерніи!

«Врагъ рода человѣческаго, наказаніе Божіе за грѣхи наши, дьявольское наважденіе, злой Французъ, вошелъ въ Москву, предалъ

ее мечу, пламени. Ограбилъ храмы Божіи, осквернилъ алтари непотребствами, сосуды пьянствомъ, посмѣшищемъ. Надѣвали ризы вмѣсто попонъ, посорвали оклады, вѣнцы со святыхъ иконъ, поставилъ лошадей въ церкви православной Вѣры нашей. Разграбилъ дома, имущество; наругался надъ женами, дочерьми, дѣтьми малолѣтними. Осквернилъ кладбища и до втораго пришествія тронулъ изъ земли кости покойниковъ, предковъ нашихъ, родителей. Заловилъ кого могъ, и заставилъ таскать, вмѣсто лошадей, имъ краденое. Морить нашихъ съ голоду, а теперь какъ самому пришлось ѣсть иѣчего: то пустилъ своихъ ратниковъ, какъ лютыхъ звѣрей, пожирать и вокругъ Москвы, и вздумалъ ласкою сзывать васъ на торги, мастеровъ на промыселъ, обѣщая порядокъ, защиту всякому. Ужли вы, православные, вѣрные слуги Царя нашего, кормилицы матушки каменной Москвы, на его слова положитесь, и дадитесь въ обманъ врагу лютому, злодѣю кровожадному? Отыметъ онъ у васъ послѣднюю кроху и придетъ вамъ умирать голодною смертію;

проведеть онъ васъ посулами, а коли деньги дасть, то фальшивыя; съ ними жь будетъ вамъ бѣда. Оставайтесь, братцы, покорными—Христіанскими воинами Божіей Матери— не слушайте пустыхъ словъ. Почитайте начальниковъ и помѣщиковъ; они ваши защитники, помощники; готовы васъ одѣть, обути, кормить и поить. Истребимъ достальную силу непріятельскую, погребемъ ихъ на святой Руси; станемъ бить, гдѣ ни встрѣнитъ ся; ужь мало ихъ и осталось; а насъ сорокъ милліоновъ людей, слетаются со всѣхъ сторонъ, какъ стада орлиныя. Истребимъ гадину заморскую, и предадимъ тѣла ихъ волкамъ, вороньямъ; а Москва опять украсится, покажутся золотые верхи, дома каменны; навалитъ народъ со всѣхъ сторонъ. Пожалѣетъ ли Отецъ нашъ Александръ Павловичъ милліоновъ рублей на выстройку каменной Москвы, гдѣ Онъ вмрромъ помазался, короновался Царскимъ вѣнцемъ? Онъ надѣется на Бога Всесильнаго, на Бога Руской земли, на народъ, ему подданной, богатырскаго сердца молодецкаго. Онъ одинъ

Помазанникъ Его, и мы присягали Ему въ вѣрности. Онъ Отецъ, мы дѣти Его; а злодѣй Французъ некрещенный врагъ. Онъ готовъ продать и душу свою; уже былъ онъ и Туркою, въ Египтѣ обусурманился, ограбилъ Москву, пустилъ нагихъ, босыхъ; а теперь ласкается и говорить, что не быть грабежу, а все взято имъ собакою, и все въ прокъ не пойдетъ. Отольются волку лютому слезы горькія. Еще недѣльки двѣ, такъ кричатъ пардонъ, а вы будто не слышите; ужъ имъ одинъ конецъ; съѣдятъ все какъ сарапча и станутъ стѣнью, мертвецами непогребенными: куда ни придутъ, тутъ и вали ихъ живыхъ и мертвыхъ въ могилу глубокую. Солдаты Русскіе помогутъ вамъ; которой побѣжитъ, того казаки добьютъ: а вы не робѣйте, братьцы удалые, дружина Московская, и гдѣ удается по близости, истребляйте сволочь мерзкую, нечистую гадину и тогда къ Царю въ Москву явитесь и дѣлами похвалитесь. Онъ васъ опять возстановитъ по прежнему, и будете припѣваючи жить по старому. А кто изъ васъ злодѣя послушается, и къ

Французу преклонится, тотъ недостойный сынъ отеческой, отступникъ Закона Божія, преступникъ Государя своего, отдаетъ себя на судъ и поруганіе; а душѣ его быть въ аду съ злодѣями, и горѣть въ огнѣ, какъ горѣла наша мать Москва».

ОБЪЯВЛЕНИЕ

КЪ АББАТАМЪ ДВУХЪ КАТОЛИЧЕСКИХЪ ЦЕРКВЕЙ,

НАХОДЯЩИХСЯ ВЪ МОСКВѢ.

26 ІЮНЯ 1812 ГОДА.

Императоръ Французовъ вступилъ въ предѣлы Россіи. Война началась. Зная образъ мыслей вашихъ и должность священнаго званія, вами отправляемую, обращаюсь къ вамъ, милостивые государи мои, прося покорно употребить убѣдительнѣйшее средство, по мѣрѣ возможности, ко внушенію иностранцамъ прихода вашего, чтобы они въ поступкахъ своихъ были благоразумнѣе и въ разговорахъ ограничивали себя скромностію: Надѣюсь, что имъ будетъ возможно, по крайней мѣрѣ, въ теченіе военнаго времени, почтить тотъ край, котораго Государь являетъ имъ Отецескую защиту, а подданные Его Величества оказываютъ гостепримство, гдѣ бѣдные находятъ изобиліе, несчастные по-

кровь, и бродяги — странники свое счастье. Я въ полномъ увѣреніи, что совѣты ваши подѣйствуютъ на умы легкомысленные и развращенные, и что начальству не останется другаго дѣла, какъ только пешись о сохраненіи общей тишины, вмѣсто розысковъ, наказаній и употребленія строгихъ мѣръ къ водворенію порядка и успокоенію народа, съ давняго времени, особенно нынѣ, раздраженнаго противъ Французовъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

КЪ ВИКАРІЮ МОСКОВСКОМУ АВГУСТИНУ,

18 ОКТЯБРЯ 1812 ГОДА.

6211107107

10000

10000

Врагъ человѣческаго рода, опустошивъ Москву и оскверня храмы, сопровождаемый проклятіемъ Россійскаго народа, съ малымъ числомъ оставшейся въ живыхъ нечестивой рати своей, предался бѣгству, желая довершить злодѣйство раззореніемъ Кремля подкопами; но Рука Всемогущаго спасла отъ паденія Соборы и Ивановскую колокольню, и прахъ Царей нашихъ съ Державою Государя Императора нашего: они, съ вѣрностію и мужествомъ народа, Ему преданнаго, остались непоколебимы. Обманутый ложною надеждою и ослѣпленный успѣхами, онъ мечталъ покорить Россію, предписать ей законы; но Россія возстала вся на него, попрала Его Силу и повергла страшное могущество На-

полеона къ подножію Престола Александра Перваго. Сообщая о семъ происшествіи Вашёму Преосвященству, прошу направить путь Вашъ къ первопрестольному граду, коего жители желаютъ возвращенія Вашего, церкви освященія и всѣ истинные Христіане присутствія Чудотворныхъ Иконъ, для принесенія теплыхъ молитвъ за избавленіе отъ нашествія врага и униженіе гордыни его.

**ОБЪЯВЛЕНИЕ,
ОБЩАРОДОВАННОЕ**

20 ОКТЯБРЯ 1812 ГОДА.

Крестьянамъ Московской губерніи. По возвращеніи моемъ въ Москву, узналъ я, что вы, недовольны бывъ тѣмъ, что ѣздили и таскали, что попало на пепелищѣ, еще вздумали грабить дома господъ своихъ по деревнямъ и выходить изъ послушанія. Уже многихъ зачинщиковъ привезли сюда. Неужели вамъ хочется попасть въ бѣду? Славное сдѣлали вы дѣло, что не поддались Бонапарте, и отъ этого онъ околѣвалъ съ голоду въ Москвѣ, а теперь околѣваетъ съ холоду на дорогѣ, бѣжить не оглядываясь, и арміи его живой не приходитъ; покойниковъ Французскихъ ни кто не подвезетъ до ихъ дому. Ну, такъ Бонапарта не слушались, а теперь слу-

шаетесь какова нибудь домашняго вора. Вѣдь
опять и Капитанъ-Исправники и Засѣдатели
ездѣ есть на мѣстѣ. Гей, ребята! живите
смирно, да честно; а то дураки, забіячныя
головы, кричать: *батюшка, не будемъ!*

ЗАПИСКА

н а

**ФРАНЦУЗСКОМЪ ЯЗЫКЪ, ПРИКЛЕЕННАЯ КЪ ЦЕРКОВНОЙ
ДВЕРИ ВЪ СЕЛѢ ВОРОНОВЪ НА КАЛУЖСКОЙ ДОРОГѢ.**

(ВЪ 1812 ГОДУ.)

J'ai embelli pendant huit ans cette campagne et j'y ai vécu heureux au sein de ma famille. Les habitans de cette terre, au nombre de mille sept cent vingt, la quittent à votre approche; et, mois je mets le feu à ma maison, pour qu'elle ne soit pas souillée par votre présence. Français, je vous ai abandonné mes deux maisons de Moscou, avec un mobilier d'un demi million de roubles; ici vous ne trouverez que des cendres.

Восемь лѣтъ украшалъ я это село, въ которомъ наслаждался счастьемъ среди моей семьи. При вашемъ приближеніи, обыватели, въ числѣ 1,720, покидаютъ жилища, а я предаю огню домъ свой, чтобы онъ не былъ ос-

кверненъ вашимъ присутвіемъ. Французы! Въ Москвѣ оставилъ я вамъ два моихъ дома и движимости на полмиліона рублей: здѣсь найдете вы только пепель.

•

ПРАВДА
о
ПОЖАРЪ МОСКВЫ.

Десять лѣтъ прошло со времени пожара Москвы, и я всегда былъ представляемъ потомству и Исторіи какъ виновникъ такого происшествія, которое, по принятому мнѣнію, было главнѣйшею причиною истребленія непріятельскихъ армій, паденія Наполеона, спасенія Россіи и освобожденія Европы. Безъ сомнѣнія, есть чѣмъ возгордиться отъ такихъ прекрасныхъ названій; но никогда не присвоивая себѣ правъ другаго и соскучась слышать одну и ту же баснь, я рѣшаюсь говорить правду, которая одна должна руководить Исторіею.

Когда пожаръ разрушилъ въ три дни шесть осьмиыхъ частей Москвы, Наполеонъ почувствовалъ всю важность сего происшествія и

предвидѣлъ слѣдствіе, могущее произойти отъ того надъ Русской націей, имѣющей полное право приписать ему сіе разрушеніе, по причинѣ бытности его самаго и подъ его начальствомъ ста тридцати тысячъ солдатъ. Онъ полагалъ найти вѣрное средство отклонить отъ себя весь позоръ сего дѣла въ глазахъ Русскихъ и Европы и обратить его на Начальника Русскаго правленія въ Москвѣ: тогда бюллетени Наполеоновы провозгласили меня зажигателемъ; журналы и брошюры наперерывъ одинъ передъ другимъ повторили это обвиненіе, и нѣкоторымъ образомъ заставили авторовъ, писавшихъ послѣ о войнѣ 1812 года, представлять достовѣрнымъ такое дѣло, которое совершенно было ложно.

Я располагаю по статьямъ главнѣйшія доказательства, утвердившія мнѣніе, что пожаръ Москвы есть мое дѣло; я буду отвѣчать на нихъ происшествіями, извѣстными всѣмъ Русскимъ. Было бы несправедливо этому не вѣрить; ибо я отказываюсь отъ прекраснѣйшей роли эпохи и самъ разрушаю зданіе моей знаменитости.

1. *Наполеонъ въ своихъ бюллетеняхъ 19,*

20, 21, 22, 23 и 24-мъ утвердительно говорить, что пожаръ Москвы былъ выдуманъ и приготовленъ Ростопчинымъ.

Столь ужасное предпріятіе, чтобы выдумать и исполнить, каково есть сожженіе столичнаго города Имперіи, надлежало имѣть причину гораздо важнѣйшую, чѣмъ увѣренность во злѣ, могущимъ отъ того произойти для непріятеля. Хотя шесть осьмихъ частей города были истреблены огнемъ, однако оставалось еще довольно зданій для помѣщенія всей арміи Наполеоновой. Совершенно было невозможно, чтобы пожаръ могъ распространиться по всемъ частямъ города, и еслибъ не случилось жестокаго вѣтра, огонь самъ бы по себѣ остановился по причинѣ садовъ, пустыхъ мѣстъ и бульваровъ. Такимъ образомъ, истребленіе жизненныхъ припасовъ, находящихся въ домахъ, которые могъ бы истребить пламень, было бы единственнымъ зломъ для непріятеля и горестнымъ плодомъ мѣры, сколь жестокой, столь же и неблагоразумной.

Но жизненные припасы, оставшіеся въ Москвѣ, были весьма незначительны; ибо

Москва снабжается во время зимняго пути и весенней навигаціи до Сентября мѣсяца, а послѣ на плотахъ до зимы; но война началась въ Юнѣ мѣсяцѣ, и непріятель обладателемъ Смоленска былъ уже въ началѣ Августа: а потому все подвозы остановились, и нисколько уже не заботились о снабженіи жизненными припасами города безъ защиты и угрожаемаго непріятельскимъ вторженіемъ. Въ послѣдствіи большая часть муки, находившейся въ казенныхъ магазинахъ и въ лавкахъ хлѣбныхъ торговцевъ, была обращена въ хлѣбы и сухари, и въ продолженіи тринадцати дней предъ вступленіемъ Наполеона въ Москву шесть сотъ телегъ, нагружаемыхъ сухарями, крупой и овсомъ отправлялись каждое утро къ арміи, а по этому и намѣреніе лишить непріятеля жизненныхъ припасовъ не могло имѣть своего существованія. Другое дѣло гораздо важнѣйшее, должно было бы остановить исполненіе предпріятія пожара (если когда-либо было оно предположено), а именно, дабы тѣмъ не заставить Наполеона приудить Князя Кутузова по выходѣ своемъ изъ Москвы, къ сра-

женію, котораго всѣ выгоды были на сторонѣ Французской арміи, имѣющей двойное число сражающихся, чѣмъ Русская армія, обремененная ранеными и нѣкоторою частію народа, вышедшаго изъ Москвы.

2. *Зажигательныя вещества, приготовленныя какія то Шмидтомъ, имѣющимъ препорученіе устроить воздушный шаръ.*

Пожаръ Москвы, не будучи никогда ни приготовленъ, ни устроенъ, зажигательныя вещества Шмидта сами по себѣ уничтожаются. Этотъ человекъ будто бы нашелъ способъ управлять воздушнымъ шаромъ, занимался тогда устройеніемъ одного, и слѣдуя шарлатанству, просилъ о сохраненіи тайны на счетъ его работы. Между тѣмъ, слишкомъ уже увеличили исторію этаго шара, дабы сдѣлать изъ оной посмѣяніе для Русскихъ; но простяки, очень рѣдки между ними, и никогда бы не могли увѣрить ни одного жителя Москвы, что этотъ Шмидтъ истребитъ Французскую армію посредствомъ своего шара, подобнаго тому, которой Французы употребили во время Флерюсскаго сраженія; и какую имѣли нужду устраивать фабрику зажи-

гательныхъ веществъ? Солома и сѣно были бы гораздо способнѣе для зажигателей, чѣмъ фейерверки, требующіе предосторожности, и столь же трудные къ сокрытію, какъ и къ управленію для людей, совсѣмъ къ тому непривычныхъ.

3. *Петарды, найденныя въ печакъ моего дома, въ Москва.*

Для чего мнѣ было класть петарды въ моемъ домѣ? Принимаясь топить печи, ихъ легко бы нашли, и даже въ случаѣ взрыва-нія было бы токмо нѣсколько жертвъ, а не пожаръ.

Одинъ Французскій медикъ, стоявшій въ моемъ домѣ, сказывалъ мнѣ, что нашли въ одной печи нѣсколько ружейныхъ патроновъ; если по прошествіи нѣкотораго времени сдѣ-лались они петардами, то для чегожъ не сказать послѣ, что это были *сферы сжатія* (*globes de compression*)? Что касается до меня, то я оставляю изобрѣтеніе петардъ бол-летеню; или, если дѣйствительно нашли нѣ-сколько патроновъ въ печакъ моего дома, то они могли быть положены послѣ моего вы-ѣзда, чтобы чрезъ то подать еще болѣе по-

вода думать, что я имѣлъ намѣреніе сжечь Москву. Равномѣрно и ракеты, будто бы найденныя у зажигателей, могли быть взяты въ частныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ приготавливаются фейерверки для праздниковъ, даваемыхъ въ Москвѣ и за городомъ.

4. Показанія зажигателей, взятыхъ, судимыхъ и потомъ разстрѣлянныхъ.

Вотъ еще доказательство, представленное какъ несомнѣнное и убѣдительное, облеченное формою суда, показаніемъ осужденныхъ и смертію зажигателей. Наполеонъ объявляетъ въ двадцатомъ своемъ бюллетенѣ, что схватили, предали суду и разстрѣляли зажигателей; что всѣ сіи несчастные были взяты на мѣстѣ, снабженные зажигательными веществами и бросающіе огонь по моему приказанію.

Двадцатый бюллетень объявляетъ, что эти зажигатели — были колодники, бросившіе огонь въ пяти стахъ мѣстахъ въ одинъ разъ, что ни комъ образомъ невозможно. Впрочемъ, можно ли полагать, чтобъ я далъ свободу колодникамъ, содержащимся въ тюрьмахъ, съ условіемъ жечь городъ, и что сіи

люди могли исполнить мои приказанія во время моего отсутствія, предъ цѣлой непріятельской арміей? Но я хочу убѣдить всѣхъ тѣхъ, кои единственно судятъ по видимому, что колодники никогда не были къ тому употреблены.

По мѣрѣ приближенія Наполеоновой арміи къ какому — либо Губернскому городу, Гражданскіе Губернаторы всегда отправляли колодниковъ въ Москву подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ солдатъ. Вышло изъ того, что въ концѣ мѣсяца Августа Московскія тюрьмы наполнены были колодниками Губерній Витебской, Могилевской, Минской и Смоленской. Число оныхъ, со включеніемъ также и колодниковъ Московскихъ, состояло изъ осми сотъ десяти человекъ, которые, подъ прикрытіемъ одного баталіона, взятаго изъ гарнизоннаго полку, были отосланы въ Нижній-Новгородъ двумя днями прежде входа непріятели въ Москву. Они прибыли къ мѣсту своего назначенія, и въ началѣ 1813 года, во избѣжаніе затрудненія на счетъ разсылки ихъ по прежнимъ Губерніямъ, предписано было Судебнымъ Мѣстамъ Нижняго-

Новгорода учинить и кончить ихъ процессъ тамъ.

Но процессъ, учиненный зажигателямъ (который напечатанъ, и котораго я имѣю у себя еще одинъ экземпляръ), объявляетъ, что были представлены тридцать человѣкъ, изъ коихъ каждый поименованъ, и между которыми тринадцать, будучи уличены въ зажигательствѣ города по моему приказанію, приговорены къ смерти. Между тѣмъ по двадцатому и двадцать первому бюллетеню разстрѣляно ихъ сначала сто, а потомъ еще триста. По моемъ возвращеніи въ Москву я нашелъ и говорилъ съ тремя несчастными изъ числа тридцати, обозначенныхъ въ процессѣ: одинъ былъ служитель Князя Сибирскаго, оставленный при домѣ, другой, старый подметальщикъ въ Кремлѣ, третій, магазинный сторожъ.

Всѣ трое, допрашиваемые порознь, мнѣ сказали одно и тоже въ 1812 году, что и два года послѣ того, то есть, что они взяты были въ первые дни Сентября мѣсяца (стар. штиля), одинъ во время ночи на улицѣ, двое другихъ въ Кремлѣ днемъ. Они оставались

нѣкоторое время въ кордегардіи въ самомъ Кремлѣ; наконецъ однимъ утромъ препроводили ихъ съ десятью другими Русскими въ Хамовническія казармы; къ нимъ присоединили еще семнадцать другихъ человѣкъ, и отвели ихъ подъ сильнымъ прикрытіемъ къ Петровскому монастырю, находящемуся на бульварѣ. Тамъ они простояли почти цѣлый часъ; послѣ чего, множество офицеровъ приѣхало верхами и сошли на землю. Тридцать Русскихъ были поставлены въ одну линію, изъ коихъ отсчитавши тринадцать справа, поставили къ монастырской стѣнѣ и разстрѣляли. Тѣла ихъ были повѣшены на фонарные столбы съ Французскою и Русскою надписью, что это были зажигатели. Другіе семнадцать были отпущены и впредь уже нетревожимы.

Объявленіе сихъ людей (если оно справедливо) заставляетъ думать, что никто ихъ не допрашивалъ, и что тринадцать были разстрѣляны по повелѣнію высшаго начальства.

5. *Показаніе одного человека, будто бы польскаго солдата, найденнаго въ Кремлев-*

скихъ погребѣхъ и изрубленнаго на части солдатами Наполеоновой гвардіи.

Этотъ несчастный полицейскій солдатъ, или какъ онъ такимъ себя называлъ, найденный въ одномъ погребѣ, могъ ли сказать, что онъ оставался по приказанію своего начальника? Между тѣмъ, кто былъ этотъ начальникъ? — Я ли? Полицмейстеръ ли? Офицеръ ли? сержантъ ли? Какое препорученіе дано ему было? Но ему не сдѣлали чести имъ заняться; онъ былъ изрубленъ гвардейскими солдатами.

6. Вывезенныя пожарныя трубы.

Я велѣлъ выпроводить изъ города двѣ тысячи сто человѣкъ пожарной команды и девяносто шесть трубъ (ибо ихъ было по три въ каждой Части) наканунѣ входа непріятеля въ Москву. Былъ также корпусъ Офицеровъ, опредѣленный на службу при пожарныхъ трубахъ, и я не разсудилъ за благо оставить его для услугъ Наполеона, выведши уже изъ города всѣ гражданскіе и военныя чины.

Между тѣмъ, очень естественно желать знать подлинно, кто бросалъ огонь и про-

изводилъ пожаръ Москвы. И такъ, вотъ подробности, которыя я могу доставить о семъ происшествіи, которое Наполеонъ складываетъ на меня, которое Русскіе складываютъ на Наполеона, и которое не могу я приписать ни Русскимъ, не непріателемъ исключительно. Половина Русскихъ людей, оставшихся въ Москвѣ, состояла изъ однихъ только бродягъ, и легко статья можетъ, что они старались о распространеніи пожаровъ, дабы съ бѣльшею удобностію грабить въ безпорядкѣ. Но это еще не можетъ быть убѣдительнымъ доказательствомъ, что существовалъ планъ для сожженія города, и что этотъ планъ и его исполненіе были моимъ дѣломъ.

Главная черта Русскаго характера есть некорыстолюбіе и готовность скорѣе уничтожить, чѣмъ уступить, оканчивая ссору сими словами: *не доставайся же никому*. Въ частыхъ разговорахъ съ купцами, мастеровыми и людьми изъ простаго народа, я слыхалъ слѣдующее выраженіе, когда они съ горестію изъявляли свой страхъ, чтобъ Москва не досталась въ руки непріателя:

лучше ее сжечь. Во время моего пребыванія въ главной квартирѣ Князя Кутузова я видѣлъ многихъ людей, спасшихся изъ Москвы послѣ пожара, которые хвалились тѣмъ, что сами зажигали свои дома.

Вотъ подробности, собранныя мною по моемъ возвращеніи въ Москву; я ихъ представляю здѣсь точно въ такомъ видѣ, въ какомъ онѣ ко мнѣ пришли. Я не былъ свидѣтелемъ оныхъ, ибо находился въ отсутствіи.

Въ Москвѣ есть цѣлая улица съ каретными лавками, и въ которой живутъ одни только каретники. Когда армія Наполеона вошла въ городъ, то многіе Генералы и Офицеры бросились въ этотъ кварталъ, и обошедши всѣ заведенія онаго, выбрали себѣ кареты и замѣтили ихъ своими именами. Хозяева, по общему между собою согласію, не желая снабдить каретами непріятели, зажгли всѣ свои лавки.

Одинъ купецъ, ушедшій съ своимъ семействомъ въ Ярославль, оставилъ одного своего племянника имѣть попеченіе о его домѣ. Сей послѣдній, по возвращеніи Полиціи въ

Москву, пришелъ объявить ей, что семнадцать мертвыхъ тѣлъ находятся въ погребѣ его дяди, и вотъ какъ онъ рассказывалъ о семъ происшествіи. На другой день входа непріятеля въ городъ четыре солдата пришли къ нему; осмотря домъ, и не нашедши ничего съ собой унести, сошли въ погребъ, находящійся подъ онымъ, нашли тамъ сотню бутылокъ вина, и давши разумѣть знаками племяннику купца, чтобъ онъ поберегъ оныя, возвратились опять ввечеру, въ сопровожденіи тринадцати другихъ солдатъ, зажгли свѣчи, принялись пить, пѣть и потомъ спать. Молодой Русской купецъ, видя ихъ погруженныхъ въ пьяной сонъ, вздумалъ ихъ умертвить. Онъ заперъ погребъ, завалилъ его камнями и убѣжалъ на улицу. По прошествіи нѣсколькихъ часовъ, размысливши хорошенько, что эти семнадцать человѣкъ могли бы какимъ нибудь образомъ освободиться изъ своего заточенія, встрѣтиться съ нимъ и его умертвить, онъ рѣшился зажечь домъ, что и исполнилъ посредствомъ соломы.

Вѣроятно, что эти несчастные семнадцать

- человекъ задохлись отъ дыму. Два человекъ, одинъ дворникъ Г-на Муравьева, а другой купецъ, были схвачены при зажиганіи своихъ домовъ и разстрѣляны.

Съ другой стороны, Москва, будучи цѣлю и предметомъ похода Наполеона въ Россію, разграбленіе сего города было обѣщано арміи. Послѣ взятія Смоленска солдаты нуждались въ жизненныхъ припасахъ и пытались иногда рожью въ зернахъ и лошадинымъ мясомъ; очень естественно, что сія войска, пришедши въ обширный городъ, оставленный жителями, разсыпались по домамъ для снисканія себѣ пици и для грабежа. Уже въ первую ночь по занятіи Москвы большой корпусъ лавокъ, находящійся противъ Кремля, былъ весь въ пламени. Въ послѣдствіи, и даже непрерывно, были пожары во многихъ частяхъ города; но въ пятый день ужасный вихрь разнесъ пламень повсюду, и въ три дни огонь пожралъ семь тысячъ шесть сотъ тридцать два дома. Нельзя ожидать большой предосторожности со стороны солдатъ, которые ходили ночью по домамъ съ свѣшными огарками, лучиною и

факелами; многіе даже разкладывали огонь по серединѣ дворовъ, дабы грѣться. Денной приказъ, дававшій право каждому полку, расположенному на бивакахъ близъ города, посылать назначенное число солдатъ для разграбленія домовъ *уже сожженныхъ*, былъ, такъ сказать, приглашеніемъ или позволеніемъ умножить число оныхъ. Но то, что болѣе всего утверждаетъ Русскихъ во мнѣніи, что Москва была сожжена непріателемъ, есть весьма бесполезное взорваніе Кремля.

Вотъ все, что я могу сказать о великомъ происшествіи Московскаго пожара, которое тѣмъ еще болѣе показалось удивительнымъ, что нѣтъ ему примѣра въ Исторіи.

Наполеонъ оставилъ на три дни Кремль и возвратился ожидать мира посреди дымящихся развалинъ; но судьба его рѣшилась, и перстъ Провидѣнія назначилъ Москву быть началомъ его паденія, такъ какъ островъ Святой Елены концемъ его подвиговъ.

Теперь сдѣлаю нѣкоторыя замѣчанія на книгу, недавно изданную въ свѣтъ М. М. ^{***}, подъ заглавіемъ: *О походѣ въ Россію*. Я въ ней нашелъ много правды и безпристрастія,

за исключеніемъ токмо Исторической части о занятіи Москвы. Ничего не буду говорить о пожарѣ, но открою нѣкоторыя ошибки М. М. *** на счетъ многихъ происшествій, которыя онъ описываетъ, повторяя увѣренія многихъ писателей, мало заботившихся о исправности. Это не касается военныхъ операций, которыхъ авторъ былъ свидѣтелемъ, и которыя описываетъ онъ какъ опытный Офицеръ. Его критика благоразумна; онъ не превращаетъ исторію въ романъ и нимало непохожъ на тѣхъ авторовъ, которымъ нравится говорить глупости не только о частныхъ людяхъ, но даже о цѣлыхъ націяхъ, какъ на примѣръ издатель журнала: *Le Miroir*, который объявляетъ, что *Русской не боится смерти въ сраженіяхъ, единственно страшась кнута*; газеты, которымъ угодно называть Русскія арміи дикими, козацкими и прочій наборъ бессмысленныхъ злословій и лжи, равномѣрно какъ и слѣдующія книги: *De la Russie et de l'esclavage, du Desastre de Moscou*, и пр. Чтожъ касается именно до меня, то и конца бы не было, если бы я хотѣлъ говорить о всѣхъ глупостяхъ, сказан-

ныхъ на мой счетъ: то иногда я безызвѣстнаго происхожденія; то изъ подлаго званія, употребленный къ низкимъ должностямъ при Дворѣ; то шутъ Императора Павла; то назначенный въ духовное состояніе, воспитаникъ Митрополита Платона, обучавшійся во всѣхъ городахъ Европы; толстѣ и худощавѣ, высокъ и малѣ, любезенъ и грубѣ. Нимало не огорчаясь вздорами, столь щедро на счетъ мой расточенными кропателями исторій, я представлю здѣсь мою службу. Я былъ Офицеромъ Гвардіи и Камеръ-Юнкеромъ въ царствованіе Императрицы Екатерины II; Генераль-Адъютантомъ, Министромъ Иностранныхъ дѣлъ и Главнымъ Директоромъ Почтъ въ царствованіе Императора Павла I-го; Оберъ-Каммергеромъ и Главнo-командующимъ Москвы и ея Губерніи при нынѣшнемъ ИМПЕРАТОРѢ. Чтожъ касается до моего происхожденія, то не во гнѣвъ господамъ разсуждающимъ подъ краснымъ колакомъ, я скажу, что родоначальникъ нашей фамиліи, поселившійся въ Россіи назадъ тому болѣе трехъ столѣтій, происходилъ попрямой линіи отъ одного изъ сыновей Чингисъ-Хана.

Въ книгѣ, на которую я дѣлаю замѣчанія, М. М. *** представляетъ меня человѣкомъ съ запальчивымъ характеромъ. Первый, который сказалъ это какъ ни попало (ибо прочіе уже въ слѣдъ за нимъ повторили), очень бы затруднился въ доказательствахъ имъ сказуемаго. Прежде, нежели произнести свой приговоръ о поступкахъ и поведеніи человѣка Государственнаго, надобно, если не хотятъ учинить несправедливости, обратить свое вниманіе на время, мѣсто, обстоятельства и узнать хорошенько причины, заставляющія его такимъ или другимъ образомъ дѣйствовать. Выбросите изъ моего правленія 1812 годъ зажигательный факель, которымъ угодно было Наполеону для собственныхъ своихъ выгодъ вооружить мою руку, то найдутъ планъ, отъ котораго я никогда не отступалъ, и который исполнялъ я съ спокойствіемъ и терпѣніемъ. Другой на моемъ мѣстѣ не употребилъ бы, можетъ быть, столько дѣятельности; но были три причины, которыя воспламеняли безпрестанно мое рвеніе въ сію губительную эпоху: это была слава моего Отечества, важность поста, препорученнаго

миѣ Государемъ, и благодарность къ милостямъ Императора Павла I-го. Столько было дѣлъ, что не доставало времени сдѣлаться больнымъ, и я не понимаю, какъ могъ я перенести столько трудовъ. Отъ взятія Смоленска до моего выѣзда изъ Москвы, то есть, въ продолженіе двадцати трехъ дней я не спалъ на постелѣ; я ложились, ни мало не раздѣваясь, на канапѣ, будучи безпрестанно пробуждаемъ то для чтенія депешей, входящихъ тогда ко мнѣ со всѣхъ сторонъ, то для переговоровъ съ курьерами и немедленнаго отправленія оныхъ. Я приобрѣлъ увѣренность, что есть всегда способъ быть полезнымъ своему Отечеству, когда слышишь его взывающій голосъ: *жертвуй собою для моего спасенія*. Тогда пренебрегаешь опасностями, не уважаешь препятствіями, закрываешь глаза свои на счетъ будущаго; но въ ту минуту, когда займешься собою и станешь разсчитывать, то ничего не сдѣлаешь порядочнаго и входишь въ общую толпу народа.

Я имѣлъ въ виду два предмета весьма важные, отъ которыхъ, полагалъ, зависитъ ис-

требленіе Французской арміи, а именно: чтобъ сохранить спокойствіе въ Москвѣ и вывести изъ оной жителей. Я успѣлъ свѣше моихъ надеждъ. Тишина продолжалась даже до самой минуты вступленія непріятели, и изъ двухъ сотъ сорока тысячъ жителей осталось только отъ двѣнадцати до пятнадцати тысячъ человекъ, которые были или мѣщане, или иностранцы, или люди изъ простаго званія народа, но ни одинъ значительный человекъ ни изъ Дворянства, ни изъ Духовенства или купечества. Сенатъ, Судебныя Мѣста, всѣ Чиновники, оставили городъ нѣсколькими днями прежде его занятія непріателемъ. Я хотѣлъ лишить Наполеона всей возможности составить сношеніе Москвы со внутренностію Имперіи и употребить въ свою пользу вліяніе, которое Французъ приобрѣлъ себѣ въ Европѣ своею литературою, своими модами, своею кухнею и своимъ языкомъ. Сими средствами непріятели могли бы сблизиться съ Русскими, получить довѣренность, а наконецъ и самыя услуги; но посреди людей, оставшихся въ Москвѣ, обольщеніе было безъ всякаго дѣйствія, какъ посреди глухихъ и нѣмыхъ.

Нарушенное спокойствіе въ Москвѣ могло бы произвести весьма дурныя впечатлѣнія на духъ Русскихъ, которые обращали тогда на нее свои взоры и ей подражали и слѣдовали. Изъ нее-то распространился этотъ пламенный патріотизмъ, эта потребность пожертвованій, этотъ воинскій жаръ и это желаніе мщенія противъ враговъ, дерзнувшихъ проникнуть столь далеко. По мѣрѣ, какъ извѣстіе о занятіи Москвы дѣлалось извѣстнымъ въ провинціяхъ, народъ приходилъ въ ярость; и дѣйствительно, подобное происшествіе должно было казаться весьма чрезвычайнымъ такой націи, на землю которой не ступалъ непріятель болѣе цѣлаго вѣка, считая отъ вторженія Карла XII, Короля Шведскаго. Наполеонъ имѣлъ равную съ нимъ участь: оба потеряли свою армію, оба были бѣглецы, одинъ у Турковъ, другой у Французовъ.

Небольшое сочиненіе, изданное мною въ 1807 году, имѣло своимъ назначеніемъ предупредить жителей городовъ противъ Французовъ, живущихъ въ Россіи, которые старались уже пріучить умы къ тому мнѣнію,

что должно будет нѣкогда намъ пасть предъ арміями Наполеона. Я не говорилъ о нихъ добраго: но мы были въ войнѣ, а потому и позволительно Русскимъ не любить ихъ въ сію эпоху. Но война кончилась, и Русской, забывъ злобу, возвращался къ симпатіи, существующей всегда между двумя великодушными народами. Онъ не сохранилъ сего зложелательства, которое Французы оказываютъ даже до сего времени чужеземцамъ и не прощаютъ имъ двойное занятіе Парижа, какъ и трехлѣтнее ихъ пребываніе во Франціи. Впрочемъ, я спрашиваю: гдѣ та земля, въ которой три тысячи шестьсотъ тридцать Французовъ, живущихъ въ одномъ токмо столичномъ городѣ, готовомъ уже быть занятымъ ихъ соотечественниками, могли бы жить не только спокойно, но даже заниматься своей коммерціей и отправлять свои работы? Ни одинъ человекъ не былъ оскорбленъ, и кабаки, во время мнимаго безпорядка при вшествіи Наполеона въ Москву, не могли быть разграблены; ибо въ слѣдствіе моего приказанія не находилось въ нихъ ни одной капли вина.

Московскій Почт - Директоръ никогда не былъ посланъ въ Сибирь, но удаленъ въ Воронежъ, совсѣмъ по другимъ причинамъ, какія объявляетъ одна Нѣмецкая газета.

Прокламаціи, мною опубликованныя, имѣли единственно въ предметѣ утишеніе безпокойства; между тѣмъ всѣ знали очень хорошо о происходившемъ: военныя извѣстія съ величайшею скоростію приходили однѣ за другими отъ Смоленска къ Москвѣ. Основаніемъ моихъ бюллетеней служили получаемыя мною увѣдомленія, сначала отъ Генерала Барклая, а потомъ отъ Князя Кутузова. Что касается до выраженій, то онѣ не могли быть оскорбительнѣе для непріятеля Французскихъ прокламацій 1814 года, въ которыхъ говорили, что Русскіе любятъ ѣсть мясо младенцевъ.

Никогда не существовала ненависть между мною и Княземъ Кутузовымъ, да и время не было заниматься оной. Мы не имѣли никакихъ выгодъ обманывать другъ друга, и не могли трактовать вмѣстѣ о сожженіи Москвы, ибо никто о томъ и недумалъ. Правда, что во время моего съ нимъ свиданія у заставы онъ увѣрялъ меня о намѣреніи дать

сраженіе, а вечеромъ, послѣ военнаго совѣта, держаннаго на скорую руку, онъ прислалъ ко мнѣ письмо, въ которомъ увѣдомлялъ, что въ слѣдствіе движенія непріятеля, онъ видитъ, къ сожалѣнію, себя принужденнымъ оставить Москву, и что идетъ расположиться съ своей арміей на большой Рязанской дорогѣ.

Изъ всего вышесказаннаго мною видно, что М. М^{***} впалъ въ протіворѣчіе; ибо, полагая вражду между Княземъ Кутузовымъ и мною, онъ разрушилъ всякую возможность взаимной довѣренности. Если бы дѣлаться врагами всѣхъ тѣхъ, коихъ мы осуждаемъ, то трудъ М. М^{***} доставилъ бы ему значительное количество оныхъ.

До 1806 я не имѣлъ противъ Наполеона ненависти болѣе какъ и послѣдній изъ Русскихъ; я избѣгалъ говорить о немъ, сколько могъ, ибо находилъ, что писали на его счетъ слишкомъ и слишкомъ рано. Народы Европы будутъ долго помнить то зло, которое причинилъ онъ имъ войною, и въ классѣ просвѣщенномъ два существующія поколѣнія раздѣлятся между энтузіазмомъ

къ завоевателю и ненавистию къ похитителю. Я даже объявлю здѣсь откровенно мое вѣрованіе въ отношеніи къ нему: Наполеонъ былъ въ глазахъ моихъ великимъ Генераломъ послѣ Италіанскаго и Египетскаго похода; благодѣтелемъ Франціи, когда прекратилъ онъ революцію во время своего Консульства; опаснымъ деспотомъ для Европы, когда сдѣлался Императоромъ; ненасытнымъ завоевателемъ до 1812 года; человѣкомъ, упоеннымъ славою и ослѣпленнымъ счастіемъ, когда предпринялъ завоеваніе Россіи; униженнымъ гениемъ въ Фонтенебло и послѣ Ватерлоскаго сраженія, а на островѣ Св. Елены плачущимъ прорицателемъ. Наконецъ, я думаю, что умеръ онъ съ печали, не имѣя уже возможности возмущать болѣе свѣтъ и видя себя заточеннымъ на голыхъ скалахъ, чтобы быть терзаему воспоминаніемъ прошедшаго и мученіями настоящаго, не имѣя права обвинять никого другаго, кромѣ самаго себя, будучи самъ причиною и своего возвышенія и своего паденія. Я очень часто сожалѣлъ, что Генералъ Тамара, имѣвшій препорученіе, въ 1789 году, во время войны

съ Турками, устроить флотилію въ Средиземномъ морѣ, не принявъ предложенія Наполеона о приѣмѣ его въ Русскую службу; но чинъ Маіора, котораго онъ требовалъ, какъ Подполковникъ Корсиканской Национальной Гвардіи былъ причиною отказа. Я имѣлъ это письмо много разъ въ своихъ рукахъ.

Что касается до Французскихъ революціонеровъ и ихъ учениковъ въ другихъ земляхъ, то я возгнушался ихъ намѣреніемъ, какъ только оно сдѣлалось извѣстнымъ по своему успѣху. Все, что произошло въ Европѣ въ продолженіи тридцати лѣтъ, утвердило меня въ моемъ мнѣніи на счетъ тѣхъ, которыхъ предпріятія касались къ низпроверженію правительствъ. Какое дѣло до того, подъ какимъ названіемъ эти люди скрываются, или извѣстны; эгоизмъ ими предводитъ, корыстолюбіе ихъ ослѣпляетъ.

Къ несчастію, въ семь вѣкѣ, въ которомъ столько происшествій приучили два поколѣнія избавлять себя отъ правилъ, внушающихъ должное уваженіе къ Вѣрѣ и Престолу, горсть крамольниковъ и честолюбцевъ до-

вольно свободно достигаетъ до обольщенія народа, говоря, смотря по обстоятельствамъ, о благополучіи, богатствѣ, свободѣ, славѣ, завоеваніи и мщеніи; его возмущаютъ, ведутъ и низвергаютъ въ ужасную пропасть бѣдствій. Дошли даже до того, что стали почитать революцію какою-то потребностію духа времени, и чтобъ умножить лавину бунта (*avalanche de la révolte*), то представляютъ въ блистательной перспективѣ выгоды конституціи, не заботясь нимало, прилична ли она странѣ, жителямъ и сосѣдямъ. Вотъ болѣзнь нынѣшняго вѣка! эта горячка опаснѣе всѣхъ горячекъ, даже и самой морской язвы; ибо не только что повальная и заразительная, но сообщается чрезъ чтеніе и разговоръ. Ея признаки очень замѣтны: она начинается наборомъ пышныхъ словъ, которыя, кажется, выходятъ изъ устъ какого нибудь законодавца, друга человечества, Пророка или могущественнаго владѣтеля; потомъ является тысяча оскорбленій противъ всякой власти, жажда обладанія, неуемный аппетитъ богатства наконецъ бредъ, въ продолженіе котораго больной карабкает-

ся какъ можно выше , опрокидывая все предъ собою.

Не смотря на всѣ усилія возмутителей, народы, приведенные въ заблужденіе на нѣкоторое время, окончатъ въ послѣдствіи тѣмъ, что возвратятся опять къ прежнему порядку вещей или отъ дѣйствія размышленія, или отъ усталости, или даже отъ самыхъ излишностей; ибо очень скоро узнается, что весь свѣтъ не можетъ быть богатымъ, и что нѣтъ довольно мѣста на тронѣ для многихъ тысячъ подданныхъ, желающихъ превратиться въ Государей, чтобы царствовать надъ націей, которая нимало о томъ и не заботится. Уже доказано Исторіей, что каждый народъ, бунтующій противъ своего Государя, дѣлаетъ худшимъ свое состояніе и дорого платитъ за свое заблужденіе: ибо, если въ борьбѣ законный владѣтель восторжествуетъ надъ крамольниками, то никогда не захочетъ онъ согласиться на то, чего они желаютъ; въ противномъ же случаѣ, если законный владѣтель падаетъ, защищая свои права противъ возмутившихся подданныхъ, то тогда сіи мгновенно пере-

ходить подъ власть военнаго деспотизма, ибо, за недостаткомъ какого нибудь Наполеона, вездѣ найдется много Итурбидовъ.

Депутация города Москвы, о которой говорить М. М. ***, состояла изъ дюжины простыхъ людей, очень худо одѣтыхъ. Представлявшій въ семь торжественномъ случаѣ и Дворянство и Духовенство и Чиновниковъ и купеческое сословіе былъ ни что иное, какъ типографской факторъ. Наполеонъ, видя всю странность такой комедіи, обратился къ нему спиною.

Отрядъ полицейскихъ драгуновъ, о которыхъ говоритъ М. М. ***, состоялъ изъ десяти человекъ для препровожденія повозки, въ которой находились Государственныя бумаги. Что касается до меня, то я былъ верхомъ, и не прежде оставилъ городъ, какъ въ ту минуту, когда стали палить изъ пушекъ въ Кремль.

Прежде, нежели окончу сіе небольшое сочиненіе, я сдѣлаю нѣкоторыя замѣчанія на бюллетени Наполеона, изданныя въ Москвѣ. Читатели сами увидятъ, могутъ ли сіи оч-

официальныя бумаги служить матеріаломъ для Исторіи.

БЮЛЛЕТЕНИ.

Замѣчанія.

№ 19, отъ 16-го
Сентября.

«Совершеннѣйшее «Малое число жите-
«безначаліе царство- «лей, оставшихся въ го-
«вало въ городѣ; пья- «родѣ, сидѣли запер-
«ные колодники бѣ- «шихся дома, удержан-
«гали по улицамъ и «ные страхомъ и не-
«бросали огонь по- «извѣстностію. Если во
«всюду. «время вшествія Напо-

«леона въ Москву, ко-
«лодники бросали уже
«огонь, то для чего ихъ
«не остановили?»

«Губернаторъ Ро- «Всѣ эти люди уѣха-
«стоцкинъ велѣлъ «ли сами по себѣ преж-
«выслать всѣхъ куп- «де нѣсколькими днями.
«цовъ и торгующихъ, «Впрочемъ, какой поря-

«посредствомъ ко- «докъ могли восстано-
«торыхъ можно бы «вить купцы въ главной
«было возстановить «квартирѣ и во всей
«порядокъ. «арміи?»

«Болѣе четырехъ «Ни одинъ.»
«согъ Французовъ и
«Нѣмцовъ задержа-
«ны по его прика-
«нію.

«Наконецъ, онъ «Я о томъ уже гово-
«велъ выслать по- «рилъ: девяносто шесть
«жарную команду и «трубъ со всей прислу-
«гою и запряжкой были
«отосланы во внутрен-
«ность Имперіи.

«Тридцать тысячъ «Отъ шестнадцати до
«раненыхъ или боль- «семнадцати тысячъ бы-
«ныхъ Русскихъ на- «ли отправлены на че-
«ходятся въ гошпи- «тырехъ тысячахъ под-
«таляхъ, оставлен- «водахъ на канунѣ за-
«ные безъ помощи «нятія Москвы въ Ко-
«и пиши. «ломну, откуда они по-

«плыли Окою на боль-
«шихъ крытыхъ бар-
«кахъ въ Рязанскую Гу-
«бернію, гдѣ были уч-
«реждены Гошпитали.
«Двѣ тысячи раненыхъ
«оставалось въ Москвѣ.

«Русскіе потеряли «Мы потеряли толь-
«пятьдесятъ ты- «ко убитыми и ране-
«сячь человѣкъ въ «ными отъ тридцати пя-
«сраженіи при Мо- «ти до тридцати шести
«сквѣ рѣкѣ (battail- «тысячь человѣкъ, ты-
«le de la Moskowa). «сячу семь сотъ трид-
«Число убитыхъ и «цать два офицера и
«раненныхъ Гене- «осьмнадцать Генера-
«раловъ, подня- «ловъ. Наполеонъ потѣ-
«тыхъ на мѣстѣ сра- «рялъ убитыми и ране-
«женія, простирает- «ными болѣе пятидеся-
«ся до сорока пяти, «ти тысячь человѣкъ,
«или пятидесяти. «тысячу двѣсти офице-
«ровъ и сорокъ девять
«Генераловъ. Мнѣ до-
«стались всѣ ранорты
«отъ одного Офицера,

« которому они были пре-
« поручены, и кои нахо-
« дились въ канцеляріи
« Князя Невшательскаго.
« Этотъ Офицеръ, ране-
« ный въ сраженіи при
« Бородинѣ, находился
« въ Голицынской боль-
« ницѣ.

20 Бюллетень,

17 Сентября.

« Нашли въ домѣ « Всѣ эти бумаги, по
« этаго негоднаго Ро- « большой части ничего
« стопчина (misera- « незначущія, были от-
« le Rostopschine) нѣ- « биты козаками, и не
« которыя бумаги и « стоили труда быть ко
« одно письмо недо- « миѣ опять доставлен-
« конченное. « ными. Я не былъ за-
« хваченъ въ распахъ,
« еще менѣе удивленъ
« вшествіемъ непріятеля,
« а потому и имѣлъ бы
« время окончить пись-

«мо. Я выѣхалъ не то-
«ропясь верхомъ чрезъ
«Серпуховскую заста-
«ву, и не прежде оста-
«вилъ городской валъ,
«какъ увѣдомили меня,
«что Французской аван-
«гардъ вошелъ уже въ
«городъ.

«16 Числа возъ «Такимъ образомъ сіи
«сталъ жестокой «отъ трехъ до четы-
«вихрь; отъ трехъ «рехъ сотъ мошенни-
«до четырехъ сотъ «ковъ, въ ожиданіи же-
«мошенниковъ бро- «стокаго вихря, оста-
«сили огонь по го- «вались четыре дни по-
«роду въ пяти стахъ «среди Французской ар-
«мѣстахъ въ одинъ «міи. Надобно, чтобъ
«разъ по приказанію «они были весьма ис-
«Губернатора Ро- «кусны, чтобы бросить
«стопчина. «огонь въ пяти стахъ
«мѣстахъ въ одинъ разъ,
«будучи только въ чи-
«слѣ отъ трехъ до че-
«тырехъ сотъ человѣкъ.

«Чтожь касается до моего имени, то оно служитъ припѣвомъ къ пожару, какъ припѣвъ Марльборуга въ пѣсни.

«Церквей, ихъ было тысячу шесть сотъ. «Ихъ было не болѣе двухъ сотъ шестидесяти семи.

«Эта потеря не- «По изчисленію, сдѣ-
«исчислима для Рос- «ланному Коммиссіей,
«сіи; если оцѣнить «убытки, произведенные
«то въ нѣсколько «пожаромъ и войною,
«тысячъ милліоновъ, «какъ въ самомъ горо-
«то еще не велика «дѣ, такъ и въ Мо-
«будетъ оцѣнка. «сковской Губерніи, не
«превышали 321 милліо-
«на рублей; такимъ об-
«разомъ, это еще слиш-
«комъ далеко отъ нѣ-
«сколькихъ тысячь мил-
«ліоновъ.

«Тридцать тысячь «Я уже сказалъ, что
«Русскихъ ране- «ихъ не болѣе было

«ныхъ и большихъ «двухъ тысячъ, и два
«сгорѣли. «гошпиталя, въ кото-
«рыхъ они находились,
«также не сгорѣли.

«И привели двѣ- «По возвращеніи мо-
«сти тысячъ чест- «емъ въ Москву, послѣ
«ныхъ жителей въ «выхода неприятеля, я
«бѣдность; это зло- «нашелъ въ ней отъ ты-
«дѣяніе Ростовчина, «сячи двѣсти до тыся-
«исполненное пре- «чи пяти сотъ чело-
«ступниками, осво- «вѣкъ изъ бѣднаго со-
«божденными изъ «стоянія народа въ ве-
«тюремъ. «личайшей нуждѣ: они
«были помѣщены по
«квартирамъ, одѣты и
«кормлены въ продол-
«женіе цѣлаго года на
«счетъ Казны. Чтожъ
«касается до преступ-
«никовъ, употреблен-
«ныхъ для зажигатель-
«ства, какъ говоритъ
«бюллетень, то они на-
«ходились тогда по край-

«ней мѣрѣ на разстояніи
«пятидесяти миль отъ
«Москвы, оставивши ее
«за четыре дни прежде
«того.

«Солдаты нахо- «Такъ; но мѣка при-
«дили и находятъ «возятся по первому
«множество шубъ и «зимнему пути, оста-
«мѣховъ для зимы. «валось же ихъ очень
«Москва магазинъ «мало: ибо ополчение
«оныхъ.

«Московское, Тверское,
«Ярославское и Влади-
«мирское купило оныхъ
«на семьдесятъ одну ты-
«сячу рублей.

*21-й Бюллетень,
20 Сентября.*

«Триста зажига- «Такимъ образомъ,
«телей были схваче- «это ошибка въ двухъ
«ны и разстрѣляны. «стахъ осемидесяти се-

«ми человекъхъ; ибо я
«уже сказалъ, что ихъ
«разстрѣляно было толь-
«ко тринадцать.

« Прекрасный Дворец Екатерины ;
« вновь меблирован-
« ный.

« Онъ никогда не былъ
« меблированъ : постро-
« енный на концѣ горо-
« да, онъ обращенъ былъ
« во время Императора
« Павла въ казармы, а
« я помѣстилъ въ немъ
« госпиталь для ранен-
« ныхъ.

« Въ то время, какъ
« Рестоичиъ выво-
« зилъ пожарныя тру-
« бы изъ города, онъ
« оставлялъ шестьде-
« сять тысячъ ружей,
« сто пятьдесятъ пу-
« шекъ и одинъ мил-
« lionъ пятьсотъ пат-
« роновъ и проч.

« Тысяча шестьсотъ по-
« чиненныхъ ружей въ
« Арсеналѣ были отда-
« ны Московскому опол-
« ченію; чтожь касается
« до пушекъ, то ихъ бы-
« ло девяносто четыре
« шести - фунтоваго ка-
« либра съ лафетами и
« пороховыми ящиками.
« Онѣ были отправлены
« въ Нижний - Новгородъ
« до входа непріятеля въ
« Москву, который на-
« шелъ въ Арсеналѣ толь-

«ко шесть разорванныхъ
«пушекъ безъ лафетовъ
«и двѣ огромнѣйшія га-
«убицы. Поелику На-
«полеонъ принужденъ
«былъ самъ оставить въ
«Кремлѣ болѣе тысячи
«повозокъ разнаго раз-
«бора, то и не могъ онъ
«увезти Русскихъ пу-
«шекъ, и мы бы нашли
«нихъ на прежнемъ мѣ-
«стѣ. Большая часть сей
«артиллеріи была въ по-
«ходѣ 1813 года съ о-
«полченіемъ, устроен-
«нымъ Генераломъ Гра-
«фомъ Толстымъ; оста-
«вался одинъ только по-
«роховой магазинъ, тотъ
«самой, въ которомъ дѣ-
«лали патроны для Рус-
«ской арміи, даже въ
«последнюю ночь пере-
«хода ея чрезъ Москву.

«Онъ сожженъ не по та-
«кой неосторожности, по
«какой сожженъ слиш-
«комъ рано мостъ въ
«Лейпцигъ.

«Пожаръ сей Сто-
«лицы отталкиваетъ
«Россію цѣлымъ вѣ-
«комъ назадъ.

«Столица вновь вы-
«строилась, — доказа-
«тельство, что ея жите-
«ли не разорились. Она
«заключаетъ въ себѣ
«столько же жителей,
«какъ и прежде пожара,
«съ тою только разни-
«цей, что все выстроено
«изъ камня. Великолѣп-
«ные Дворцы, улицы
«совершенно новыя и
«превосходныя публич-
«ныя площади дѣлаютъ
«ее прекраснѣйшимъ го-
«родомъ въ Европѣ, бла-
«годаря попеченію и оте-
«ческимъ заботамъ ИМ-
«ПЕРАТОРА АЛЕК-

«САНДРА; и Россія ,
«вмѣсто того, чтобъ от-
«стать цѣлымъ вѣкомъ
«назадъ, узнала свои си-
«лы, свое богатство и
«чрезвычайныя свои по-
«собія.

«Въ Кремлѣ на- «Украшенія, употреб-
«шли многія укра- «ляемыя при коронава-
«шенія, употребляе- «ніи и которыя соста-
«мыя при коронава- «вляютъ часть сокро-
«ніи ИМПЕРАТО- «вищъ , равномѣрно и
«РОВЪ, и всѣ знаме- «Патріаршескія , цѣни-
«на, взятыя у Тур- «мыя въ 21 милліонъ
«ковъ въ продолже- «рублей, были отправ-
«ніе цѣлаго столѣ- «лены прежде непріате-
«тія. «ля въ Нижній - Новго-
«родъ и въ Вологду.
«Чтожъ касается до зна-
«менъ, взятыхъ во вре-
«мя войнъ у враговъ
«Россіи, то онѣ всѣ на-
«ходятся въ Петербург-
«скомъ Арсеналѣ.

23-й Бюллетень,

9 Октября.

« Нашли икону , « Обыкновенно въ Рос-
« украшенную брил- « сіи украшаютъ драго-
« льянтами, ее ото- « цѣнными каменьями
« слали также въ Па- « иконы, содержимыя въ
« рижь. « особенномъ почитаніи.

« Кажется, что сей тро-
« феи не достигъ до
« Франціи , равномѣрно
« какъ и тотъ огромный
« крестъ, который нахо-
« дился на высокой ко-
« локольнѣ, называемой
« *Иванъ Великій*. Онъ
« былъ желѣзной позо-
« лоченный; но Нѣмец-
« кій путешественникъ ,
« Адамъ Олеарій, быв-
« шій въ Москвѣ во вре-
« мя Царя Алексѣя Ми-
« хайловича , сказывалъ
« (не знаю почему), что
« сей крестъ былъ весь

«изъ серебра позолочен-
«ный. Такимъ образомъ,
«какъ лишь только уви-
«дѣли, что онъ былъ
«железный, то и оста-
«вили его.

«Кажется, что Ра- «Не знаю, по чему На-
«стопчинъ сошелъ съ «полеонъ дѣлаетъ меня
«ума. «сумасшедшимъ.

«Въ Вороновѣ онъ «Я зажегъ мой замокъ.
«зажегъ свой замокъ. «по той самой причинѣ,
«которую объявилъ въ
«надписи, приклеенной
«къ церковной двери, и
«сдѣлалъ это единствен-
«но для предупрежденія
«приказанія, даннаго од-
«ному Офицеру, послан-
«ному въ Вороново, ко-
«торый нашелъ одинъ
«только пепель. Онъ раз-
«сказалъ это одному Рус-
«скому Полковнику, под-

«нявшему его во время
«ретирады по переходѣ
«чрезъ Березину. Напо-
«леонъ любилъ жечь ;
«доказательствомъ тому
«служить приказъ, дан-
«ный Маршалу Мортье,
«чтобы позаботиться за-
«жечь оба мои дома въ
«Москвѣ (Expedition de
«Russie, tome II, page
«244). Тотъ, который на-
«ходится близъ заставы,
«былъ сожженъ, но Мо-
«сковскій остался цѣль;
«ибо на другой день по
«выходѣ большой арміи,
«Москва была уже на-
«полнена казаками и во-
«оруженными поселяна-
«ми, пробѣгающими по
«всѣмъ ея улицамъ.

«Русская армія от- «Русская армія была
«рекается отъ Мо- «увѣрена, что Москва

«сковскаго пожара; «сожжена непріятелемъ,
«производители сего «и не могла считать ме-
«покушенія ненави- «ня заодно съ Мара-
«димы въ Россіи. «томъ, не вѣдая даже
«Ростопчаина счита- «существовала ли эта
«ютъ за одно съ Ма- «великая особа револю-
«ратомъ. Онъ могъ «ціи. Мнѣ не нужны
«утѣшиться въ бе- «были утѣшенія; я стра-
«сѣдѣ съ Англій- «далъ о потеряхъ мо-
«скимъ Коммисса- «ихъ соотечественни-
«ромъ Вильсономъ. «ковъ, не думая нимало
«о своихъ собственныхъ,
«и только въ главной
«квартирѣ встрѣтилъ
«Г-на Вильсона.

«Большаго стои- «Никакого не стоило
«ло труда вытащить «труда вытаскивать изъ
«изъ загорѣвшихся «Гошпитадей раненыхъ
«домовъ и Гошпи- «и больныхъ: они оста-
«талей нѣкоторую «вались умереть съ го-
«часть больныхъ «лода; ибо раненые и
«Русскихъ; оста- «больные Наполеоновой
«лось еще четыре «арміи сами голодали.
«тысячи сихъ не- «Я нашелъ изъ нихъ ты-

«счастливыхъ. Число «сячу триста шестьде-
«погибшихъ во вре- «сятъ живыхъ, собран-
«мя пожара чрезвы- «ныхъ въ Шереметев-
«чайно значительно. «ской больницѣ и ослаб-
«шихъ отъ недостатка
«въ пищѣ; большаго сто-
«ило труда спасти и вы-
«лѣчить изъ нихъ по-
«ловину.

*26-й Бюллетень,
23 Октября.*

«Жители, состоя- «Такъ какъ нечего бы-
«щие изъ двухъ сотъ «ло ѣсть, то солдаты На-
«тысячъ душъ, блу- «полеоновой арміи ша-
«ждая по лѣсамъ, «тались по деревнямъ
«умирая съ голода, «для снисканія, чѣмъ
«приходятъ на раз- «утолить свой голодь. И
«ваины искать ка- «такъ надлежало, чтобъ
«кихъ нибудь остат- «ѣти двѣсти тысячъ Рус-
«ковъ и садовыхъ «скихъ людей могли су-
«овощей для своего «ществовать болѣе мѣ-
«пропитанія. «сяца безъ всякой пи-
«щи.

«Императоръ при- «Одна колоколья ,
«казалъ сдѣлатьпод- «два мѣста въ стѣнахъ,
«копы подъ Кремль. «двѣ башни и четвертая
«Герцогъ Тревизскій «часть Арсенала были
«велѣлъ оный взор- «взорваны. Царской Дво-
«вать 23 числа въ «рець остался невре-
«два часа утра. Все «димъ, даже огонь не
«было разрушено : «могъ въ него проник-
«древняя крѣпость, «нуть. Починки стоили
«первый Дворецъ «всего навсе 500,000 ты-
«Царей были....» «сячь рублей. Кремль
«существуетъ съ дре-
«ними своими воспоми-
«наніями, и еще съ но-
«вымъ , которое Напо-
«леонъ оставилъ, ока-
«зывая гнѣвъ свой надъ
«кирпичами при проща-
«ніи съ Москвою.»

Наполеонъ былъ ослѣпленъ предшеству-
ющими своими успѣхами; онъ думалъ, что
Россія будетъ покорена вся , какъ лишь
только сдѣлается онъ обладателемъ Столицы,

и что **ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ** предложитъ ему миръ.

Но, со всѣмъ гениемъ, которой имѣлъ до 1812 года, онъ сугубо обманулся, и увидѣлъ всѣ свои предпріятія уничтоженными. Онъ не зналъ твердости Русскаго **ИМПЕРАТОРА** и не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о Русскомъ чело^вѣкѣ, который показалъ себя въ сію эпоху во всемъ своемъ блескѣ. Надлежало быть великой опасности, чтобъ сей послѣдній раскрылъ великій свой характеръ. Неразуміе нашего языка причиною тому, что иностранцы знаютъ изъ всего Русскаго народа одну только его одежду и его видъ. Борода была въ презрѣніи, и считали за дикихъ носившихъ оную; но народъ Русскій доказалъ, что онъ выше многихъ другихъ народовъ, будучи непричастенъ страха и неспособенъ къ измѣнѣ; онъ имѣетъ въ моральной своей энергіи и въ физической силѣ увѣренность въ успѣхѣ. Онъ совсѣмъ не знаетъ ни препятствій, ни опасности; онъ говоритъ: *все возможно; для чегожъ не такъ? дважды не умираютъ*, и съ сими словами онъ предпринимаетъ все, падаетъ, или успѣваетъ.

Часто онъ дѣлается героемъ, совѣмъ не думая о томъ, и нимало не тщеславясь своими дѣлами.

Когда расточаютъ ему похвалы, то онъ отвѣчаетъ вамъ: *Богъ мнѣ помогъ. Это не диво; я такой же человекъ, какъ и всякой другой.*

Въ 1812 году ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ сказалъ: *умереть сражаясь?* Русскіе отвѣчали ему: *мы готовы.* Нѣтъ никакой нужды возбуждать ихъ обѣщаніями и наградами, только стоитъ сказать *пойдемъ*, — и они вамъ послѣдуютъ. Жители Москвы были раздражены первые, узнавши еще до взятія Смоленска, что ничего не было пощажено непріателемъ, что дома были разграблены, женщины поруганы, храмы Божіи обращены въ конюшни. Они поклялись отмщеніемъ на гробахъ отцевъ своихъ, и истребили все, что могли. Болѣе десяти тысячъ вооруженныхъ солдатъ побито крестьянами въ окрестностяхъ Москвы; сколько еще мародѣровъ и людей безоружныхъ пало подъ ихъ ударами! Они зажигали свои дома для погубленія солдатъ, запершихся въ оныхъ.

По возвращеніи моемъ въ Москву я видѣлъ многихъ крестьянъ, даже изъ за полтора ста миль прибывшихъ, на хорошихъ лошадяхъ, вооруженныхъ каждою саблею и копьемъ, и которые вмѣстѣ съ крестьянами Московской Губерніи сражались противъ непріятеля. Вмѣсто всякаго отвѣта на вопросъ мой, они отвѣчали: *наши были въ бѣдѣ.* Всѣмъ извѣстна исторія Смоленскаго крестьянина, замѣченнаго на рукѣ, чтобы быть признаннымъ, который отрубилъ ее однимъ ударомъ топора. Одна старая женщина изъ подмосковной деревни привела ко мнѣ двухъ своихъ внуковъ для отправленія ихъ въ армию, и положила имъ руки на голову, съ глазами, возведенными къ небу, произнесла сіи слова: *Ступайте, друзья мои! возвратитесь ко мнѣ тогда только, когда не будетъ непріятеля на землѣ Русской; въ противномъ случаѣ, проклятіе мое васъ ожидаетъ.*

Одинъ солдатъ, изувѣченный въ Италіанскую войну и возвратившійся въ свою деревню, приказывалъ привязывать себя къ сѣдлу своей лошади, чтобъ предводительствовать крестьянами въ сраженіяхъ. Одинъ

молодой крестьянинъ, взятый своимъ Господиномъ въ Москву, потерялъ аппетитъ и сонъ по взятіи Смоленска; онъ просилъ позволенія сражаться съ непріателемъ. Я отослалъ его въ армію, и онъ погибъ въ сраженіи при Бородинѣ. Храбрость Русскаго солдата слишкомъ уже извѣстна, чтобъ прибѣгать къ похваламъ: его ненужно возбуждать повышеніями или пенсіонами; онъ повинуется и сражается, нимало не заботясь, представляютъ ли его въ сраженіяхъ бюллетени, біографіи, литографіи и куплеты на подобіе грома, лавины или головы Медузы разящимъ, повергающимъ, разметающимъ и въ камень претворяющимъ при своемъ появленіи.

Наконецъ, въ сей краткой, но жестокой борьбѣ Россіи противъ цѣлой матерой земли Европы, имѣющей Наполеона своимъ предводителемъ, всѣ Русскіе наперерывъ одинъ передъ другимъ старались оказать свою преданность и вѣрность. Московское Дворянство предложило **ИМПЕРАТОРУ** отъ девяти десятиаго человекъ съ провіантомъ на три мѣсяца, что составило тридцать двѣ тысячи

человѣкъ, Губерніи Тульская, Калужская, Владимірская и Рязанская каждая по пятнадцати тысячъ человѣкъ, а Тверская и Ярославская по двѣнадцати тысячъ, всего сто шестнадцать тысячъ. Я тотъ самый, которому препоручено было ИМПЕРАТОРОМЪ устроить этѣ арміи, и шесть недѣль спустя послѣ Указа, онѣ уже находились каждая на границѣ своей Губерніи. Видѣли единокровныхъ дѣтей Генерала Апраксина, Графа Строгонова и моего, изъ которыхъ старшему едва было семнадцать лѣтъ, находящимся на службѣ въ продолженіе сей войны. Сынъ Графа Строгонова, молодой человѣкъ, подававшій о себѣ великую надежду, былъ убитъ пушечнымъ ядромъ въ Краонскомъ дѣлѣ. Владѣльцы, потерявшіе наиболѣе при вторженіи непріятеля въ Москву, даже не представили отъ себя свѣдѣнія въ Коммиссію вспоможенія; и нимало не подвержено сомнѣнію, что оба Графа Разумовскіе, Генералъ Апраксинъ, Графъ Бутурлинъ и я, мы потеряли, какъ въ городскихъ и сельскихъ домахъ, такъ и въ движимости, болѣе нежели на пять милліоновъ рублей. Изъ библіотеки Графа Бутурлина, которую цѣнили въ миліонъ рублей, не осталось ни одного тома.

Воспоминаніе о сихъ потеряхъ перейдетъ по наслѣдству къ дѣтямъ.

Таковъ былъ 1812 годъ! Хотя Россія сдѣлала большія потери въ людяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ приобрѣла увѣренность, что никогда не можетъ быть покорена, и скорѣе будетъ гробомъ для враговъ, чѣмъ послужитъ завоеваніемъ. Ея обитатели, слишкомъ мало образованные для эгоистовъ, будутъ умѣть защищать свое Отечество, нимаю не тщеславясь своею храбростію. Наполеонъ, въ семь походъ, успѣхъ котораго сдѣлалъ бы его обладателемъ всей Европы, пожертвовалъ отборными воинами союзныхъ армій и храбрыми Французами, сражавшимися въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ для честолюбія того, котораго вознесли они даже на тронъ. Триста тысячъ пало въ сраженіяхъ, отъ переходовъ и болѣзней, и сто тысячъ погибло отъ голода, стужи и недостатка.

Я сказалъ правду, и одну только правду.

Графъ Эддоръ Ростопчинъ.

Парижъ, 5 Марта 1823.

LA VÉRITÉ
SUR
L'INCENDIE DE MOSCOU;
PAR LE COMTE RTOSOPCHINE.

Dix ans se sont écoulés depuis l'incendie de Moscou, et je suis toujours désigné à l'histoire et à la postérité comme l'auteur d'un événement qui, d'après l'opinion reçue, avait été la principale cause de la destruction de l'armée de Napoléon, de sa chute, du salut de la Russie et de la délivrance de l'Europe. Certes il y avait de quoi s'enorgueillir d'aussi beaux titres; mais n'ayant jamais usurpé les droits de personne, et ennuyé d'entendre débiter la même fable, je vais faire parler la vérité, qui seule doit dicter l'histoire.

Lorsque l'incendie détruisit en trois jours les six-huitièmes des maisons de Moscou, Napoléon sentit toute l'importance de cet événement, et prévint l'effet qu'il produirait sur la nation russe, autorisée à lui attribuer ce désastre à cause de sa

présence et de celle de cent trente mille soldats à ses ordres. Il crut trouver un moyen sûr de détourner de sa personne tout l'odieux de cet acte aux yeux des Russes et de l'Europe, et de le faire retomber sur le chef du gouvernement russe à Moscou. Alors les bulletins de Napoléon me proclamèrent aussitôt incendiaire. Les journaux, les pamphlets de ce temps répétèrent à l'envi cette accusation, et autorisèrent tous ceux qui écrivirent depuis sur la campagne de 1812, de présenter comme authentique un fait entièrement faux.

Je vais récapituler les principales preuves qui ont fondé l'opinion que l'incendie de Moscou était mon ouvrage. J'y répondrai par des faits connus de tous les Russes. On aurait tort de ne pas y ajouter foi, puisque je renonce au plus beau rôle de l'époque, et que je fais crouler moi-même l'édifice de ma célébrité.

1°. *Napoléon, dans ses bulletins, 19, 20, 21, 22, 23 et 24, dit affirmativement que l'incendie de Moscou avait été conçu et préparé par le gouverneur Rostopchine.*

Pour concevoir et exécuter un projet aussi horrible que celui d'incendier la capitale de l'empire, il fallait un motif encore plus puissant que

la certitude des maux qui en résulteraient pour l'ennemi. Quoique les six - huitièmes de la ville aient été consumés par le feu, il restait encore assez de bâtimens pour loger toute l'armée de Napoléon. Il était hors de toute probabilité que l'incendie se communiquerait à tous les quartiers; et, tant qu'il n'y aurait pas eu de vent violent, le feu se serait arrêté faute d'alimens, à cause des jardins, des espaces et des boulevarts. Ainsi, la destruction des provisions de bouche, amassées dans les maisons que la flamme aurait dévorées, eût été le seul mal réel fait à l'ennemi, et le triste fruit d'une mesure aussi atroce qu'insensée.

Mais les provisions restées dans les maisons se bornaient à peu de chose, car Moscou s'approvisionne par le traînage et la navigation du printemps jusqu'au mois de septembre, et après par les bateaux jusqu'à l'hiver; mais la guerre ayant commencé au mois de juin, et l'ennemi étant déjà maître de Smolensk, au commencement d'août tout transport s'arrêta, et on ne s'occupa plus à faire venir des provisions dans une ville sans défense et menacée d'invasion. Plus tard la plus grande partie de la farine qui se trouvait dans les magasins du gouvernement, et dans ceux des marchands de blé, fut convertie en pain et en biscuit, et pendant les treize jours qui précédè-

rent l'entrée de Napoléon à Moscou, six cents chariots, chargés de biscuit, de gruau, et d'avoine, partaient chaque matin pour l'armée. Ainsi le motif même de priver l'ennemi de vivres ne pouvait pas exister. Une considération plus importante encore aurait arrêté l'exécution du projet de l'incendie (si toutefois il eût été décidé); c'est de porter Napoléon à forcer le prince Koutousov à une bataille à sa sortie de Moscou, bataille dont les chances étaient en faveur de l'armée française, qui avait plus du double de combattans que l'armée russe, embarrassée de blessés, et d'une partie de la population de Moscou, qu'elle venait de quitter.

2°. *Les matières combustibles préparées par un Schmidt, chargé de confectionner un ballon.*

L'incendie n'ayant jamais été organisé ni préparé, les matières combustibles de Schmidt rentrent dans le néant. Cet homme, qui prétendait avoir trouvé le moyen de diriger les ballons, s'occupait à en construire un, et par esprit de charlatanerie il exigeait le secret sur son travail. On a donné trop d'importance à l'histoire de ce ballon pour jeter du ridicule sur les Russes; mais les Jocrisses sont rares parmi eux, et on n'aurait jamais persuadé à un habitant de Moscou que ce Schmidt détruirait l'armée française avec un bal-

lon, pareil à celui dont les Français se sont servis à la bataille de Fleurus. Et qu'avait-on besoin d'établir une fabrique de matières combustibles? La paille et le foin auraient été plus à portée des incendiaires que les feux d'artifice qui exigent des précautions, et qui sont aussi difficiles à cacher qu'à manier pour des gens qui n'en ont pas l'habitude.

3°. *Les pétards trouvés dans les poêles de mon hôtel, à Moscou.*

Pourquoi aurais-je fait placer des pétards dans mon hôtel? En voulant chauffer les poêles, on les aurait découverts, et même en cas d'explosion il y aurait eu quelques victimes et pas d'incendie.

Un médecin français, qui avait été logé dans mon hôtel, m'a dit que l'on avait trouvé dans un poêle quelques cartouches de fusil: si au bout de quelque temps elles sont devenues des pétards, il n'y a pas de raison pour que l'on ne dise après que c'étaient des globes de compression. Quant à moi, je laisse l'invention des pétards au bulletin, ou si réellement on a trouvé quelques cartouches dans les poêles de ma maison, elles ont pu être placées après mon départ, peut-être pour fournir une petite preuve de plus que j'avais le projet d'incendier Moscou; demême que les fusées que l'on prétend avoir trouvées sur les incendiaires, pou-

vaient être prises des établissemens particuliers, où on faisait des feux d'artifice pour les fêtes qui se donnaient à Moscou et dans la campagne.

4°. *Les aveux des incendiaires, pris, jugés et fusillés.*

Voici une preuve qu'on a présentée comme certaine et convaincante, car elle est revêtue d'un jugement, des aveux des condamnés et de l'exécution des incendiaires. Napoléon annonce, dans son vingtième bulletin, qu'on a pris, jugé et fusillé des chauffeurs; que tous ces malheureux avaient été pris sur le fait, munis de matières combustibles et mettant le feu par mon ordre.

Le vingtième bulletin annonce que c'étaient trois cents malfaiteurs qui avaient mis le feu en cinq cents endroits à la fois. Ce qui est matériellement impossible. Peut-on d'ailleurs supposer que j'eusse donné la liberté aux malfaiteurs, détenus dans les prisons, à condition d'incendier la ville, et que ces gens eussent exécuté mes ordres pendant mon absence, devant toute une armée ennemie? Mais je vais convaincre tous ceux qui se rendent à l'évidence, qu'il n'y a jamais eu de malfaiteurs employés.

A mesure que dans sa marche l'armée de Napoléon s'approchait d'une ville de gouvernement,

les gouverneurs civils vidaient les prisons et expédiaient les malfaiteurs pour Moscou, sous l'escorte de quelques soldats. Il arriva de là qu'à la fin du mois d'août, les prisons de Moscou renfermaient les prisonniers des gouvernemens de Witepsk, de Mohilow, de Minsk et de Smolensk. Leur nombre, compris ceux du gouvernement de Moscou, montait à huit cent dix individus, qui, sous l'escorte d'un bataillon pris dans un régiment de garnison, furent envoyés à Nigeni-Novgorod, deux jours avant l'entrée de l'ennemi à Moscou. Ils arrivèrent au lieu de leur destination; et, au commencement de l'année 1813, le sénat, pour éviter l'inconvénient de renvoyer tous ces accusés dans leurs gouvernemens respectifs, donna ordre aux tribunaux civils de Nigeni-Novgorod, de faire et de finir leurs procès.

Mais le procès fait aux incendiaires, qui fut imprimé (et dont j'ai encore un exemplaire), annonce qu'on avait fait comparaître trente individus, dont chacun est nommé, entre lesquels treize, étant convenus avoir mis le feu à la ville par mon ordre, furent condamnés à mort. Cependant, selon les vingtième et vingt-unième bulletins, on en a fusillé d'abord cent, et après encore trois cents. A mon retour de Moscou, j'ai trouvé et parlé avec trois des malheureux du nombre des trente désig-

nés dans le procès: l'un était domestique d'un prince Sibirsky, et qui avait été laissé dans sa maison; l'autre, un vieux balayeur du Kreml; le troisième, un garde-magasin.

Tous les trois, questionnés séparément, m'ont dit la même chose en 1812 et deux ans après, c'est-à-dire qu'ils furent arrêtés les premiers jours de septembre (vieux style), l'un pendant la nuit dans la rue, les deux autres au Kreml, en plein jour. Ils restèrent quelque temps au corps-de-garde, dans le Kreml même; ensuite un matin, on les conduisit avec dix autres Russes aux casernes du quartier qui se nomme le Champ-des-Demoiselles. On leur adjoignit dix-sept autres individus; et, ils furent amenés sous une forte escorte, devant le couvent de Pétrovsky, qui est sur le boulevard. Là ils attendirent à peu près une heure, après quoi beaucoup d'officiers arrivèrent à cheval, et mirent pied à terre. On rangea les trente Russes sur une ligne, et après en avoir compté treize par la droite, on les plaça contre le mur du couvent, et on les fusilla. Leurs corps furent attachés aux réverbères, avec un écriteau qui annonçait, en russe et en français, que c'étaient des incendiaires. Les autres dix-sept s'en allèrent, et ils ne furent point inquiétés depuis.

Le récit de ces gens (s'il est vrai) ferait croire

que personne ne les a interrogés, et que les treize ont été fusillés par ordre suprême.

5°. *Les aveux d'un homme se disant soldat de la police, trouvé dans les caves du Kreml, est mis en pièces par les soldats de la garde de Napoléon.*

Ce malheureux soldat de la police, ou qui prétendait l'être, trouvé dans une cave, avait pu dire qu'il était resté par ordre de son chef; cependant, quel était ce chef, était-ce moi? Un maître de police? un officier? un sergent? De quelle commission était-il chargé? Mais pour celui-là on ne lui fit pas l'honneur de s'en occuper. Il fut massacré par les soldats de la garde.

6°. *Les pompes enlevées.*

J'ai fait partir deux mille cent pompiers et quatre-vingt-seize pompes (car il y en avait trois pour chaque quartier) la veille de l'entrée de l'ennemi à Moscou. Il y avait un corps d'officiers attaché au service des pompes, et je n'ai pas jugé convenable de le laisser au service de Napoléon, ayant retiré de la ville toutes les autorités civiles et militaires.

Cependant il est tout naturel que l'on veuille savoir au juste qui a mis le feu, et produit l'incendie de Moscou? Or, voici les détails que je peux donner sur cet événement, que Napoléon rejetet

sur moi, que les Russes rejettent sur Napoléon, et que je ne puis attribuer ni aux Russes, ni aux ennemis exclusivement. La moitié de la population russe restée à Moscou était composée de gens sans aveu, et il se peut très-bien qu'ils s'occupèrent à propager les incendies pour mieux piller dans le désordre. Mais cela ne serait pas encore une preuve convaincante qu'il y avait un plan arrêté de brûler la ville, et que ce plan et son exécution fussent mon ouvrage.

Le trait principal du caractère russe est le désintéressement, et la tendance à détruire plutôt que de céder, en terminant le débat par ces mots: *Cela ne sera donc pour personne.* Dans les conversations fréquentes que j'ai eues avec les marchands, les artisans et les gens du peuple, je leur entendais dire souvent, lorsqu'ils exprimaient avec douleur leur crainte que Moscou ne tombât entre les mains de l'ennemi: *Il vaut mieux la brûler.* Pendant mon séjour au quartier général du prince Koutouzow, j'ai vu plusieurs personnes échappées de Moscou après l'incendie, se vanter d'avoir mis le feu à leurs maisons. Voici les détails que j'ai recueillis à mon retour; je les présente ici tels qu'ils me sont parvenus. Je n'en ai pas été témoin oculaire; car j'étais absent.

Il y a dans la ville de Moscou une rue entière

occupée par des charrons et des magasins de voitures. Lorsque l'armée de Napoléon arriva, plusieurs généraux et officiers se rendirent dans ce quartier, et, après en avoir visité les établissements, ils choisirent les voitures et écrivirent leurs noms sur les panneaux. Les propriétaires, d'un commun accord, ne voulant pas fournir de voitures à l'ennemi, mirent la nuit le feu aux magasins.

Un marchand, émigré avec sa famille à Jaroslave, laissa son neveu pour avoir soin de sa maison. Celui-ci, après le retour de la police à Moscou, vint lui déclarer qu'il y avait dix-sept corps étouffés dans la cave de son oncle; et voici comment il rendit compte de cet événement. Le lendemain de l'entrée de l'ennemi dans la ville, quatre soldats se présentèrent chez lui, examinèrent la maison, où, n'ayant rien trouvé à emporter, ils descendirent dans la cave, qui occupait le rez-de-chaussée, y trouvèrent une centaine de bouteilles de vin; et, après avoir fait entendre par signe au neveu du marchand d'en avoir soin, ils revinrent dans la soirée, accompagnés de treize autres soldats, firent allumer des chandelles, descendirent dans la cave, s'y mirent à boire, à chanter et ensuite à ronfler. Le jeune marchand russe, les voyant plongés dans le sommeil de l'ivresse, conçut

l'idée de les faire mourir. Il ferma la cave, l'encombra de pierres et s'enfuit dans la rue: au bout de quelques heures ayant fait réflexion que ces dix-sept hommes pouvaient s'échapper, le rencontrer et le faire périr, il se décida à mettre le feu à la maison, ce qu'il exécuta en allumant de la paille.

Il est probable que ces dix-sept malheureux furent étouffés par la fumée. Deux hommes, l'un portier de M. Mauraviève, et l'autre marchand propriétaire, furent pris sur le fait en mettant le feu à leur maison, et fusillés.

D'un autre côté, Moscou ayant été le but et le terme de l'expédition de Napoléon en Russie, le pillage de cette ville avait été promis à l'armée. Après Smolensk, le soldat manquait de vivres et se nourrissait quelquefois de grains de seigle et de la chair de chevaux. Il est naturel que ces troupes, arrivant dans une ville immense abandonnée par les habitans, se répandissent dans les maisons pour y trouver à manger et à piller. Déjà la première nuit de l'occupation de Moscou, le grand corps de boutiques en face du Kreml, avait été en feu, ensuite et presque sans interruption, il y a eu des incendies dans plusieurs quartiers de la ville; mais le cinquième jour un vent violent porta la flamme partout, et en trois jours le feu dévo-

ra sept mille six cent trente-deux maisons. On ne pouvait s'attendre à beaucoup de précautions de la part des soldats qui, en visitant de nuit les maisons, s'éclairaient avec des bouts de chandelles, des torches et des fagots. Plusieurs même entretenaient au milieu des cours des bûchers allumés pour se chauffer. L'ordre du jour qui autorisait chaque régiment bivouaqué près de la ville à envoyer un nombre désigné de soldats pour piller les maisons déjà brûlées, était pour ainsi dire une invitation ou une permission d'en augmenter le nombre. Mais ce qui confirme le plus les Russes dans l'idée que Moscou a été incendié par les ennemis, c'est l'explosion bien inutile du Kreml.

Voilà ce que j'ai à dire sur le grand événement de l'incendie de Moscou, qui a paru d'autant plus sublime qu'il était sans exemple dans l'histoire.

Napoléon quitta pour trois jours le Kreml, et revint attendre la paix au milieu des cendres fumantes; mais son destin s'accomplissait, et le doigt de la Providence désigna Moscou pour être le commencement de sa chute, comme Sainte-Hélène la fin de sa carrière.

Maintenant je vais faire quelques observations sur un ouvrage nouvellement publié par M. M***, sous le titre de l'Expédition de Russie. J'y ai trouvé

beaucoup de vérité et d'impartialité, à l'exception de la partie historique de l'occupation de Moscou. Je ne dirai plus rien sur l'incendie, mais je relèverai quelques fautes de M. M*** sur plusieurs faits qu'il avance, en répétant les assertions de plusieurs écrivains qui se soucient peu d'être exacts. Ceci ne regarde pas les opérations militaires dont l'auteur a été témoin, et qu'il décrit en officier expérimenté. Sa critique est sage; il n'a pas métamorphosé l'histoire en roman, et ne ressemble en rien aux auteurs qui se plaisent à dire des sottises non-seulement en parlant des individus, mais des nations entières, comme l'auteur des fastes de la France qui appelle la nation russe, *le bétail à face humaine*; le Miroir, qui annonce que le Russe *brave la mort dans les combats par la crainte du knout*; les gazettes qui se plaisent à qualifier les armées russes de sauvages, de cosaques, et autres recueils de plates calomnies et de tissus de mensonges, comme les livres: *de la Russie et de l'Esclavage; du Désastre de Moscou*, etc. Pour ce qui me regarde personnellement, je ne finirais pas si je voulais rapporter toutes les platitudes qu'on a débitées sur mon compte: je suis tantôt d'une origine inconnue, tantôt d'une extraction commune, employé à de viles fonctions à la cour, bouffon de l'empereur Paul; destiné à l'état ecclésiastique, élève de

l'archevêque Platon, ayant fait mes études dans toutes les villes de l'Europe, gras et maigre, grand et petit, aimable et brutal. Nullement offensé des sottises que m'ont prodigué si libéralement les chiffonniers de l'histoire, je vais exposer ici mon état de service. Je fus officier des gardes, et gentilhomme de la chambre sous le règne de l'impératrice Catherine II; aide-de-camp général, ministre des affaires étrangères, et directeur général des postes sous le règne de l'empereur Paul I-er, grand chambellan et général commandant en chef de la ville et du gouvernement de Moscou sous l'empereur actuel. Quant à mon origine, au risque de mettre en colère tous ceux qui opinent sous le bonnet rouge, je leur dirai que le chef de notre famille, qui vint s'établir en Russie il y a plus de trois siècles, descendait en ligne directe d'un des fils de Gengis-Kan.

Dans l'ouvrage sur lequel je fais des observations, M. M^{***} me doue d'un caractère violent; le premier qui l'a dit à tout hasard (car d'autres l'ont répété ensuite), serait embarrassé de fournir les preuves de ce qu'il a avancé. Avant que de prononcer sur les actions et la conduite d'un homme en place, on doit, si on ne veut pas commettre d'injustice, faire attention au temps, aux lieux, aux circonstances, et se mettre bien au fait des

motifs qui font agir. Otez de mon administration de l'année 1812 la torche incendiaire dont Napoléon dans son intérêt arma ma main, on trouvera un plan dont je ne me suis pas écarté, et que j'ai exécuté avec calme et patience. Un autre à ma place aurait peut-être mis moins d'activité; mais il y avait trois motifs qui réchauffaient sans cesse mon zèle à cette époque désastreuse. C'était la gloire de mon pays, l'importance du poste qui m'était confié par mon souverain, et la reconnaissance pour les bienfaits de l'empereur Paul I-er. On était si occupé que l'on n'avait pas le temps de tomber malade, et je ne comprends pas comment j'ai pu résister à tant de fatigue. Depuis la prise de Smolensk jusqu'à ma sortie de Moscou, pendant vingt-trois jours, je n'ai pas dormi dans mon lit. Je me couchais tout habillé sur un canapé, continuellement réveillé pour lire les dépêches qui m'arrivaient de tous les côtés, pour causer avec les courriers et les expédier souvent sur-le-champ. J'ai acquis la certitude qu'il y a toujours moyen d'être utile à sa patrie lorsqu'on entend sa voix qui crie: Sacrifie-toi pour mon salut. Alors on méprise les dangers, on brave les obstacles, et on ferme les yeux sur l'avenir; mais, dès l'instant que l'on s'occupe de soi-même, et que

l'on commence à calculer, on ne fait rien qui vaille, et on rentre dans la classe vulgaire.

J'avais deux objets importans en vue, dont je faisais dépendre la destruction de l'armée française: c'était de maintenir la tranquillité à Moscou, et d'en faire partir les habitans. Je réussis au delà de mes espérances. Le calme se maintint jusqu'au moment de l'entrée de l'ennemi, et sur deux cent quarante mille habitans il ne resta que douze à quinze mille hommes qui étaient ou des bourgeois, ou des étrangers, ou des gens de la lie du peuple, mais personne de marque, soit de la noblesse, du clergé ou des marchands. Le sénat, les tribunaux, tous les employés avaient quitté la ville quelques jours avant l'occupation de l'ennemi. J'ai voulu ôter à Napoléon toute possibilité de former des relations, de communiquer de Moscou avec l'intérieur de l'empire, et de mettre en usage l'influence que le Français s'est acquis en Europe, par sa littérature, ses modes, sa cuisine et sa langue. Par ces moyens on aurait produit un rapprochement avec les Russes, on aurait obtenu de la confiance, et ensuite on aurait exigé des services; mais, au milieu des gens que l'on trouva à Moscou, la séduction fut sans effet comme au milieu de sourds et de muets.

La tranquillité troublée à Moscou pouvait pro-

duire de mauvaises impressions sur l'esprit des Russes, qui avaient tous les yeux fixés sur elle, et l'avaient prise pour guide et pour modèle. C'est de là que s'est répandu ce patriotisme ardent, ce besoin de sacrifices; cette ardeur guerrière et ce désir de vengeance contre l'ennemi qui avait l'audace de pénétrer si loin. A mesure que la nouvelle de l'occupation de Moscou parvenait dans les provinces, le peuple entraînait en fureur, et certes un tel événement devait paraître bien extraordinaire à une nation dont le sol n'avait pas été touché par l'ennemi depuis près d'un siècle, à compter de l'irruption de Charles XII, roi de Suède. Napoléon eut le même sort. Tous deux perdirent leur armée, tous deux furent fugitifs, l'un chez les Turcs, l'autre chez les Français.

Le petit écrit que j'ai publié en 1807 était destiné à prémunir les habitans des villes contre les Français habitant en Russie, qui essayaient de familiariser les esprits avec l'idée de succomber sous les armées de Napoléon. Je n'en disais pas de bien; mais nous étions en guerre et il était permis aux Russes de ne pas les aimer à cette époque. Mais la guerre finie, le Russe n'a gardé aucune rancune et revenait à la sympathie qui existe toujours entre deux braves nations. Il n'a pas conservé cette malveillance que les Français

manifestent jusqu'à présent contre les étrangers, et ne leur pardonnent pas les deux occupations de Paris ainsi qu'un séjour de trois années en France. D'ailleurs je le demande, quel est le pays où trois mille six cent trente Français établis dans une capitale, qui allait être envahie par leurs compatriotes, auraient pu vivre, non-seulement tranquilles, mais s'occuper de leur commerce et exercer leurs métiers? Personne n'a été insulté, et les cabarets, dans le prétendu désordre au jour de l'entrée de Napoléon à Moscou, ne peuvent avoir été pillés, parce que, d'après mon ordre, il ne s'y trouvait pas une goutte de vin.

Le directeur des postes de Moscou n'a jamais été envoyé en Sibérie, mais éloigné à Voronége pour d'autres motifs que celui d'une gazette allemande.

Les proclamations que je publiais n'avaient d'autre but que de calmer l'inquiétude; mais on savait tout ce qui se passait: les nouvelles de l'armée se succédaient avec une grande rapidité de Smolensk à Moscou. Le fond de mes bulletins était tiré des communications que je recevais d'abord du général Barklay, et ensuite du prince Koutouzow. Quant aux expressions, elles ne pouvaient être plus offensantes pour l'ennemi que les proclamations françaises de l'année 1814, où on

disait que les Russes aimaient la chair des petits enfans.

Il n'a jamais existé de haine entre le prince Koutouzow et moi, et d'ailleurs ce n'eut pas été le temps de l'exercer. Nous n'avions aucun intérêt à nous tromper, et nous ne pouvions pas traiter ensemble de l'incendie de Moscou, car personne n'y songeait. Il est vrai que, dans l'entrevue que j'ai eue avec lui aux barrières, il m'assura qu'il avait le dessein de livrer une bataille, et le soir, après un conseil de guerre tenu à la hâte, il m'adressa une lettre par laquelle il m'annonçait qu'en conséquence des mouvemens de l'ennemi, il se voyait forcé, à regret, d'abandonner Moscou, et qu'il allait se poster sur le grand chemin de Rézane. D'après ce que je viens de dire, M. M.... est tombé en contradiction ; car, en établissant une inimitié entre le prince Koutouzow et moi, il détruit toute possibilité d'une confiance réciproque. Si on devenait ennemi de tous ceux que l'on blâme, l'ouvrage de M. M.... lui en procurerait une bonne quantité.

Jusqu'à la guerre de 1806, je n'avais pas plus de haine pour Napoléon que le dernier des Russes : j'ai évité d'en parler tant que j'ai pu ; car je trouve que l'on a écrit sur son compte trop et trop tôt. Les peuples de l'Europe se rappelle-

ront long-temps les maux qu'il leur a fait éprouver par la guerre, et dans la classe éclairée deux générations existantes se partageront entre l'enthousiasme pour le conquérant, et la haine pour l'envahisseur; je ferais même ici franchement ma profession de foi à son égard: Napoléon a été à mes yeux un grand général après ses campagnes d'Italie et d'Egypte; bienfaiteur de la France quand il enchaîna la révolution durant le consulat; despote dangereux pour l'Europe dès qu'il se fut fait empereur; conquérant insatiable jusqu'en 1812; homme enivré de gloire et aveuglé par la fortune des qu'il entreprit la conquête de la Russie; genie abattu à Fontainebleau et après Waterloo; et à Sainte-Hélène, prophète Jérémie. Enfin je pense qu'il mourut de chagrin d'avoir cessé de troubler le monde, et de se voir relégué sur un rocher pour y être dévoré par le souvenir du passé et les tourmens du présent, sans pouvoir accuser personne que lui-même, ayant été lui seul l'auteur de son élévation et de sa chute. J'ai regretté bien souvent que le général Tamara, chargé en 1789, pendant la guerre avec les Turcs, d'organiser une flottille dans la Méditerranée, n'ait pas accepté la proposition de Napoléon de passer au service de la Russie; mais le grade de major, auquel il prétendait comme

lieutenant colonel de la garde nationale corso, lui valut un refus. J'ai eu cette lettre plusieurs fois entre les mains.

Quant aux révolutionnaires français et à leurs élèves dans d'autres pays, j'ai abhorré leur dessein dès qu'il devint évident par la réussite. Tout ce qui s'est passé en Europe depuis trente ans a servi à me confirmer dans mon opinion sur le compte de ceux dont les projets tendent à bouleverser des gouvernemens. N'importe sous quelle dénomination ces gens se cachent ou sont connus; l'égoïsme les guide, l'intérêt les aveugle

Malheureusement dans ce siècle, où tant d'événemens ont accoutumé deux générations à se soustraire aux principes qui imposent le respect dû à l'autel et au trône, une poignée de factieux ou d'ambitieux parvient aisément à séduire une portion du peuple, en lui parlant, selon les circonstances, de bonheur, de richesse, de liberté, de gloire, de conquête et de vengeance. On le soulève, on le fait marcher et on le précipite dans un abîme de maux. On est arrivé au point d'envisager les révolutions comme un besoin de l'esprit du siècle; et, pour grossir l'avalanche de la révolte, on fait briller en perspective les avantages d'une constitution, sans s'embarvasser si elle convient au pays, aux habitans et aux voisins;

voilà la maladie du siècle. C'est une fièvre plus dangereuse que toutes les fièvres et que la peste; car elle est non-seulement épidémique et contagieuse, mais elle se gagne par la lecture et la conversation. Ses symptômes sont bien prononcés; elle commence par un flux de grands mots qui semblent sortir de la bouche d'un législateur, d'un ami de l'humanité, d'un prophète ou d'un chef puissant. Ensuite vient un déluge d'insultes contre toute autorité, une soif du pouvoir, un appétit désordonné de richesses, une transpiration de projets, enfin le transport au cerveau, pendant lequel le malade veut grimper le plus haut possible en bouleversant tout ce qu'il rencontre.

Malgré tous les efforts des agitateurs, les peuples égarés pour quelque temps finiront toujours par être ramenés à l'ancien ordre de choses, soit par la réflexion, soit par la lassitude, soit par les excès mêmes; car on reconnaît bientôt que tout le monde ne peut être riche, et qu'il n'y a pas assez de place sur le trône, pour des milliers de sujets qui veulent se métamorphoser en souverains pour régner sur une nation qui ne s'en soucie pas. Il est déjà prouvé par l'histoire que tout peuple qui se révolte contre son souverain empire sa condition, et paie cher son égarement, puisque si dans la lutte le maître légitime

triomphe des factieux, il ne sera pas disposé à leur accorder ce qu'ils désirent; et dans le cas contraire, si le souverain légitime succombe dans la défense de ses droits contre des sujets révoltés, alors ceux-là passeront tout de suite sous un despotisme militaire, car au défaut d'un Napoléon il se trouvera partout plus d'un Iturbide.

La députation de la ville de Moscou, dont parle M. M...., avait été composée d'une douzaine de gens du peuple, très-mal vêtus. Celui qui représentait, dans cette occasion solennelle, la noblesse, le clergé, les autorités et le corps des marchands de la capitale, était un simple prote. Napoléon, voyant le ridicule de cette farce, lui tourna le dos.

L'escorte des dragons de la police dont parle M. M.... était composée de dix hommes pour accompagner la voiture où étaient les papiers de l'administration. Quant à ma personne, j'étais à cheval, et je ne suis sorti de la ville qu'au moment où on tirait le canon au Kreml.

Avant de finir ce petit écrit, je vais faire des observations sur les bulletins de Napoléon, datés de Moscou, et on verra si ces pièces officielles peuvent servir de matériaux à l'histoire.

BULLETINS.

OBSERVATIONS.

N° 19. Du 16 septembre.

• La plus complète anarchie régnait dans la ville; des forcenés vivres couraient dans les rues et mettaient le feu partout.

• Le peu d'habitans qui restaient dans la ville se tenaient renfermés chez eux, retenus par la crainte et l'incertitude. Si, au moment de l'entrée de Napoléon à Moscou, les forcenés mettaient déjà le feu, pourquoi ne les a-t-on pas arrêtés?

• Le gouverneur Rasstopchin avait fait enlever tous les marchands et négocians, par le moyen desquels on aurait pu rétablir l'ordre.

• Tous ces gens étaient partis d'eux-mêmes depuis plusieurs jours. D'ailleurs, quel ordre peuvent rétablir des marchands dans un quartier-général, et dans toute une armée?

• Plus de quatre cents Français et Allemands avaient été arrêtés par ses ordres.

• Pas un.

• Enfin il avait fait enlever les pompiers avec les pompes.

• Je l'ai déjà dit; quatre-vingt-seize pompes, avec tout le service et les attelages.

BULLETINS.

OBSERVATIONS.

« avaient été envoyés dans
« l'intérieur de l'empire.

• Trente mille blessés • Seize à dix-sept mille
• ou malades russes sont • sont partis sur quatre mille
• dans les hôpitaux aban- • chariots, la veille de l'occu-
• donnés, sans secours et • pation de Moscou, pour
• sans nourriture. • *Kalomna*, d'où ils ont des-
• cendu l'Oká, dans de gran-
• des barques couvertes, jus-
• qu'au gouvernement de Reza-
• ne, où on a établi des hô-
• pitaux. Deux mille blessés
• sont restés à Moscou.

• Les Russes avaient • Nous n'avons perdu en tués
• perdu cinquante mille • et blessés que trente-cinq
• hommes à la bataille • à trente-six mille hommes;
• de la Moskowa. On • mille sept cent trente-deux
• a fait le relevé des • officiers et dix-huit généraux.
• généraux russes blessés • Napoléon perdit en tués et
• ou tués à la bataille, il • en blessés plus de cinquante
• se monte à quarante- • milles hommes; douze cents
• cinq ou cinquante. • officiers et quarante-neuf
• généraux. J'ai eu tous les
• rapports par un officier
• qui en était chargé, et qui
• était dans les bureaux du

BULLETINS.

OBSERVATIONS.

- prince de Neuchâtel. Cet
- officier, blessé à la bataille
- de Boradine, était resté à
- l'hôpital de Galitzine.

*20-e Bulletin. Le 17
septembre.*

• On a trouvé dans la
• maison de ce misé-
• rable Rostopschine des
• papiers et une lettre à
• demi écrite.

• Tous ces papiers, la plu-
• part insignifiants, ont été re-
• pris par les Cosaques, et ne
• valaient pas la peine de
• m'être renvoyés. Je n'ai pas
• été pris au dépourvu; encore
• moins surpris de l'entrée de
• l'ennemi: ainsi j'aurais eu le
• temps d'achever une lettre.
• Je suis sorti à cheval au
• petit pas par la barrière de
• Rézane, et je n'ai quitté les
• boulevarts que lorsqu'on
• vint m'annoncer que l'a-
• vant-garde française était
• entrée dans la ville.

• Le 16, un vent vio-
• lent s'est élevé; trois à
• quatre cents brigands
• un vent violent, sont restés

BULLETINGS.

OBSERVATIONS.

• ont mis le feu dans la
• ville en cinq cents
• endroits à la fois par
• l'ordre du gouverneur
• Rostopschine.

• quatre jours au milieu de
• l'armée française. Il fallait
• qu'ils fussent bien habiles
• pour mettre le feu à cinq
• cents endroits à la fois,
• s'ils n' étaient que trois à
• quatre cents. Quant à mon
• nom, il sert de refrain à
• l'incendie, comme celui de
• Marlborough dans la chan-
• son.

• Des églises, il y en
• avait mille six cents.

• Il n'y en avait que deux
• cent soixante sept.

• Cette perte est incal-
• culable pour la Russie;
• ce n'est pas l'évaluer
• trop haut, que de la
• porter à plusieurs mil-
• liards.

• D'après les calculs faits
• par une commission, les
• dommages produits par l'in-
• cendie et la guerre tant
• dans la ville que dans le
• gouvernement de Moscou,
• ne montaient qu'à 321 mil-
• lions de roubles; ainsi, c'est
• bien loin de plusieurs mil-
• liards.

• Trente mille Russes
• blessés et malades ont
• été brûlés.

• J'ai déjà dit qu'il n'en
• était resté que deux mille,
• et les deux hôpitaux où ils

BULLETINS.

OBSERVATIONS.

• étaient n'avaient pas même
• été brûlés.

• Et on a réduit deux
• cents mille bons habi-
• tans à la mendicité,
• c'est le crime de Ros-
• topschine, exécuté par
• des célébrats délivrés
• des prisons.

• A mon retour à Moscou,
• après la sortie de l'ennemi,
• j'y ai trouvé douze à quin-
• ze cents individus de la
• classe pauvre du peuple,
• dans l'état de la plus gran-
• de misère: ils furent logés,
• habillés et nourris pendant
• un an aux frais du gouver-
• nement; quant aux scélébrats
• employés à l'incendie, d'ap-
• rés le Bulletin, ils étaient
• alors au moins à la distan-
• ce de cinquante lieues de
• Moscou, l'ayant quitté qua-
• tre jours auparavant.

• Le soldat a trouvé
• et trouve beaucoup de
• pelisses et de fourrures
• pour l'hiver. Moscou
• en est le magasin.

• Oui, mais on apporte les
• fourrures dès le commence-
• ment du trainage, et les mi-
• lices de Moscou, de Twer,
• de Jaroslaw et de Wladi-
• mir en ayant acheté soixan-
• te-onze mille, il en resta
• bien peu.

BULLETINS.

OBSERVATIONS.

21-e Bulletin. 20 septembre.

• Trois cents chauffeurs ont été arrêtés et fusillés. • Ainsi, c'est une erreur de deux cent quatre-vingt-sept, car j'ai déjà dit qu'il y en avait eu seulement treize de fusillés.

• Le beau palais de Catherine, meublé à neuf. • Il n'avait jamais été meublé; bâti à l'extrémité de la ville, il fut converti, du temps de l'empereur Paul, en Caserne, et je le fis servir d'hôpital aux blessés.

• Pendant que Rostopchine enlevait les pompes de la ville, il laissait soixante mille fusils, cent cinquante canons, et un million cinq cent mille cartouches, etc. • Seize cents fusils réparés à l'arsenal ont été donnés à la milice de Moscou; pour les canons, il y en avait quatre-vingt-quatorze du calibre de six, avec les affûts et caissons: ils sont partis pour Nigeny-Nowgorode, avant l'entrée de l'ennemi à Moscou, qui ne trouva à l'arsenal que six canons crevés sans affûts,

BULLETINS.

OBSERVATIONS.

et deux énormes coulevrines. Puisque Napoléon a été obligé de laisser au Kreml plus de mille voitures de toute espèce, il ne pouvait pas emmener non plus les canons russes, et nous les aurions retrouvés au même endroit. La plus grande partie de cette artillerie a fait depuis la campagne de 1813, avec la milice formée par le général comte de Tolstoy, il est vrai qu'on a laissé un des magasins à poudre, celui où on travaillait à faire les cartouches pour l'armée russe. La nuit même de son passage par Moscou; on n'y avait pas mis le feu par la même négligence qui a fait brûler trop tôt le pont à Leipzig.

• L'incendie de cette capitale retarde la Russie de cent ans.

• La capitale a été rebâtie, • preuve que ses habitans • n'ont pas été ruinés. Elle

BULLETINS.

OBSEBVATIONS.

• contient presque le même
• nombre d'habitans qu'avant
• l'incendie, avec cette dif-
• férence que tout est bâti
• en briques. Des palais mag-
• nifiques, des rues entières
• toutes neuves et des places
• publiques superbes, en font
• déjà une des plus belles
• villes de l'Europe, grâce
• aux soins et à la sollicitu-
• de paternelle de l'empereur
• Alexandre; et la Russie,
• au lieu d'être retardée d'un
• siècle, a connu sa force,
• ses richesses et ses ressour-
• ces gigantesques.

• On a trouvé au • Les ornemens qui servaient
• Kremlin plusieurs or- • aux sacres et qui font partie
• nemens servant au sa- • du trésor, ainsi que celui du
• cre des empereurs, et • patriarche, estimés à 21 mil-
• tous les drapeaux pris • lions de roubles, avaient été
• aux Turcs depuis cent • expédiés avant l'entrée de
• ans. • l'ennemi à Nigeny-Nowgo-
• rode et à Vologda; quant
• aux drapeaux pris dans les
• guerres sur les ennemis de la

BULLETINS.

OBSEPVATIONS.

« Russie, ils sont tous à l'ar-
« nal de Pétersbourg.

23 *Bulletin. 9 octo-
bre.*

« On a trouvé une « L'usage en Russie est d'
« madone enrichie de « orner de pierres précieuses
« diamans: on l'a en- « des images que l'on a dans
« voyée aussi à Paris. « une vénération particulière:
« il paraît que ce trophée n'est
« pas parvenu jusqu'en Fran-
« ce, de même que cette énor-
« me croix qui surmontait le
« grand clocher nommé Evan-
« veliki; elle était de fer
« doré; mais un voyageur
« allemand, Adam Olearius,
« qui vint à Moscou du temps
« du czar Alexis, prétendait
« (j'en sais sur quel autorité)
« que cette croix était d'ar-
« gent massif doré: aussi,
« quand on a vu qu'elle était
« de fer, on l'abandonna.

« Il paraît que Ros-
Cov. Pacm.

« Je ne sais pourquoi Na-

BULLETINS:

OBSERVATIONS:

«topschine est allé. Napoléon me fait perdre l'es-
«A Woronovo; il a écrit. J'ai mis le feu à mon
«mie le feu à son cha- «château par la raison que
«teau.

«jai indiquée dans un écrit
«collé sur la porte de l'égli-
«se, et je n'ai fait que
«prévenir l'ordre donné à
«un officier envoyé à Wo-
«ronovo, qui ne trouva que
«des cendres; il raconta ceci
«à un colonel russe, qui le
«ramassa pendant la retraite
«après le passage de la Béré-
«zina. Napoléon aimait à
«brûler; preuve, l'ordre
«donné au maréchal Mor-
«tier d'avoir soin de mettre
«le feu à mes deux maisons
«à Moscou. (Expédition de
«Russie, tome II, page 244.)
«Celle qui est à la barrière
«fut brûlée, mais l'hôtel en
«ville ne le fut pas, parce
«que le lendemain du départ
«de la grande armée, Moscou

BULLETINS.

OBSERVATIONS.

«était rempli de Cosaques
«et de paysans armés qui
«parcouraient les rues.

«L'armée russe dé- «L'armée russe était per-
«savoue l'incendie de «suadée que Moscou avait
«Moscou; les auteurs «été brûlé par l'ennemi, et
«de cet attentat sont «ne pouvait pas me regarder
«en horreur en Rus- «comme une espèce de Marat,
«sie: on regardait Ros- «ignorant jusqu'à l'existence
«l'opischine comme une «de ce grand homme de la
«espèce de Marat. Il «révolution. Je n'avais pas
«pu se consoler dans «besoin de consolations; je
«la société du commis- «gémissais sur la perte de mes
«saire anglais Wilson. «compatriotes, sans songer
«aux miennes, et ce n'est
«qu'au quartier-général que
«je rencontrai M. Wilson.

«On est parvenu, «On ne s'est donné aucune
«avec beaucoup de «peine à tirer des hôpitaux
«peine, à tirer des «nos blessés et nos malades:
«hôpitaux et maisons «ils ont été exposés à mourir
«incendiés, une partie «de faim; car les blessés et
«des malades russes; «les malades de l'armée de
«il reste encore quatre «Napoléon n'avaient eux-mêmes

BULLETINS.

OBSERVATIONS.

« mille de ces malheures que peu à manger.
« reux. Le nombre « J'en ai trouvé treize cent
« de ceux qui ont péri « soixante vivans, réunis à
« dans l'incendie est « l'hôpital Cheremetew, exté-
« extrêmement considé- « nués par la privation d'ali-
« rable. « mens, et c'est avec beau-
« coup de peine que l'on
« parvint à en sauver et
« rétablir la moitié.

« Une population de « Comme on ne trouvait
« deux cent mille âmes « rien à manger, des soldats
« errant dans les bois, « de l'armée de Napoléon
« mourant de faim, vient « rodaient dans des villages
« sur ces décombres « pour trouver de quoi assou-
« chercher quelques dé- « vir la faim. Il faudrait donc
« bris et quelques légu- « que ces deux cent mille
« mies de jardin pour « individus russes eussent
« vivre. « pu exister plus d'un mois
« sans prendre de nourriture.

« L'empereur fit mi- « Il y a eu un clocher,
« ner le Kremlin; le « deux pans de murs, deux
« duc de Trévise le fit « tourelles, et le quart de
« sauter le 23, à deux « l'arsenal, qui ont sauté. Le
« heures du matin ; « palais des czars est resté

BULLETINS.

OBSERVATIONS.

« tout a été détruit: intact, le feu même n'y a
« cette ancienne cita- « pas pénétré. Les répara-
« elle; le premier pa- « tions ont coûté tout au plus
« mais des czars ont « 500,000 francs; le Kremlin
« été.... » « existé avec ces anciens
« souvenirs et un nouveau
« de plus, que Napoléon a
« laissé en exerçant sa mau-
« vaise humeur sur des bri-
« ques, faisant ses adieux à
« Moscou.

Napoléon avait été aveuglé par ses succès précédens, il a cru que la Russie serait subjuguée tout entière dès qu'il serait le maître de la capitale et que l'empereur Alexandre lui proposerait la paix.

Mais avec tout le génie qu'il a eu avant l'année 1812, il se trompa doublement et vit manquer tous ses projets; il n'avait pas connu la fermeté de l'empereur de Russie et n'avait aucune idée de l'homme russe, qui se montra à cette époque dans tout son éclat: il a fallu à celui-ci un grand danger pour déployer un grand caractère: l'ignorance de la langue du

pays fait que les étrangers ne connaissent du peuple russe que son costume et sa figure. On a jeté du mépris sur la barbe, et on a traité en sauvage tous ceux qui la portaient. Mais le peuple russe a prouvé qu'il est au-dessus de plusieurs autres peuples, parce qu'il est inaccessible à la crainte et incapable de trahison; il porte dans son énergie morale et dans sa force physique la conviction du succès. Il ne connaît point d'obstacle et de danger; il dit : *Tout est possible, pourquoi pas ? on ne meurt pas deux fois* ; et avec ces mots il entreprend tout, succombe ou réussit.

Souvent il devient héros sans le savoir et sans tirer aucune vanité de ses actions.

Quand on lui prodigue des louanges il vous répond : *Dieu m'a aidé, ce n'est pas une merveille, je suis un homme tout comme un autre.*

L'année 1812 l'empereur Alexandre ayant dit : *Guerre à mort*, les Russes répondirent : *Nous sommes prêts*. On n'a pas eu besoin de les stimuler par des promesses et des récompenses. On n'avait qu'à dire allons, ils vous suivaient; donnez, et ils apportaient tout ce qu'ils avaient. La population de Moscou a été exaspérée la première en apprenant, même avant la prise de

Smolensk, que rien n'était épargné par l'ennemi, que les maisons étaient pillées, les femmes outragées, les églises converties en écuries. Ils jurèrent vengeance sur les tombeaux de leurs pères, et exterminèrent tout ce qu'ils purent. Dans les environs de Moscou, les paysans possédaient plus de dix mille fusils ennemis. Combien encore de maraudeurs et d'hommes désarmés tombèrent sous leurs coups; ils mettaient le feu à leurs maisons pour faire périr des soldats qui s'y renfermaient.

Après ma rentrée à Moscou, j'ai vu beaucoup de paysans qui étaient venus de cent cinquante lieues, bien montés, armés chacun d'un sabre et d'une lance, et qui avaient fait la guerre à l'ennemi avec les paysans du gouvernement de Moscou. Ceux-là donnaient pour toute réponse à la question sur le motif qui les avait amenés de si loin, *les nôtres étaient en danger*. On connaît l'histoire du paysan de Smolensk, marqué à la main pour être reconnu, qui se la coupa d'un coup de hache. Une vieille femme, d'un village aux environs de Moscou, m'amena ses deux petits-fils pour les envoyer à l'armée, et, posant ses mains sur leurs têtes, les yeux levés vers le ciel, prononça ses mots : *Allez, mes bons amis, et ne retournez chez moi que lorsqu'il n'y aura*

plus d'ennemis sur le sol de la Russie; autrement ma malédiction vous attend.

Un vieux soldat, estropié dans la guerre d'Italie et retiré dans son village, se faisait attacher à la selle de son cheval pour mener les paysans aux combats. Un jeune paysan que son maître fit venir à Moscou, perdit l'appétit et le sommeil après la prise de Smolensk, il demandait à se battre avec l'ennemi; je l'envoyai à l'armée et il périt à la bataille de Borodino. La bravoure du soldat russe est trop connue pour avoir besoin d'éloges; il est inutile de le stimuler ni par l'avancement, ni par des pensions; il obéit et combat sans se soucier que les bulletins, les biographies, les lithographies et les couplets le présentent dans les batailles en tonnerre, en avalanches, ou en tête de Méduse foudroyant, écrasant, balayant; et pétrifiant tout au moment de son apparition.

Enfin, dans cette lutte courte mais terrible de la Russie contre tout le continent de l'Europe; ayant Napoléon pour chef, tous les Russes ont rivalisé de zèle, de dévouement et de fidélité. La noblesse de Moscou offrit à l'empereur un homme sur dix, approvisionné pour trois mois; ce qui produisit trente deux mille hommes; les gouvernements de Toula, de Kalouga, de Wlas

dimir et de Rezane, chacun par quinze mille hommes, et ceux de Twer et Jaraslave par douze mille : ce qui donna en tout cent seize mille hommes de milice. C'est moi qui ai été chargé par l'empereur d'organiser cette armée, et six semaines après le décret, elle fut réunie chacune sur les frontières de son gouvernement. On a vu les fils uniques du général Apraxine, du comte Strogonowe, et le mien, dont le plus âgé avait à peine dix-sept ans, faire le service pendant cette guerre. Le fils du comte Strogonowe, jeune homme d'une grande espérance, fut emporté par un boulet à l'affaire de Craon. Les propriétaires qui avaient le plus perdu à l'invasion de Moscou, n'ont pas même présenté de requête à la commission des dédommagemens ; et il est très-avéré que les deux comtes Razoumovsky, le général Apraxine, le comte Boutourline et moi nous avons perdu, en maisons de ville, de campagne et en mobilier, pour plus de cinq millions de roubles. La bibliothèque du comte Boutourline avait été estimée à un million, et il n'en resta pas un volume. Le souvenir de ces pertes passera en héritage aux enfans.

Telle fut l'année 1812. La Russie fit de grandes pertes en hommes ; mais elle acquit la certitude de n'être jamais subjuguée et de devenir non la

conquête mais le tombeau de ses ennemis. Ses habitans, trop peu civilisés pour être égoïstes, sauront défendre la patrie sans se vanter de leur bravoure. Napoléon, dans cette expédition dont la réussite aurait pu le rendre maître de l'Europe, sacrifia l'élite des armées alliées, et les braves Français qui depuis douze ans combattaient pour l'ambition de celui qu'ils portèrent jusque sur le trône. Trois cent mille combattans furent moissonnés par les combats, les marches et les maladies ; et cent mille périrent par la faim, le froid et la misère.

J'ai dit la vérité et rien que la vérité.

FÉDOR, comte ROSTOPCHINE.

Paris, ce 5 mars 1823.

ПИСЬМО.

Неудовольствіе противъ меня Наполеона— писалъ Графъ Растопчинъ — похвала; немилость его — награда; гнѣвъ—слава, а печатная брань — грамота на безсмертіе. Причины злости суть: выѣздъ изъ Москвы жителей ея, отправленіе сокровищъ, дорогихъ товаровъ, вооруженіе поселянъ, и все, что я имъ говорилъ и писалъ. Но хотя Бонапарте и сдѣлалъ своими ругательствами имя мое незабвеннымъ; хотя въ Англіи народъ желалъ имѣть мой гравированный портретъ; въ Пруссіи женщины модамъ даютъ мое имя; хотя честные и благоразумные люди оказываютъ мнѣ признательность: со всѣмъ тѣмъ есть много Русскихъ, кои меня бранятъ за то, что они отъ нашествія злодѣя лишились домовъ и имущества, и многіе, ничего не имѣвшіе—милліоновъ!—Мое дѣло было сохранить спокойствіе въ столицѣ, и тишина въ ней пребыла до 2-го сентября. Взятіе Смоленска, приближеніе непріятеля къ Москвѣ и Бородинская битва не были тайны.

Купцы начали отправлять свои товары съ половины юля, дворянство тронулось съ августа. Вопрошаю: кого я задержалъ? у кого взялъ лошадей, повозки? Многие говорятъ: *онъ увпрялъ, что Москва взята не будетъ; отъ этого мы и погубли.* Но я опять спрашиваю: защита Столицы отъ меня ли зависѣла? 2,800 рекрутъ, 160 полицейскихъ драгунъ и пожарная команда могли ли остановить Наполеона со 130-ю тысячею войска? Я сообщалъ Московскимъ жителямъ все, что получалъ отъ Главнокомандующаго арміями. Я, даже, не былъ приглашенъ, 1-го сентября, на военный совѣтъ, гдѣ было рѣшено оставить Москву, о чемъ узналъ уже въ одиннадцать часовъ вечера, чрезъ письмо Свѣтлѣйшаго Князя Кутузова, требовавшаго у меня проводниковъ чрезъ городъ на Рязанскую дорогу. И такъ выѣхавшіе изъ Столицы граждане или не вѣрили моимъ обнародованіямъ, или боялись оставаться, не имѣли способовъ отправить имъ принадлежавшаго, слѣдовательно негодовать имъ на меня не за что.

**ЖИЗНЬ РАСТОПЧИНА,
СПИСАННАЯ СЪ ПАТУРЫ ВЪ ДЕСЯТЬ
МИНУТЬ.**

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

МОЕ РОЖДЕНІЕ.

Марта 12-го 1765 года, я изъ мрака ничтожества воззрѣлъ на свѣтъ Божій. Меня смѣряли, свѣсили и окрестили. Я родился, не зная для чего; родители мои радовались, сами не зная чему.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

МОЕ ВОСПИТАНІЕ.

Меня обучали всякой мудрости и всѣмъ возможнымъ языкамъ. Я сталъ язычникомъ. Шарлатанствомъ и дерзостію, я до того озадачивалъ многихъ, что они почитали меня ученымъ и снимали шапки. Голова моя была разрозненная бібліотека, въ которой никто не могъ добиться толку, и ключъ къ которой былъ только у меня.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

МОИ СТРАДАНИЯ.

Меня мучили сперва учителя и гувернеры, потомъ платья моихъ нортныхъ, женщины, честолюбіе, самолюбіе, тщетное раскаяніе, надежды и воспоминанія.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ЛИШЕНІЯ.

Мнѣ не суждено было испытать трехъ величайшихъ наслажденій въ человѣческой жизни: воровства, пролазничества и гордости.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЯ ЭПОХИ.

Въ 30 лѣтъ, я отказался отъ танцевъ; въ 40, отъ страсти нравиться прекрасному полу, въ 50, отъ приговоровъ общественнаго

мнѣнія; въ 60, отъ мышленія, и отъ того сдѣ-
лался совершеннымъ мудрецомъ, или, что
одно и тоже, совершеннымъ эгоистомъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ПРАВСТВЕННЫЙ ПОРТРЕТЪ.

Я былъ упрямъ какъ лошакъ, капризенъ
какъ кокетка, веселъ какъ дитя, лѣнивъ какъ
сурокъ, дѣятеленъ какъ Бонапарте; но все
это, когда и какъ мнѣ вздумается.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ЗНАЧИТЕЛЬНЫЙ НЕДОСТАТОКЪ.

Я не умѣлъ владѣть выраженіемъ лица
своего, языка не могъ удерживать, и при
этомъ имѣлъ глупую привычку думать въ
слухъ. Этимъ я нажилъ съ десятокъ друзей,
со сто враговъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ЧѢМЪ Я БЫЛЪ, И ЧѢМЪ БЫ МОГЪ БЫТЬ.

Я былъ очень довѣрчивъ, склоненъ къ дружбѣ, даже добродушенъ; родился я въ *золотой вѣкъ*, я даже, можетъ быть, былъ-бы препорядочнымъ человѣкомъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ДОБРЫЯ ПРАВИЛА.

Никогда ни за себя, не за другихъ, я не вмѣшивался въ сватовство и сплетни; никогда и никому не рекомендовалъ ни повара, ни доктора: стало быть, не причинилъ вреда здоровью и жизни ни одного ближняго.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

МОЕ ЛЮБИМОЕ.

Я любилъ маленькія общества, тѣсный

кружекъ, и прогулку въ тѣнистой рощѣ. Блеску солнца почти поклонялся; отъ захожденія его иногда на меня находила хандра. Любимый цвѣтъ мой былъ голубой, любимое кушанье говядина подъ хрѣномъ, любимый напитокъ вода. Изъ театральныхъ представленій, я любилъ больше всего комедіи и водевили. Въ мужчинахъ и женщинахъ любилъ открытыя, выразительныя лица. Особенною, неопреодолимую любовь чувствовалъ я къ горбунамъ *обоого пола.*

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,

МОИ АНТИПАТИИ.

Къ тщеславнымъ щеголямъ (*fats dandy*) и дуракамъ я всегда чувствовалъ отвращеніе. Мнѣ были противны набожныя женщины съ молитвой на душѣ, и съ интригой въ умѣ, съ поминаньемъ въ ридикюлѣ и съ любовной почтой въ туалетѣ. Манерность возбуждала во мнѣ самое неприятное чувство. Нарумяненные мужчины, раскрашенные и разу-

крашенныя женщины казались мнѣ жалкими. Крысы, водка, метафизика и зеленый сыръ, процессы и домашнія настыкомыя, приводили меня въ ужасъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

ОЧЕРКЪ МОЕЙ ЖИЗНИ.

Жду смерти терпѣливо, безъ страха. Жизнь моя была плохая мелодрама, съ хорами, плясками, превращеніями и великолѣпнымъ спектаклемъ. Я игралъ въ ней героевъ, тирановъ, любовниковъ, благородныхъ отцевъ, резонеровъ, но никогда не брался за роли лакеевъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

БЛАГОДАТЬ НЕВЕСОМАЯ.

Величайшее мое счастье состоитъ въ томъ, что я рѣшительно независимъ отъ трехъ лицъ, правящихъ нынѣ Европою; я достаточно бо-

гать, дѣла до меня не касаются, и къ музыкѣ пристрастія не имѣю. Стало бытъ, и въ всякихъ отношеній къ Родильду, М. и Россини.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

МОЯ ЭПИТАФІЯ.

Съ притупившеюся душою, изношеннымъ сердцемъ и обвѣтшалымъ тѣломъ, здѣсь прилежъ на покой — *старый чортъ*. Почтеннѣйшая публика! Ступай своей дорогой, и дай ему отдохнуть.

ПОСВЯЩЕНІЕ ПУБЛИКѢ.

Почтеннѣйшая публика! нестройный органъ страстей и страстишекъ! Гордая превыше небесъ, низкопоклонная до праха, слѣпо превозносящая и слѣпо клеветущая! разбитый набатъ, пустое эхо самой себя, экстрактъ тончайшихъ ядовъ и сладчайшихъ благовоній, представительница нечистой си-

лы въ челоѣкѣ, фурія подѣ маской сестры милосердія, благородная публика! Тебя я боялся юношей, уважалъ въ зрѣломъ возрастѣ, презиралъ старцемъ! Тебѣ посвящаю свои записки, любезнѣйшая публика! Наконецъ я избавленъ отъ твоего вліянія, ибо я умеръ, слѣдовательно *глухъ, слѣпъ и нѣмъ*. Для твоего и челоѣческаго счастья желаю и тебѣ того же.

Твоя игрушка и твой музыкантъ

Растопчинъ.

MES MÉMOIRES
OU
MOI AU NATUREL,
ECRITS EN DIX MINUTES.

TABLE DES CHAPITRES.

- I. Ma naissance.
 - II. Mon éducation.
 - III. Mes souffrances.
 - IV. Privations.
 - V. Epoques mémorables.
 - VI. Portrait au moral.
 - VII. Résolution importante.
 - VIII. Ce que j'é fus et ce que j'aurais pu être.
 - IX. Principes respectables.
 - X. Mes goûts.
 - XI. Mes aversions.
 - XII. Analyse de ma vie.
 - XIII. Récompenses du ciel.
 - XIV. Mon épitaphe.
 - XV. Epître dedicatoire au public.
-

CHAPITRE PREMIER.

MA NAISSANCE.

En 1765, le 12 Mars, je sortis des ténèbres pour être au grand jour. On me mesura, on me pesa, on me baptisa. Je naquis sans savoir pourquoi, et mes parens remercièrent le Ciel sans savoir de quoi.

CHAPITRE II.

MON ÉDUCATION.

On m'apprit toutes sortes de choses et toute espèce de langues. A force d'être impudent et charlatan, je passai quelquefois pour un savant. Ma tête est devenue une bibliothèque dépareillée dont j'ai gardé la clef.

CHAPITRE III.

MES SOUFFRANCES.

Je fus tourmenté par les maîtres, par les tailleurs qui me faisaient les habits étroits, par le

femmes, par l'ambition, pas l'amour propre, par les regrets inutiles par les souverains et les souvenirs.

CHAPITRE IV.

PRIVATIONS.

J'ai été privé de trois grandes jouissances de l'espèce humaine: du vol, de la gourmandise et de l'orgueil.

CHAPITRE V.

EPOQUES MEMORABLES.

A trente ans, j'ai renoncé à la danse; à quarante ans, à plaire au beau sexe; à cinquante ans, à l'opinion publique; à soixante ans, à penser, et je suis devenu un vrai sage, ou égoïste, ce qui est synonyme.

CHAPITRE VI.

PORTRAIT AU MORAL.

Je fus entêté comme une mule, capricieux comme une coquette, gai comme un enfant, paresseux comme une marmotte, actif comme Bonaparte, et le tout à volonté.

CHAPITRE VII.

RÉSOLUTION IMPORTANTE.

N'ayant jamais pu me rendre maître de ma physionomie, je lâchai la bride à ma langue, et je contractai la mauvaise habitude de penser haut. Cela me procura quelques jouissances et beaucoup d'ennemis.

CHAPITRE VIII.

CE QUE JE FUS ET CE QUE J'AURAIS PU ÊTRE.

J'ai été très sensible à l'amitié, à la confiance, et si je fusse né pendant l'âge d'or, j'aurais été peut-être un bon homme tout-a-fait.

CHAPITRE IX.

PRINCIPES RESPECTABLES.

Je n'ai jamais été impliqué dans aucun mariage ni aucun commérage. Je n'ai jamais recommandé ni cuisinier ni médecin, par conséquent je n'ai attenté à la vie de personne.

CHAPITRE X.

MES GOUTS.

J'ai aimé les petites sociétés, une promenade dans les bois. J'avais une vénération involontaire pour le soleil, et son coucher m'attristait souvent. En couleurs, c'était le bleu; en manger, le boeuf au raifort; en boisson, l'eau fraîche; en spectacle, la comédie et la farce; en hommes et en femmes, les physionomies ouvertes et expressives. Les bossus des deux sexes avaient pour moi un charme que je n'ai jamais pu définir.

CHAPITRE XI.

MES AVERSIONS.

J'avais de l'éloignement pour les sots et pour les faquins, pour les femmes intrigantes qui jouent la vertu; un dégoût pour l'affectation; de la pitié pour les hommes teints et les femmes fardées; de l'aversion pour les rats, les liqueurs, la métaphysique et la rhubarbe; de l'effroi pour la justice et les bêtes enragées.

CHAPITRE XII.

ANALYSE DE MA VIE.

J'attends la mort sans crainte, comme sans impatience. Ma vie a été un mauvais mélodrame à grand spectacle, où j'ai joué les héros, les tyrans les amoureux, les pères nobles, mais jamais les valets.

CHAPITRE XIII.

RÉCOMPENSES DU CIEL.

Mon grand bonheur est d'être indépendant des trois individus qui régissent l'Europe. Comme je suis assez riche, le dos tourné aux affaires, et assez indifférent à la musique, je n'ai par conséquent rien à démêler avec Rothschild, Metternich et Rossini.

CHAPITRE XIV.

MON ÉPITAPHE.

Ici on a posé
Pour se reposer,
Avec une ame blasée,

Un cœur épuisé
Et un corps usé;
Un vieux diable trépassé,
Mesdames et messieurs, passez!

CHAPITRE XV.

ÉPITRE DÉDICATOIRE AU PUBLIC.

Chien de public! Organe discordant des Passions; Toi qui élèves au Ciel et qui plonges dans la boue qui prônes et calomnies sans savoir pourquoi. Image de Tescin, Echo de toi-même; Tyran absurde, échappé des petites maisons; extrait des venins les plus subtils et des aromates les plus suaves. Représentant du Diable auprès de l'espèce humaine. Farte masquée en Charité chrétienne. Public! que j'ai craint dans ma jeunesse, respecté dans l'âge mûr et méprisé dans ma veillesse; c'est à toi que je dédie mes Mémoires. Gentil public! enfin, je suis hors de ton atteinte, car je suis mort, et par conséquent sourd, aveugle et muet. Puissest-tu jouir de ces avantages pour ton repos et celui du Genre humain!

МЫСЛИ НЕ ВЪ СЛУХЪ

У ДЕРЕВЯННАГО ДВОРЦА

ПЕТРА ВЕЛИКАГО,

что подлѣ Церкви Троицы на Петербургской сторонѣ,

или

**ПОСЛАНІЕ СИЛЫ СИДОРОВИЧА ПРАВДИНА
КЪ СИЛѢ АНДРЕЕВИЧУ БОГАТЫРЕВУ.**

Богу да благословить тебя; Сила Андреевичъ! честной ты человекъ, много правды думалъ вслухъ на Красномъ крыльцѣ; ты заставилъ истинныхъ Россіянъ и Россіянокъ слезы лить; ты принудилъ даже и приверженныхъ ко всему иностранному, при всѣхъ сказать, что они Рускіе, и гордятся этимъ именемъ. Богу надумилъ тебя; Сила Андреевичъ, вспомнилъ старину; и представилъ оную въ должной простотѣ, въ чистой наготѣ. Но ты вѣрный сынъ Отечества и Государя своего; живучи въ отдаленности, въ тишинѣ, своейственной благородной душѣ твоей, не могъ еще знать всего, что дѣялось на Святой Руси, отъ негодныхъ Французовъ:

Богу да продлить дни твои, Сила Андреевичъ, много ты правды думалъ и хорошо выразилъ оную; что предки наши и безъ

знанія Французскаго языка, входили торжественно въ храмъ безсмертія; благословенія и попынѣ несутся къ нимъ отъ всѣхъ сердецъ еще неразвращенныхъ.

Господи помилуй! скажу и я съ тобой Сила Андреевичъ и не разъ: что только и видишь молодежь, по всѣмъ отношеніямъ Французскую; но признаться должно, что злодѣи, нечестивые воспитатели, при всѣхъ своихъ коварныхъ замыслахъ, разстлать души юношей, и содѣлать дворянъ неспособными служить Отечеству и Государю — не могли успѣть погасить въ нихъ пламеникъ чести и любви къ своей родинѣ. Лишь воинская труба возвѣстила брань на иноплеменныхъ, на нарушителей общественнаго покоя, закипѣли сердца юношей, слезы показались по здоровымъ лицамъ ихъ; вспомнили тогда дѣдовъ и отцовъ своихъ, какъ служили Царю и Отечеству; со всѣхъ концовъ обширнаго Царства Русскаго пріѣзжаютъ въ градъ Петровъ дворяне, и молятъ **АЛЕКСАНДРА ИМПЕРАТОРА** нашего, да велитъ имъ стать въ передовыхъ полкахъ, сражаться на полѣ славы, за Вѣру, за Царя, за лю-

безное Отечество, и тѣмъ свѣту доказать, что кровь Руская не преставала течъ въ жилахъ ихъ; и тѣмъ загладить прежніе поступки свои, не по сердцу, и не по наставленіямъ образователей своихъ Французовъ дѣланные.

Богъ да дастъ тебѣ, Сила Андреевичъ, здравіе и долголѣтіе, и да мысли ты вслухъ и впредь о подобныхъ истинахъ! Кого не тронули до глубины сердца твои слова: чего лучше быть Рускимъ? не стыдно ли гдѣ показаться, ходи носъ вверхъ. Весело правду слышать; у всѣхъ слезы навернулись, у всѣхъ румянецъ заигралъ, вотъ, какое дѣйствіе имѣетъ правда въ устахъ почтеннаго сердца. Ну и впрямъ, что за люди ѣздятъ къ намъ, и кому дѣтей своихъ ввѣряемъ? Давно уже объ этомъ я говорю, кричу, пишу, даже слезы лью; уймитесь, пора за умъ хватиться, и матерямъ самимъ образовывать родившихъ, и поселять въ юныя, невинныя сердца дѣтей, Вѣру, честь, любовь къ своему родовому. Отцамъ! говорятъ мнѣ: нѣкогда, они службою заняты; такъ конечно; но по пяти и десяти часовъ сидѣть за кар-

тѣми и проигрывать дѣдовъ и отцовъ своихъ имѣнїе; и тѣмъ лишать наследства дѣтей своихъ—есть время? Богъ имъ судья. Отецъ только и твердитъ: у меня, братецъ, лучший Аббе за сыномъ ходитъ; а мать повторяетъ, поправляя парикъ передъ зеркаломъ и прикрывая сѣдые свои волосы: а для чего я держу Мадамъ? она и пекись о дочеряхъ моихъ! Послѣ сихъ словъ, покачаешь головой, вздохнешь и замолчишь. А какія Мадамы-то, Сила Андреевичъ!:: кабы ты зналъ ихъ; ну ужъ кладъ; подлинно прости Господи, ни стыда ни совѣсти. Ей Богу дурно! я самъ знаю нѣкоторыхъ; которыя нѣсколько мѣсяцовъ были Мадамами, а теперь сидятъ у модницъ; шьютъ шляпки; и смѣются надъ тѣми; у коихъ были въ чести: Богъ великъ; Сила Андреевичъ; ГОСУДАРЬ нашъ АЛЕКСАНДРЪ любить своихъ подданныхъ, все идетъ и пойдетъ къ лучшему.

Господи помилуй! да что за народъ Французы? копейки не стоятъ, сказалъ ты, Сила Андреевичъ, правда твоя и правда неоспоримая! да вотъ что худо: о чемъ и ты не подумалъ: не довольно молодѣжь, да и

старые туды же; чѣмъ бы унимать дѣтей, сами тоже дѣлають. Ну, какъ же подивиться? Сила Андреевичъ! Войдешь въ знатный домъ — только и услышишь по Руски: *человѣкъ! подай стаканъ воды съ виномъ, либо меду*, а прочіе-то разговоры, всѣ почти не на своемъ языкѣ. Пойдешь и не къ знати, даже къ купцамъ, тоже, да тоже. Ну, что ты прикажешь дѣлать! стыдъ нашимъ головушкамъ, да и только—право такъ! А какъ сказать тебѣ еще нѣчто, такъ ты ужаснешься. На примѣръ слыханое ли дѣло между Рускими, садиться и вставать изъ за хлѣба соли не перекрестя лба? не воздавъ Богу благодаренія? а вотъ есть и такіе молодцы! имъ, видишь ты, стыдно перекреститься. Осудятъ наставники—то ихъ Французы, т. е. тѣ, у коихъ, какъ говорится, первое щастіе отыми Богъ стыдъ. Пришли было времена не Рускіе, но Творецъ изрѣкъ, да будетъ перемѣна, и бысть; обстоятельства, почти всѣхъ помирили самихъ съ собою;—въ самомъ дѣлѣ, чего лучше быть Рускимъ, ходи носъ вверху, какъ ты сказалъ, Сила Андреевичъ; славно! Богъ да дастъ тебѣ здраціе и да скажешь намъ цвѣрія цѣстины.

Господи помилуй! говоришь ты, Сила Андреевичъ, да чего отцамъ и матерямъ хочется? чего у насъ нѣтъ? все есть, или быть можетъ; ГОСУДАРЬ милосердый, дворянство великодушное, купечество богатое, народъ трудолюбивый. Совершенная правда, никакихъ доказательствъ не требующая. Конечно такъ, и всѣ твердятъ отъ души и сердца; а тебѣ за сію истину благословеніе и мольбы о тебѣ къ Всемогущему. Но вотъ что мнѣ пришло не по сердцу; не погнѣвись пожалуй, Сила Андреевичъ! я такой же заслуженный какъ и ты, преданъ Отечеству и ГОСУДАРЮ не менѣе тебя, люблю правду, а неправды терпѣть не могу; такой обычай у меня, чего ужъ не полюблю, такъ не полюблю. Э, хе! хе! ну какъ тебѣ пришло въ голову, почтенный землякъ, Сила Андреевичъ, сказать, да еще и вслухъ, и на Красномъ крыльцѣ, гдѣ предками нашими говорилась единая только правда: что Россія извѣстна лѣтъ съ полтора; согрѣшилъ, другъ мой, больно согрѣшилъ. Вить естьли ты сказалъ, то и проклятые иноземцы переводя, скажутъ, вотъ дискать и сами Рускіе

признается, что Россія недавно только известна; и что прикажете имъ на это сказать? тотчасъ укажутъ на тебя, и замолчиши. Не могу не подивиться! какъ! да разве Рускіе не показали величія своего и въ самой глубокой древности? и Олегъ Великій Князь, не прибылъ ли съ Русскими, щитъ свой, къ вратамъ Цареградскимъ и не заключилъ ли въ 912 году мирнаго, выгоднаго договора; съ Греческимъ Императоромъ Левимъ премудрымъ; да разве Владимиръ великій; не получалъ посольства отъ многихъ Державъ и отъ самаго гордаго Папы, и не известенъ былъ въ цѣломъ мірѣ, озаря светомъ Евангелія Россію? Богъ съ тобою, Сила Андреевичъ!—да разве Ярославъ, давшій писанные законы Россіянамъ въ 1017 году не славенъ былъ, и не получалъ посольства, и не заключалъ союзовъ и договоровъ, со многими Державами? Господи помилуй: да разве Гаральдъ Король Шведскій и Норвежскій не пріѣзжалъ въ Россію, и не просилъ себя въ супружество Елисавету дочь Ярославову и не сбѣгался бракомъ съ нею въ Россіи въ 1049 году; неужели забылъ по-

чтенный Сила Андреевичъ, что Анастасія, другая дочь Ярослава законодателя, чрезъ посольство вышла за мужъ, за Андрея II, Венгерскаго Короля въ 1053 году, и что Анна, его же дочь, прежде сего въ 1051 году чрезъ сильныя просьбы посланниковъ Французскихъ, посланныхъ отъ Генриха I, отпущена изъ Россіи, и была его супругою и Королевою Французскою, удержавъ всегда законъ свой? Съ нами крестная сила! какъ не знать, что Владимиръ, старшій сынъ Ярослава, былъ женатъ на Англинской Королеви; а самъ Ярославъ въ 1019 году удостоилъ своей руки Шведскую Королеву Ингегерду, по крещеніи Ирину, дочь Эрика побѣдоноснаго и сестру Олава святаго. Эта древность, Сила Андреевичъ, пріятна каждому Рускому и доказываетъ могущество тогдашней уже Россіи, союзы и вліяніе ея на дѣла Европы. Не осердись, правдивый человекъ! а мнѣ было досадно читать, что Россія, по твоимъ словамъ, извѣстна лѣтъ съ полтора ста; только то, спасибо; удружилъ; вѣтъ, ужъ это больно; да развѣ Владимиръ Мономахъ не унижилъ Генуесцовъ и Полов-

погъ, и не утрашилъ, и не принудилъ славнаго Греческаго Императора Алексѣя Комнина мира просить, и не получилъ ли отъ него въ 1114 году драгоцѣнные дары, и корону и скипетръ и державу; и развѣ не коронованъ былъ Владимиръ и не названъ Царемъ и Самодержцемъ всея Россіи? Мало тебѣ сего, вотъ и еще: даже и во время несчастнаго положенія Россіи, когда она Божиимъ попущеніемъ подпала игу Татаръ, то и тогда не преставала имѣть Великихъ Государей и славныхъ подданныхъ; ибо Государи чрезъ людей избранныхъ приводятъ въ надлежащее совершенство свой намѣренія. Государи велики, какъ ты и самъ знаешь, Сила Андреевичъ, благоденствіемъ своихъ подданныхъ; а естли были въ древней Россіи дѣла подражанія достойныя, то отъ того, что Государи по словамъ Князя Якова Θεодоровича Долгорукаго умѣли всегда выбирать людей, на коихъ вѣрность и разумъ могли положиться. Ахъ, Сила Андреевичъ! что дѣлать, а я вслухъ скажу, не ужели и Александръ Невскій неизвѣстенъ былъ побѣдя пять разъ Лифляндскихъ Рыцарей, Шве-

ловъ и Датчанъ; такъ и Дмитрій Денской съ полковниками своими ничего не значить? и Царь Иоаннъ Васильевичъ, избавя Россію изъ подъ ига Татарскаго, вниманія не заслуживаетъ? и сынъ его Василій Іоанновичъ, дай Богъ память, въ 1514 г. развѣ не названъ въ грамотѣ Максимилиана I, Императора Римскаго, Цесаремъ и Императоромъ всея Россіи.

Господи помилуй! а я буду продолжать, и не громко скажу: Сила Андреевичъ! да развѣ Ричардъ Шонцелоръ съ Англичанами не приставалъ къ Архангельскому порту, и не былъ въ Москвѣ, и не просилъ Царя Іоанна Васильевича Грознаго, отъ имени своего Короля, позволенія торговать въ Россіи; да развѣ и Голландцы не того же просили, и развѣ это не означаетъ, что Россія была извѣстна болѣе полутора ста лѣтъ, какъ ты сказалъ. Пора перестать и сказать только, что Россія, любезное Отечество наше и въ древнія времена свои, являла свѣту великія дѣла, и имѣла великихъ полководцевъ и дѣловцевъ Государевыхъ: Не такъ ли, отецъ мой, Сила Андреевичъ!

Богъ да продлитъ жизнь твою, Сила Андреевичъ! ты великодушный человекъ и не прогнѣваешься на земляка, любящаго какъ и ты, Царство Русское, и не любящаго неправды; ну, будь самъ Судья: конечно, людей славныхъ, о которыхъ вслухъ ты мыслилъ на Красномъ крыльцѣ, всѣ сыны Отечества чтутъ; но всѣ также говорятъ, будто только и было на Святой Руси великихъ людей. Согрѣшилъ Сила Андреевичъ! — согрѣшилъ—покайся. Однако при всемъ томъ повторю мнѣніе свое, со мнѣніемъ истинныхъ соотечественниковъ: все что ты сказалъ на Красномъ крыльцѣ, оканчивая свой разговоръ съ самимъ собою, неподражаемо, превосходно, чрезвычайно хорошо; потому, я и не смѣю ничего сказать, а заключу твоими словами:

Слава тебѣ Россійское побѣдоносное Христіанское воинство, честь ГОСУДАРЮ нашему и матушкѣ Россіи! слава тебѣ храбрый Бенигсенъ! слава вамъ герои Россійскіе: Толстой, Кожинъ, Голицынъ, Доктуровъ, Волковской, Долгорукой! вѣчная память — юноша храбрый Голицынъ; молодые у те-

бя научатся, братья тебѣ позавидуютъ, старики вздохнуть не разъ, раздѣлять печаль тяжкую съ отцемъ твоимъ и матерью, и не скроютъ отъ нихъ слезы горькія о несчастной судьбѣ твоей. Радуйся, Царство Русское! всемирный врагъ предъ тобою уклоняется, богатырскою твоею силою истребляется; онъ пришелъ какъ алчный левъ, хотѣлъ всё пожрать; теперь бѣжитъ какъ голодный волкъ — только озирается и зубами пощелкиваетъ; не щади звѣря лютаго, тебѣ слава и вѣнецъ, ему срамъ и конецъ. Ура Русскіе!! вы одни молодцы; Богъ съ вами, побѣда предъ вами, Россія за вами. —

ПОДРОБНЫЙ СНИСОКЪ

ВСѢХЪ КОРПУСОВЪ

СОСТАВЛЯВШИХЪ

ФРАНЦУЗСКУЮ АРМІЮ,

ВЫШЕДШУЮ ВЪ ПОХОДЪ ПРОТИВЪ РОССІИ ВЪ 1812 ГОДУ.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

РОСПИСАНІЯ ПОТЕРЬ,

**СДѢЛАННЫХЪ НЕПРІЯТЕЛЕМЪ СЪ НАЧАЛА КАМПАНИИ
ВЪ РАЗНЫХЪ СРАЖЕНІЯХЪ ДО ВСТУПЛЕНІЯ ВЪ МОСКВУ.**

Въ числѣ любопытныхъ бумагъ, оставленныхъ здѣсь непріятелями, доставлены ко мнѣ рапорты его Генераль-Штаба. Стараясь удостовѣриться въ подлинности ихъ, я нашелъ, что они дѣйствительно справедливы и хранились у правителя военной Канцеляріи Принца Невштательскаго (Бертъе), оставленнаго опасно больнымъ въ Москвѣ. Для удовлетворенія любопытства Россіянъ всѣ сіи рапорты я приказалъ перевести съ Французскаго на Руской языкъ и предать напечатанію.

Извѣстно всѣмъ, что изъ сей страшной и небывалой силы одни лишь Фельд-

маршалы, часть Генераловъ и нѣсколько тысячъ войска вышли изъ земли Русской, остальные же остались на ней и въ ней плѣнными и мертвыми; а Наполеону предоставлено отдать отчетъ девятнадцати народамъ въ жизньхъ 575,500 людей, принесенныхъ въ жертву властолюбію, злости и безумству единого.

ГРАФЪ РАСТОПЧИНЪ.

НАИМЕНОВАНИЯ КОРПУСОВЪ,

СЪ ОЗНАЧЕНІЕМЪ ЧИСЛА ВОЙСКЪ И ГЕНЕРАЛОВЪ, ИМИ
ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОВАВШИХЪ.

- Первый корпусъ*, подъ предводительствомъ Маршала Давуста, Князя Экмильскаго. 80,000
- Второй корпусъ*, подъ предводительствомъ Маршала Удино, Дюка де-Режжіо 45,000
- Третій корпусъ*, подъ предводительствомъ Маршала Нея, Дюка Елшинскаго. 45,000
- Четвертый корпусъ* (Италіянская армія) подъ предводительствомъ Ви-

це-Короля Италіянскаго, составлена была:

- 1) Изъ Италіянской гвардіи,
 - 2) Изъ 15,000 Италіянскаго войска,
 - 3) Изъ 25,000 Французскаго войска,
 - 4) Два полка Далматинскихъ,
- } 55,000

Пятый корпусъ. (Вестфальскія войски и другія въ Германіи собранныя) Корпусъ сей былъ начально подъ предводительствомъ Вестфальскаго Короля; но сей будучи по приказанію Наполеона высланъ изъ арміи, равно какъ и Генераль Вандамъ, начальство надъ симъ корпусомъ препоручено Маршалу Жюно, Дюку д'Абрантесъ 30,000

Шестый корпусъ (Польскія войски), подъ предводительствомъ Князя Понятовскаго 60,000

Седьмый корпусъ (Саксонскія войски), подъ предводительствомъ Генерала Графа Ренъе 30,000

Осьмый корпусъ, подъ предводительствомъ Маршала Макдональда, Дюка Тарантскаго, составленъ изъ:

1) 15,000 Французскаго войска,	}	60,000
2) 35,000 Прусскаго войска,		
3) 10,000 Рейнекаго союза,		

Девятый корпус, подъ предводительствомъ Маршала Виктора, Дюка де-Беллуно, составлень былъ изъ:

1) 30,000 Французскаго войска,	}	45,000
2) 15,000 разнаго Конфедератскаго войска		

Десятый корпус, подъ предводительствомъ Маршаловъ Монсея, Дюка Конеліянскаго, Вессіера, Дюка Истрійскаго и Мортъе, Дюка Тревизскаго, состоялъ изъ:

1) 20,000 старой Французской гвардіи,	}	40,000
2) 15,000 новой Французской гвардіи,		
3) 5,000 старой конной гвардіи,		

Вспомогательный Австрійскій корпус, подъ начальствомъ Князя Шварценбергскаго. 30,000
Кавалерія, подъ предводительствомъ

Неополитанскаго Короля, составлена была изъ шести дивизій и 10,000 легкой пѣхоты	35,000
Большой паркъ легкой артиллеріи изъ 150 орудій, съ 400 снарядами ящиками	3,000
Большой резервный паркъ пѣшей артиллеріи 160 орудій, съ 800 снарядами ящиками	4,000
(Сіи два корпуса были подъ начальствомъ Дивизионнаго Генерала и Инспектора артиллеріи Графа д'Ебле).	
Баталіонъ понтонщиковъ	900
Два баталіона піонеръ	1,800
Отрядъ минеровъ	300
18 ротъ Инвалидныхъ солдатъ	1,800
Баталіонъ саперовъ и флотскихъ инженеровъ	900
Три баталіона фурманщиковъ для упряжекъ телѣгъ фуръ и пр	2,500
Отрядъ печниковъ, каменщиковъ и пр.	300
Четыре баталіона пекарей	3,000
Провіантскихъ чиновниковъ	2,000

Итого въ цѣлой Французской арміи было, считая свиту Императора, Вице-Короля Италіянскаго, Неаполитанскаго и Вестфальскаго Королей, всѣхъ Маршаловъ и Генераловъ, Лекарей, Аптекарей, прислужниковъ арміи

всѣхъ . . . 575,500 человекъ.

Замѣчаніе.

Каждый корпусъ большой арміи имѣлъ при себѣ артиллерійской паркъ въ 16 орудій, резервнымъ называемый.

И такъ въ резервныхъ паркахъ было 176 орудій и 528 снарядныхъ ящиковъ.

(Крогѣ того всякой полкъ имѣлъ по положенію 8 пушекъ, а всякая дивизія пѣхотная 16).

По сему разчисленію полевыхъ орудій было во Французской арміи 784, а ящиковъ зарядныхъ 1568.

Императорская гвардія имѣла 150 пушекъ.

И т о г о :

Всѣхъ пушекъ въ арміи было	1,194
Зарядныхъ ящиковъ	2,768
Всѣхъ дивизій было	49
А полковъ, не считая гвардіи	98

Армія, подъ непосредственнымъ начальствомъ Наполеона была предводительствуема Маршалами:

- Бертъе.
 - Даву.
 - Неемъ.
 - Макдональдомъ.
 - Удино.
 - Бессіеромъ.
 - Монсеемъ.
 - Мортъе.
 - Викторомъ.
 - Ле-Фебромъ.
 - Сенъ-Сиромъ.
-

РОСПИСАНІЕ ПОТЕРЬ,

СДѢЛАННЫХЪ НЕПРІЯТЕЛЕМЪ СЪ НАЧАЛА КАМПАНИИ ДО
ВСТУПЛЕНІЯ ИХЪ ВЪ МОСКВУ.

ВИТЕБСКОЕ СРАЖЕНІЕ.

Четвертый корпусъ, подъ начальствомъ Вице-Короля Италіянскаго, лишился дивизионнаго Генерала Руссея и одного Польскаго бригаднаго Генерала, умершихъ отъ ранъ. Одинъ бригадный Генералъ раненъ.

Полковниковъ	3
Штабъ-Офицеровъ	7
Офицеровъ	93
Нижнихъ чиновъ	3,600

СРАЖЕНІЕ ПОДЪ МОГИЛЕВЫМЪ.

Въ семь дѣлъ участвовали первый корпусъ Французской арміи и 3-й конно-егерскій полкъ.

48-й Линейный полкъ потерялъ:

Офицеровъ	15
Нижнихъ чиновъ	341

108-й Линейный полкъ потерялъ:

Баталіонныхъ Командировъ .	1
Маіоровъ	1
Офицеровъ	27
Рядовыхъ	964

7-й Легкій пѣхотный полкъ:

Баталіонныхъ Командировъ .	1
Офицеровъ	19
Рядовыхъ	391

46-й Линейный полкъ:

Маіоровъ	1
Офицеровъ	11
Рядовыхъ	400

Артиллерія потеряла:

Офицеровъ	5
Канонеровъ	133

3-й Конно-егерскій полкъ:

Эскадронныхъ Командировъ	2
Офицеровъ	30
Нижнихъ чиновъ	463

57-й Линейный полкъ:

Баталіонныхъ Командировъ	3
Офицеровъ	39
Рядовыхъ:	931

Итого подъ Могилевымъ:

Маіоровъ	2
Эскадронныхъ Командировъ	2
Баталіонныхъ Командировъ	7
Офицеровъ	141
Нижнихъ чиновъ	3,982

СМОЛЕНСКОЕ ДѢЛО

7го Августа.

Въ третьемъ корпусѣ Маршала Нея убито два бригадныхъ Генерала, а пять ранено.

13-й Легкій пѣхотный полкъ потерялъ Полковника и всѣхъ баталіонныхъ Командировъ.

Офицеровъ	43
Нижнихъ чиновъ :	2,300

15-й Легкій пѣхотный:

Баталіонныхъ Командировъ.	2
Офицеровъ	41
Нижнихъ чиновъ	1,500

21-й Линейный полкъ:

Полковника	1
Баталіонныхъ Командировъ.	3
Офицеровъ	25
Нижнихъ чиновъ	960

24-й Легкій пѣхотный:

Баталіонныхъ Командировъ.	2
Офицеровъ	29
Нижнихъ чиновъ	1,360

46-й Линейный полкъ:

Маіора	1
Баталіонныхъ Командировъ.	3
Офицеровъ	39
Нижнихъ чиновъ	1,136

4-й Линейный полкъ:

Полковника	1
Маіора	1
Баталіонныхъ Командировъ.	1
Офицеровъ	36
Нижнихъ чиновъ	1,110

72-й Липейный полкъ:

Полковника	1
Баталіонныхъ Командировъ.	2
Офицеровъ	23
Нижнихъ чиновъ	1,511

48-й Линейный полкъ:

Баталіонныхъ Командировъ.	1
Офицеровъ	21
Нижнихъ чиновъ	960

Кавалерія, подъ начальствомъ Неаполитанскаго Короля, потеряла убитыми:

Генераловъ	2
Полковниковъ	3
Эскадронныхъ Командировъ.	2
Офицеровъ	41
Нижнихъ чиновъ	1,809

Польскія войски потеряли:

Генераловъ бригадныхъ . .	1
Полковниковъ	2
Эскадронныхъ Командировъ.	5
Офицеровъ	29
Нижнихъ чиновъ	1,891

Португальскій легіонъ потерялъ:	
Баталіонныхъ Командировъ	1
Офицеровъ	15
Нижнихъ чиновъ	564
Испанскій полкъ (Юсифъ Наполеонъ):	
Офицеровъ	14
Нижнихъ чиновъ	389
Иллирійскіе два полка:	
Штабъ-Офицеровъ	2
Оберъ-Офицеровъ	25
Канонеръ	364
Гвардія потеряла:	
Офицеровъ	2
Саперъ	5
Итого въ Смоленскѣ убито и ранено:	
Генераловъ	10
Штабъ-Офицеровъ Генераль- наго Штаба	3
Полковниковъ	11
Подполковниковъ	23
Маіоровъ	2
Офицеровъ	402
Нижнихъ чиновъ	13,590

СРАЖЕНИЕ ПО СЮ СТОРОНУ СМОЛЕНСКА

(въ Заболотьѣ) подъ вечерь $\frac{2}{21}$ Августа.

Въ семь дѣлъ сражались корпусы Маршаловъ Нея и Даву.

Дивизионный Генераль Годенъ умеръ отъ ранъ на полѣ сраженія.

Два бригадные Генерала изувѣчены, равно какъ и пять Офицеровъ Генеральнаго Штаба.

7-й Легкій пѣхотный полкъ потерѣлъ:

Баталіонныхъ Командировъ	4
Офицеровъ	43
Нижнихъ чиновъ	1,894

13-й Легкій пѣхотный полкъ:

Офицеровъ	15
Рядовыхъ	916

15-й Легкій пѣхотный полкъ:

Баталіонныхъ Командировъ	1
Офицеровъ	21
Рядовыхъ	396

21-й Линейный полкъ:

Офицеровъ	9
Рядовыхъ	710

46-й Линейный полкъ почти совершенно истребленъ.

48-й Линейный полкъ:

Офицеровъ	19
Рядовыхъ	696

72 й Линейный полкъ потерялъ:

Офицеровъ	11
Рядовыхъ	563

Третій корпусъ Маршала Нея потерялъ:

Бригадныхъ Генераловъ	2
Офицеровъ Генеральнаго Штаба	3
Полковниковъ	4
Баталіонныхъ Командировъ	9
Офицеровъ	193
Нижнихъ чиновъ	2,690

Итого въ сраженіи $\frac{2}{21}$ Августа: .

Дивизионныхъ Генераловъ убито	1
Бригадныхъ убито и ранено	4
Офицеровъ Генеральнаго Штаба	8

Полковниковъ	17
Офицеровъ	316
Нижнихъ чиновъ :	8,422

Въ обоихъ же сраженіяхъ подъ Смоленскомъ $\frac{7}{19}$ и $\frac{9}{21}$ Августа Французская армія потеряла убитыми и ранеными:

Дивизионныхъ Генераловъ	2
Бригадныхъ Генераловъ	14
Офицеровъ Генеральнаго Штаба	11
Полковниковъ	28
Подполковниковъ	23
Офицеровъ	718
Рядовыхъ	22,012

Съ отступленія Французской арміи изъ Смоленска были токмо нѣкоторыя сшибки между ея авангардомъ и арріергардомъ Россійской арміи).

111-й Легкій пѣхотный полкъ, составившій $\frac{24}{5}$ Августа $\frac{5}{5}$ Сентября авангардъ 1-го корпуса Французской арміи, атаковавъ слишкомъ горячо Россійской арріергардъ, былъ разбитъ Карасирскимъ полкомъ съ потерю:

Пушекъ	4
Зарядныхъ ящиковъ	4
Штабъ-Офицеровъ	3
Оберъ-Офицеровъ	21
Рядовыхъ	1,300

Французская армія съ $\frac{9}{11}$ Августа по
24 Августа
5 Сентября потеряла:

Бригадныхъ Генераловъ	1
Полковниковъ	2
Эскадронныхъ Командировъ	3
Баталіонныхъ Командировъ	6
Офицеровъ Генеральнаго Штаба	3
Офицеровъ разныхъ чиновъ	45
Нижнихъ чиновъ	4,341

СРАЖЕНІЕ ПОДЪ БОРОДИНЫМЪ.

26 Августа.
7 Сентября.

Въ сраженіи семь находились слѣдующіе
корпусы: Первый корпусъ Маршала Даву,

Князя Екмильскаго.

Третій корпусъ Маршала Нея, Дюка Елшинскаго.

**Четвертый корпусъ (Италіянская армія),
подъ предводительствомъ Принца Евгенія,
Вице-Короля Италіянскаго.**

**Пятый корпусъ, подъ начальствомъ Маршала
Жюно, Дюка д'Абрантесъ.**

**Шестый корпусъ (Польская армія), подъ
начальствомъ Князя Понятовскаго.**

**Седьмый корпусъ, подъ предводительствомъ
Генерала Графа Ренъе.**

**Императорская гвардія пѣшая, подъ пред-
водительствомъ Маршаловъ: Дюка Конеліанскаго (Монсея) и Дюка Тревизскаго
(Мортъе), была въ резервъ.**

**Португальскій легіонъ,
Два Иллирійскіе полка,
Гишпанскій полкъ,** } **подъ начальствомъ
Генерала Куріала.**

**Дивизія гвардейскихъ конно-егерей и уланъ
(lanciers), подъ начальствомъ Генерала
Гулліома.**

**Драгуны Императорской гвардіи, подъ на-
чальствомъ Генерала Сен-Сюплиса.**

Легкая конница и жандармы Императорской гвардіи, подъ начальствомъ Маршала Дюка Истрийскаго (Бессіера).

Пять дивизій легкой кавалеріи (гусарь и конно-егерей), подъ начальствомъ Генерала Монбрюна.

Три драгунскія дивизіи, подъ начальствомъ Генерала Графа Коленкура.

Четыре кирасирскія дивизіи, подъ начальствомъ Генерала Графа Нансута.

Бригада конныхъ-карабинеръ, подъ начальствомъ Генерала Ла-Фравеа.

Четыре дивизіи Польскихъ, Саксонскихъ, Вестфальскихъ и Французскихъ уланъ, подъ начальствомъ Генерала Себастиани.

Три дивизіи Конфедератской кавалеріи, составлявшихъ резервный корпусъ, подъ начальствомъ Генерала Ле-Туръ Мобургъ.

Большой артиллерійской паркъ Императорской гвардіи 150 пушекъ, подъ начальствомъ Генерала Графа д'Ебле.

Резервный паркъ 160 орудій.

Батальонъ конной артиллеріи со 136 ору-

Итого въ Бородинскомъ сраженіи было:

Пѣхоты	143,100
Кавалеріи	33,000
Конной артиллеріи	2,000
Пѣшихъ канонерь	2,500
Всего же	180,500

NB. Вся кавалерія была подъ предводительствомъ Неаполитанскаго Короля.

ПОТЕРЯ ФРАНЦУЗСКОЙ АРМІИ ВЪ БОРОДИНСКОМЪ СРАЖЕНІИ УБИТЫМИ И РАНЕНЫМИ:

Первый корпусъ:

Дивизионныхъ Генераловъ	5
Бригадныхъ Генераловъ	7
Полковниковъ	11
Баталіонныхъ Командировъ	19
Офицеровъ Генеральнаго Штаба	13
Штабъ и Оберъ-Офицеровъ	180
Нижнихъ чиновъ	10,219

Третій корпусъ:

Дивизионныхъ Генераловъ	3
-----------------------------------	---

Бригадныхъ Генераловъ	5
Полковниковъ	9
Маіоровъ	2
Баталіонныхъ командировъ	15
Офицеровъ	131
Нижнихъ чиновъ	8,781

Четвертый корпусъ:

Дивизионныхъ Генераловъ	2
Бригадныхъ Генераловъ	5
Полковниковъ	8
Маіоровъ	3
Баталіонныхъ Командировъ	11
Офицеровъ	139
Нижнихъ чиновъ	10,640

Пятый Корпусъ:

Дивизионныхъ Генераловъ	1
Бригадныхъ Генераловъ	2
Полковниковъ	3
Маіоровъ	2
Офицеровъ Генеральнаго Штаба	1
Баталіонныхъ Командировъ	5
Офицеровъ	114
Нижнихъ чиновъ	5,600

Шестый корпусъ:

Дивизионныхъ Генераловъ	1
-----------------------------------	---

Бригадныхъ Генераловъ	2
Полковниковъ	7
Маіоровъ	1
Баталіонныхъ Командировъ	11
Офицеровъ	141
Нижнихъ чиновъ	6,000

Седьмый корпусъ:

Бригадныхъ Генераловъ	3
Полковниковъ	4
Маіоровъ	1
Баталіонныхъ Командировъ	7
Офицеровъ Генеральнаго Штаба	3
Офицеровъ	113
Нижнихъ чиновъ	4,964

Португальскій легіонъ, Гишпанской полкъ и
два Иллирійскіе:

Баталіонныхъ Командировъ	3
Маіоровъ	1
Офицеровъ	66
Нижнихъ чиновъ	1,236

Легкая кавалерія:

Главнокомандовавшій оною убить	1
Бригадныхъ Генераловъ	2

Полковниковъ	5
Эскадронныхъ Командировъ	9
Офицеровъ	193
Нижнихъ чиновъ	7,339

Драгунскіе полки:

Командовавший ими Генераль убить	1
Бригадныхъ Генераловъ	1
Полковниковъ	2
Эскадронныхъ Командировъ	5
Офицеровъ	64
Нижнихъ чиновъ	1,364

Бригада конныхъ карабинеръ:

Начальствовавший оною Генераль тяжело раненъ	1
Полковниковъ	1
Эскадронныхъ Командировъ	2
Офицеровъ	15
Нижнихъ чиновъ	125

Квирасирскія дивизіи:

Командовавший ими Генераль раненъ	1
Бригадныхъ Генераловъ	1
Полковниковъ	2

Маіоровъ	2
Эскадронныхъ Командировъ	5
Офицеровъ	53
Нижнихъ чиновъ	1,124

Дивизій улановъ (lanciers).

Командовавшій оными Генераль раненъ	1
Бригадный Генераль	1
Полковниковъ	2
Эскадронныхъ Командировъ	5
Офицеровъ	95
Нижнихъ чиновъ	493

Три дивизіи резервной кавалеріи:

Бригадныхъ Генераловъ	1
Полковниковъ	1
Маіоровъ	1
Эскадронныхъ Командировъ	3
Офицеровъ	19
Нижнихъ чиновъ	311

Конная артиллерія:

Полковниковъ	1
Эскадронныхъ командировъ	2
Офицеровъ	13
Нижнихъ чиновъ	544

Пѣшая артиллерія:

Полковниковъ	1
Маіоровъ.	1
Баталіонныхъ Командировъ.	1
Офицеровъ	11
Рядовыхъ	345

Итого въ Бородинскомъ сраженіи убито и ранено у непріателя:

Дивизионныхъ Генераловъ	17
Бригадныхъ Генераловъ	29
Полковниковъ	57
Маіоровъ	14
Баталіонныхъ и Эскадронныхъ Командировъ.	105
Офицеровъ Генеральнаго Штаба	17
Офицеровъ	1,367
Нижнихъ чиновъ, (полагая взятыхъ въ плѣнъ и безъ вѣсти пропавшихъ).	50,876

**СПИСОКЪ ЗНАЧУЩИХЪ ГЕНЕРАЛАМЪ, УБИТЫМЪ И
РАНЕНЫМЪ ВЪ СРАЖЕНІИ ПРИ БОРОДИНѢ.**

Дивизионные Генералы:

Графъ Монбрюнъ, командовавшій легкою кавалерією, раненъ будучи при началѣ сраженія, умеръ нѣсколько часовъ спустя.

Графъ Коленкуръ, начальствовавшій драгунскими дивизіями, умеръ на полѣ сраженія отъ ранъ.

Генералъ Графъ Годенъ убитъ.

Генералъ Графъ Дезе (Dessaix),
Генералъ Графъ де Дрю. } ранены.

Генералъ Ле-Гранъ убитъ.

Генералъ Графъ Фріанъ, новопожалованный Главнокомандующій гвардейскихъ гренадеръ, начальникъ 1-й дивизіи 1-го корпуса, умеръ отъ ранъ.

Генералъ Беллуа (Belloy), командовавшій артиллерійскимъ корпусомъ, тяжело раненъ.

Генералъ Графъ Федерикъ,
Генералъ Маріонъ. } убиты.

Генераль Ромене, начальникъ Генеральнаго
Штаба, корпуса Маршала Даву, убитъ.

Генераль Ла-Франсъ,
Графъ Кампанъ,
Графъ Нансути,
Генераль д'Алтонъ,
Графъ Себастиани,
Графъ Груши. } тяжело ранены.

Генераль Графъ Дессоль, начальникъ Гене-
рального Штаба 4-го корпуса, раненъ
тяжело.

Маршалъ Даву раненъ легко въ пятку.

Подъ Принцомъ Евгениемъ убита лошадь.

И того въ Бородинскомъ сраженіи:

Дивизионныхъ Генераловъ	}	убито . . .	10
		ранено . . .	7
Бригадныхъ Генераловъ	}	убито . . .	15
		ранено . . .	14
Всѣхъ же Генераловъ	}	убито . . .	25
		ранено . . .	21

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. Мысли въ Слухъ на Красномъ Крыльцѣ . . .	5
II. Письмо Силы Андреевича Богатырева . . .	19
III. Вѣсти, или убитой живой, Комедія . . .	25
IV. Письмо Вѣникова къ Силѣ Андреевичу Богатыреву	135
V. Отвѣтъ Богатырева Уст. Ульян. Вѣникову	139
VI. Письма Графа Растопчина къ Графу Суво- рову-Рымникскому	145
VII. Растопчинскія дописки	161
VIII. Объявленіе къ Аббатамъ двухъ Католиче- — — скихъ церквей въ Москвѣ	183
IX. — — Къ Викарію Московскому Августину	187
X. — — Обнародованное 20-го октября 1812 г.	191
XI. Записка въ французскомъ языкѣ, приклеен- ная къ церковной двери въ селѣ Вороновѣ	195
XII. Правда о пожарѣ Москвы.	199
XIII. La vérité sur l'incendie de Moscou	255
XIV. Письмо	299
XV. Жизнь Растопчина, списанная съ натуры въ десять минутъ	303
XVI. Mes mémoires ou moi au naturel, écrits en dix minutes	313

ПРИЛОЖЕНИЯ

- XVII. Мысли не въ слухъ у деревяннаго дворца Петра Великаго 321
- XVIII. Подробный списокъ всёхъ корпусовъ, составлявшихъ Французскую армию вышедшую въ походъ противъ Россіи въ 1812 г 335

31482

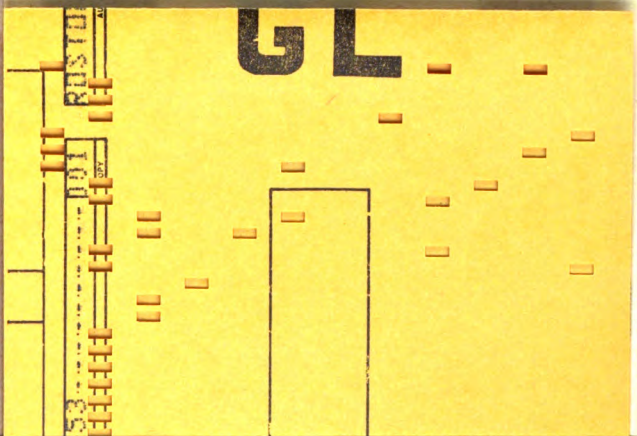
NRG
40
-

504

UNIVERSITY OF MICHIGAN

3 9015 06301 4982

**DO NOT REMOVE
OR
MUTILATE CARD**

PRINTED IN U.S.A.

102

Digitized by Google

